

Милтон Стейнберг

ОСНОВЫ
ИУДАИЗМА

Милтон Стейнберг • ОСНОВЫ ИУДАИЗМА

Милтон Стейнберг

ОСНОВЫ ИУДАИЗМА

Милтон Стейнберг

**ОСНОВЫ
ИУДАИЗМА**

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ

1989

Printed in Israel

מ. סטיינברג
יסודות היהדות

M. Steinberg
BASIC JUDAISM

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין – ספרייה
מס. מלאי.....

Перевела с английского 462
Елена Май

Редактор и составитель примечаний
Нафтали Прат

Издание 2-е, исправленное

ISBN 965-320-042-9

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרייה-עליה
ת.ד. 4140, ירושלים
הוזاعت לאור בסזע:
דאגדה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקהן זכרון למען תרבות יהודית, ניז'זוק
OCR Давид Титиевский, сентябрь 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	9
Предисловие	13
I. Предварительные замечания	
1. Природа иудаизма	16
2. Фактор времени	17
3. Значение понятия "основы"	21
4. Традиционалисты и модернисты	22
II. Выводы	
1. Конец пути	24
III. Тора	
1. Книга Торы	36
2. Книга Книг как книга	3
3. Традиция Торы	3
4. Тора в понимании традиционалиста	3
5. Тора в понимании модерниста	3
IV. Бог	
1. Символ веры	4
2. Познание Бога	4
3. Пределы познания	5
4. Что говорит о Боге иудаизм	5
5. Другие атрибуты Бога	6
6. Толкования	6
7. Великая тень	6
8. Между Богом и человеком	7
V. Праведная жизнь	
1. Благость жизни	1

2. Человек и его воля	73
3. Природа добра	75
4. Между человеком и Богом	77
5. Обязательства сердца	80
6. Величие и смиренение	84
7. Тело и душа	85
8. Между человеком и его ближним	89
9. Нравственность общества	93
10. Человек – гражданин	96
11. Тень греха	99

VI. Израиль и народы

1. Израиль – концепции традиционалистов	105
2. Израиль – интерпретация модернистов	108
3. Страна и язык	110
4. Неевреи	112
5. Другие религии	116
6. Иудаизм о Иисусе	119
7. Иудаизм о христианстве	125
8. Частное и общее	128

VII. Ритуал и обычаи

1. Молитва – мост	131
2. Богослужение	132
3. Предпосылки молитвы	133
4. Действенность молитвы	135
5. Распорядок дня	137
6. "Это ты можешь есть..."	141
7. Священный круг	145
8. Жизненный цикл	148
9. Почему и отчего	151
10. Модернистские вариации на тему ритуала	156

VIII. Закон

1. Закон в иудаизме	160
2. Идеализм в действии	163
3. Две точки зрения	166

IX. Институты	
1. Синагога	168
2. Раввинат	173
X. Грядущий мир	
1. Тройная надежда	177
2. Судьба человека	177
3. Царство Божье	182
4. Мессия	185
Эпилог	
Первая и последняя	189
Примечания	191

ОТ РЕДАКТОРА

Книга Милтона Стейнберга "Основы иудаизма" может служить превосходным введением в огромный и сложный мир еврейской религии для читателя, выросшего в условиях искусственной изоляции от религиозного и культурного наследия своего народа.

М. Стейнберг (1903–1950) является представителем так называемого консервативного иудаизма – одного из трех течений иудаизма в США, наряду с ортодоксальным и реформистским. Для консервативного иудаизма характерно сочетание благоговейного отношения к великому наследию еврейства с пониманием необходимости изменений в религиозной жизни еврейского народа, диктуемых новыми историческими условиями его существования. Представители консервативного иудаизма приветствовали выход евреев из гетто, усвоение ими положительных ценностей западной культуры; вместе с тем они подчеркивали, что эти перемены в жизни еврейства являются не разрывом с многовековой традицией, но ее продолжением и закономерным развитием. Вся история библейского и раввинического иудаизма является в их глазах длинной цепью таких перемен. В течение всей своей долгой истории еврейский народ оставался живым организмом, творчески реагировавшим на требования времени. Вместе с тем, представители консервативного иудаизма твердо верят в глубокий смысл традиционных форм и предписаний иудаизма и лишь с большой осторожностью идут на внесение каких-либо изменений в ритуал и религиозную практику вообще. Таким образом, для

консервативного иудаизма характерно уравновешенное отношение к традиции и реформам, чуждое крайностям слепой и фанатичной приверженности к любой, пусть самой незначительной детали традиционного образа жизни и богопочитания, так же как и безрассудной, разрушительной страсти к переменам. Эта уравновешенность, трезвость взгляда – одновременно любовного и испытующего – характерна для освещения иудаизма в книге Стейнберга.

Взгляд Стейнберга на иудаизм – это взгляд современного человека, не отворачивающегося от трудных вопросов нашего времени, не прячущегося от них за готовые формулы, выкованные много веков тому назад. Но это и взгляд верующего еврея, который знает, что иудаизм способен дать лучший ответ на любой из самых сложных вопросов. Подход Стейнберга к иудаизму – не апологетический, но философский. Он затрагивает такие важнейшие, решающие для мировоззрения проблемы, как вопрос о природе Бога, о его отношении к миру, человеку и истории, вопрос о смысле зла, о взаимоотношении веры и разума. Вместе с тем, Стейнберг рассматривает не только теоретический, но и практический аспект еврейской религии, иудаизм как образ жизни. Он не просто постулирует силу тех или иных предписаний или обычаяев, но старается раскрыть их внутренний смысл, их непонятную подчас для постороннего наблюдателя мудрость.

Красной нитью сквозь всю книгу Стейнберга проходит противопоставление двух подходов к иудаизму, которые он называет "традиционистским" и "модернистским". С редкой объективностью Стейнберг приводит аргументы обеих сторон и не навязывает читателю своего мнения, предпочтая пробуждать в нем самостоятельную мысль. Этот аспект книги Стейнберга делает ее особенно ценной для читателя, стремящегося приобщиться к миру иудаизма и не получившего традиционного

еврейского воспитания, читателя, нуждающегося в достаточно популярном, но отнюдь не упрощенном руководстве по основам иудаизма как религии и цивилизации.

Написанная в 1947 году, книга Стейнберга приобрела большую популярность среди англоязычных читателей. Можно надеяться, что таким же успехом она будет пользоваться и у читателя русскоязычного.

Нафтали Прат

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – о еврейской религии. Не о евреях или еврейских проблемах, не о еврейской культуре или сионизме, а о тех верованиях, идеалах и обрядах, из которых исторически складывалась еврейская религия.

Я старался писать по возможности кратко и настолько просто, насколько это возможно, когда говоришь о столь сложном и неуловимом предмете. В то же время краткость и простота изложения не забортили меня в такой мере, чтобы я ограничился исключительно перечислением фактов. В этой книге даны не только факты, но в равной мере и их интерпретация.

В истолковании явлений я стараюсь быть объективным, постоянно подавляя личное отношение к предмету; я преследую единственную цель – обрисовать иудаизм таким, каков он есть; а там, где у евреев существуют расхождения во мнениях относительно концепций иудаизма, – дать каждой стороне равную возможность быть услышанной. И хотя я беспристрастен, по крайней мере на страницах этой книги, в своем отношении к соперничающим течениям иудаизма, будь то традиционисты или нетрадиционисты, ортодоксальный, консервативный или реформистский иудаизм, я отнюдь не равнодушен к самому иудаизму. Я религиозный еврей, я верую и сердцем и умом столь же страшно, сколь убежденно. Эту свою преданность иудаизму я не мог бы хранить в тайне, даже если бы хотел, и не хотел бы, даже если б мог.

Как всякий автор, я рад любому читателю. Но книгу "Основы иудаизма" я предназначал преимущественно людям трех категорий.

Прежде всего, она адресована верующим евреям в надежде, что они, найдя в этой книге ясное и четкое определение своей веры, укрепятся в ней и станут верить более последовательно и решительно.

В равной мере книга эта обращена к многочисленной группе евреев, до сих пор индифферентных к иудаизму, — то ли в результате давления извне, то ли — внутренней опустошенности, — теперь они робко ищут связи с еврейской традицией, стоя у дверей синагоги, сердцем пребывая внутри, умом — вне ее. "Основы иудаизма" — не миссионерский трактат. Это декларация, а не проповедь. Но именно поэтому книга эта может оказаться полезной для колеблющихся. Здесь рассказано о вере, которую они должны обрести, если сумеют.

И, наконец, книга эта предназначена для тех многочисленных неевреев, которым случалось проявлять интерес к иудаизму. Христианину, ищущему объективное понимание еврейской религии, не позавидуешь. Правда, он найдет множество книг, посвященных этой теме. Но если авторы этих книг — христиане, то большинство из них рассматривает иудаизм лишь в связи с возникновением христианства или же исключительно с целью противопоставления его дочерней религии, причем, как правило, не в пользу иудаизма. Если же эти книги написаны евреями, то они обычно перегружены частностями и предполагают значительно больший объем специальных знаний, чем тот, которым обладает средний читатель-нееврей. И что еще хуже, их авторы проявляют склонность к тенденциозной защите какой-то одной точки зрения и рассмотрению сбивающих с толку и для постороннего не имеющих никакого значения сектантских различий.

Давно уже возникла потребность в книге об

иудаизме, которая бы написана, так сказать, изнутри самого иудаизма и поэтому сочувственно к нему расположена, которая бы занималась иудаизмом ради него самого, а не рассматривала бы его в качестве обертки чего-то другого, не была бы обременена излишними подробностями и, по возможности, свободна от разногласий по вопросам доктрины и ритуала. Ибо только такая книга может помочь еврею, еще не определившему свою позицию, и нееврею, который интересуется иудаизмом, увидеть его таким, каким его видят верующие евреи; понять, почему он оказался столь могущественной силой, влияющей на их судьбы, а посредством их – и на жизнь других людей. Достижению этих целей посвящена моя книга. Если они осуществлятся во всей своей полноте, это превзойдет мои ожидания. Я расчитываю достичь только некоторых из них, да и то частично. Что же касается тех моих попыток, которые обречены на неудачу, и намерений, которым суждено осуществиться лишь частично, то в утешение мне остается изречение древних мудрецов Израиля: "Ты не обязан выполнить все задание, но и не смей ты не взяться за него".

I. Предварительные замечания

1. Природа иудаизма

Слово "иудаизм" имеет два различных, но одинаково законных значения. Иногда оно обозначает целую цивилизацию — всю жизненную реальность, прошлую и настоящую, исторически сложившейся группы людей, называемой еврейским народом. В этом значении иудаизм вмещает как духовные, так и светские элементы: например, любовные песни средневековых еврейских поэтов, народную музыку и танцы восточноевропейских евреев, всевозможные социальные институты и многое другое.

С таким же правом можно пользоваться словом "иудаизм" для обозначения гораздо более узкого понятия: только духовного аспекта этой цивилизации, короче говоря — еврейской религии. Именно в этом втором его значении мы будем пользоваться словом "иудаизм" в данной книге.

Однако еврейская религия, даже изолированная от остальных элементов цивилизации, отнюдь не проста и не однородна. В ее ткани сплетены не менее семи нитей:

- 1) учение о Боге, вселенной и человеке;
- 2) мораль — индивидуальная и общественная;
- 3) система обрядов, обычаяев и церемоний;
- 4) свод законов;
- 5) Священное Писание;
- 6) институты, в которых находят выражение вышеперечисленные элементы;
- 7) народ, Израиль — центральная нить, от кото-

рой отходят и вокруг которой сплетаются все остальные.

Можно мысленно расплести эти нити. Можно сказать: "Давайте рассматривать учение отдельно от этики, или и то и другое в отрыве от литературы, или все элементы отдельно от народа, который создал и хранит их". Можно сказать, но сделать этого нельзя.

Во-первых, потому, что отдельные нити так прочно переплелись под давлением столетий, что никакие силы не разъединят их.

И, во-вторых, потому, что единство иудаизма есть нечто большее, чем прочность узла. Большая часть нитей, кажущихся самостоятельными, на самом деле — лишь разные органы единого существа, проникнутые единым животворным духом; они сливаются и пронизывают друг друга; их так же нельзя изолировать друг от друга, как части тела.

Ибо — и в этом суть дела — иудаизм — это единый организм; он соткан из живой ткани.

2. Фактор времени

Иудаизм имеет за собой и в себе самом четырехтысячелетнюю историю. Это слишком долгая и сложная история, чтобы излагать ее здесь. Кроме того, она выходит за рамки нашей темы. Однако история в такой мере определяет характер еврейской религии, что нам потребуется если не знание ее, то по крайней мере некоторое ощущение ее колорита и путей ее развития.

Представить себе историческое прошлое еврейского народа проще всего, узнав о людях, которые это прошлое создавали. Поэтому давайте познакомимся с ними в хронологической последовательности. Все вместе они представляют собой удивительную и яркую плеяду людей, переживших удивительную и яркую судьбу.

К этим людям принадлежат —

— Семиты, жившие задолго до Авраама; те, что создали великие цивилизации в долинах Тигра и Евфрата, и те, что кочевали по Аравийским пустыням.

— Патриархи, четыре тысячелетия назад пришедшие по воле случая в землю Ханаанскую, наследники и города, и пустыни; праотцы особенного, странного народа, с его духовными прозрениями и ценностями.

— Человек по имени Моисей, освободитель народа и его законоучитель, — по сравнению с ним маленькой кажется гора, на которой он стоит.

— Крестьяне Эрец-Исраэль, то следовавшие суровым традициям предков, то соблазнявшиеся легкими, часто развратными нравами аморитян, ханаанеев и хеттов, среди которых они жили.

— Пророки, самые смелые из всех пионеров и первооткрывателей в царстве Духа:

Натан и Илия, упрекавшие царей за жестокие притеснения.

Амос — пастух и выращиватель сикомор, провозгласивший универсальность Бога и примат справедливости в служении Ему.

Хошеа (Осия), вознесшийся к ослепительному видению Бога, неистощимого в Своей милости.

Исаия, обнаруживший в истории замысел и определивший цель, к которой она стремится: Царство Божье, царство всеобщего мира и равенства.

И Иеремия, и Миха (Михей), и Иехезкель (Иезекииль), и Хаваккук (Аввакум), и Иона...

— Псалмопевцы, так трогательно певшие о Боге, что богослужение не только в синагоге, но и в церкви, и в мечети по сей день вторит им.

— Мудрецы эпохи Второго Храма, записавшие Притчи, Экклесиаст, Премудрость Бен-Сиры и, пожалуй, самое великое литературное произведение всех времен — Книгу Иова.

— Эллинизированные евреи эпохи греко-римского

владычества — такие, как Филон Александрийский, — синтезировавшие традиции своего народа с греческой философией.

— Законоучители, творившие на протяжении трех столетий до и пяти веков после начала новой эры, создавшие такие сокровищницы благочестия, идеализма и еврейской мудрости, как Мишна, Вавилонский и Иерусалимский Талмуды, Мидраши. Это они, вслед за пророками, сделали так много для формирования исторического облика иудаизма; их мы будем иметь в виду, столь часто употребляя в дальнейшем слово "раввины".

— Назорей и его ученики, которые, хотя и не внесли прямого вклада в свою религию — иудаизм, преобразили весь западный мир и тем оказали косвенное влияние на свой народ и его веру.

— Комментаторы и толкователи Писания и раввинистической литературы, знатоки еврейской теологии и закона, где бы и когда они ни жили, которые постоянно систематизировали безбрежную Традицию, выявляя скрытые в ней возможности и обогащая ее силой своего таланта.

— Поэты, грамматики, толкователи, ученые, переводчики и историки Золотого века еврейства средневековой Испании.

— Философы, приводившие древнееврейское мировосприятие в гармонию с господствующими метафизическими системами различных эпох, начиная от Платона и Аристотеля и кончая неокантианством и прагматизмом.

— Каббалисты и другие мистики, искающие прямого и непосредственного познания Единого, скрытого за многим, Сущего, скрытого за кажущимся.

— Моралисты разных стран и эпох, размышляющие о жизни, посвященной добру, и о наилучших путях его достижения.

— Пиетисты* позднего средневековья, хасиды*, опьяненные идеей Бога и радостью бытия.

— Маскилим — "просветители" 18-го и 19 веков, пробившие брешь в стенах гетто, так что реальная жизнь хлынула туда бурным потоком, а дух еврейства после полутысячелетнего заключения смог, наконец, вырваться наружу.

— Историки и лексикографы последних ста пятидесяти лет, посвятившие себя научному исследованию еврейского прошлого, спасшие столь многое в иудаизме от разрушения временем, преследованиями и пренебрежением.

— Реформаторы самого различного толка, трудившиеся на протяжении 19-го и 20 столетий над приспособлением традиционного еврейского образа жизни к современным условиям; их противники — традиционалисты, противившиеся всякому изменению как святотатственному или пагубному.

— Те, кто сегодня строит еврейское отечество в Эрец-Исраэль, подготавливая почву для того ближайшего возрождения ивритской культуры, которое уже происходит на наших глазах.

— Бесчисленные мученики всех поколений, от первых до самых последних, освятившие иудаизм своей безграничной верностью и преданностью ему.

— И, наконец, мириады и мириады безвестных людей — не пророки, не раввины, не философы, не поэты, не ученые, не мученики — те, кто жили и умерли, не оставив своего имени, погрузившись в безвестность, но не менее, чем "люди славы", любили духовное наследие своего народа и служили ему. Их вклад, пусть и безымянный, тоже живет в иудаизме сегодняшнего дня.

Ибо ко всей еврейской эпопее и ко всем, кто принимал в ней участие, вне зависимости от времени и важности сыгранной роли, можно отнести слова литургии, сказанные о Книге жизни*: "В ней печать руки каждого человека".

3. Значение понятия "основы"

Имеет ли понятие "основы иудаизма" какой-либо смысл?

Перед нами иудаизм, сочетание семи элементов, творение многих рук, продукт различных времен и обстоятельств. Можно ли выносить общее суждение о явлении столь разнородном и долговечном, не говоря уже о том, чтобы отделять в нем существенные черты от второстепенных, преходящие от постоянных?

Иными словами, взявшись за описание основ иудаизма, не задаемся ли мы призрачной целью определить нечто такое, чему в силу самой природы иудаизма не может соответствовать никакая реальность?

— Нет! Многие явления сложны и постоянно претерпевают изменения, но тем не менее сохраняют фундаментальные свойства, над которыми не властны время и превратности судьбы.

Человек живет, растет, изменяется с годами под влиянием обстоятельств и все же сохраняет на протяжении всей жизни свою индивидуальность. Тождество тела связывает воедино младенца, зрелого мужчину и седобородого старца. Существует еще более выраженное и более важное тождество характера и души, основы личностной структуры, которая стойко сохраняется от самого детства до могилы, обусловливая единство жизни.

То же и с иудаизмом. Семь нитей, из которых соткана его основа, переплетены столь тесно, что образуют прочную структуру, открывающуюся взору независимо от того, в какой точке ни произвести разрез. Несомненно, между отдельными частями этой структуры существуют различия, иногда столь заметные, что за ними скрывается ее тождество. Но, очевидное или скрытое, тождество это всегда присутствует в иудаизме.

Именно его мы имеем в виду, говоря об основах

иудаизма. Оно – общий знаменатель всех элементов иудаизма на протяжении всей его истории, те самые характерные свойства, которые одинаково стойко присущи и детству, и зрелости иудаизма, черты, неизменно продолжающие сохраняться в нем, та самая целостная конструкция, которая всегда различима, в какой бы части ее ни сделать поперечный разрез.

4. Традиционалисты и модернисты

Духовный облик иудаизма на протяжении всей его истории един и непрерывен. Исключение составляют лишь начальные фазы становления и самые последние этапы развития.

Так, на самых ранних стадиях, в дни, предшествующие великим пророкам, он едва обнаруживает свой облик, предстает скорее как обещание, чем как действительность.

В ближайший к нам отрезок европейской истории классическая структура иудаизма снова становится стертой, затуманенной, или – выражаясь более точно – расщепляется, как бы распутываясь на два основных варианта со всевозможными осколками и уклонами между тем и другим.

Современный мир оказался той острой гранью, за которой началось это разделение.

В течение нескольких столетий, вплоть до французской революции, основная масса евреев Европы была совершенно изолирована от остального человечества. Заключенные в гетто, они жили обособленной жизнью. Затем в 18-ом и 19 столетиях евреи были "эмансипированы"; иными словами, получили право жить, где им хочется, заниматься любой деятельностью по собственному призванию, участвовать в политической и культурной жизни стран, где они родились, в той мере, в какой они сами этого хотели.

Это был опыт избавления и освобождения. Но это был также и шок. Все эти нововведения не только изменили социальное положение евреев, но и потрясли их интеллектуально и эмоционально. Ибо в этом неведомом новом мире жили незнакомые новые идеи — научные, философские и моральные — которые, казалось, бросали вызов традиционным еврейским верованиям и идеалам.

Еврейская революция, как и французская, началась 14 июля 1789 года. Продолжаясь по сей день, она обусловила появление двух различных версий европейской религии.

Есть евреи, которые отказались хотя бы в малейшей степени отступить от веры, морали и обычаев своих предков. Это строгие традиционалисты.

Однако другие решили, что иудаизм должен приспособиться к современным идеям и обстоятельствам. Вера, которую они исповедуют, принципы, которым они следуют, ритуал, который они соблюдают, синагоги, которые они посещают, — все это происходит из традиционного иудаизма и проникнуто его ценностями. Однако они отошли — в большей или меньшей степени, сознательно или неумышленно — от старого образца. Их можно было бы назвать "модернистами-традиционистами" если бы это выражение не было таким неуклюжим. Назовем их просто "модернистами", понимая при этом, что они являются также и традиционалистами.

Соответственно, в тех случаях, когда мы говорим об иудаизме без ярлыков и этикеток, мы имеем в виду те его аспекты, в которых и традиционалисты, и модернисты единодушны. Время от времени, однако, мы вынуждены будем определять расхождения между различными вариантами классического образца.

Мы будем больше говорить о сходстве этих двух направлений, чем об их различиях. Я говорю об этом столь определенно потому, что, подготовив читателя

к существующим разногласиям, я не хочу заставлять его преувеличивать их число или глубину.

Эти две группы, традиционалисты и модернисты, имеют гораздо больше общего, чем различий. Их взгляды образуют не две различные религии, но лишь варианты одной и той же религии.

II. Выводы

1. Конец пути

Давным-давно, целых два тысячелетия тому назад, когда иудаизм был еще юным, но уже достаточно сложившимся, чтобы иметь свой четко очерченный характер, было предпринято несколько попыток выразить суть этого характера некоей лаконичной формулой.

Одна из таких попыток принадлежит Хиллелу, мудрецу и праведнику, жившему в Эрец-Исраэль незадолго до начала новой эры. Рассказывают, что, когда некий язычник попросил его рассказать об иудаизме за те несколько мгновений, в продолжении которых человек может устоять на одной ноге, Хиллел ответил:

"Того, что ненавистно тебе, не делай ближнему своему. Вот и все учение. Остальное лишь комментарий. Иди и учись".

Во 2 веке рабби Акива, сын Иосефа, обнаружил "великий принцип" иудаизма в заповеди, провозглашенной в книге Левит: "Люби ближнего своего, как самого себя".

Его современник Шимон, сын Аззай, выдвинул в качестве альтернативы "великому принципу" стих из книги Бытия: "Вот книга родословий Адама. В день, когда сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его". Шимон, таким образом, подчеркнул, что еще важнее любви к человеку сознание его родства Богу.

Однако лишь в учении Симлая, законоучителя

3 столетия, мы, кажется, находим самую остроумную и радикальную из всех попыток выявить сущность европейской религии.

Рабби Симлай учил: "Шестьсот тринацать заповедей были даны Моисею: триста шестьдесят пять из них — запрещения, их столько, сколько дней в году, а двести сорок восемь — это положительные предписания, их число соответствует числу членов человеческого тела.

Пришел Давид и свел их к одиннадцати заповедям, как сказано (Псалмы 15):

Господи, кто может пребывать в жилище Твоем?
Кто может обитать на святой горе Твоей?
Тот, кто ходит непорочно и делает правду,
И говорит истину в сердце своем;
Кто не клевещет языком своим,
Не делает собрату своему зла
И не поносит ближнего своего;
Тот, в глазах которого презрен отверженный,
Но славит он страшящихся Бога;
Тот, кто клянется хотя бы и во зло себе,
Но не изменяет слову своему;
Кто денег своих не дает в рост,
Но и не берет даров против невинного.
Поступающий так не поколеблется вовек.

Пришел Исаия и свел все к шести заповедям, как сказано (Исаия 33:15):

Тот, кто ходит в правде и говорит истину;
Кто презирает корысть от притеснения,
Кто держит руки свои чистыми от взяток,
Кто затыкает уши свои, чтобы не слышать
о кровопролитии,
Кто закрывает глаза свои, чтобы не видеть зла,
Тот будет обитать на высотах.

Пришел Миха и свел все к трем заповедям, как сказано (Михей 6:8):

О человек! Сказано тебе, что – добро
И чего требует от тебя Господь:
Поступать справедливо, любить милосердие
И ходить смиренно перед Богом твоим.

Еще раз пришел Исаия и свел все к двум заповедям, как сказано (Исаия 6:1):

Так говорит Господь:
Храните правосудие и поступайте праведно.

Затем пришел Амос и заключил все в одной заповеди, как сказано в книге его (5:4):

Взыщите Меня и будете живы”.

Рабби Нахман, сын Исаака, – Вавилонский ученый второго или третьего поколения после рабби Симляя – предлагает такой альтернативный вывод:

“Далее пришел пророк Аввакум и все заповеди свел к одной, как сказано (Аввакум 2:4):

Праведный своею верою жив будет”.

Конечно, приведенные выше изречения не являются единственными в еврейской истории попытками определить сущность иудаизма. Однако они весьма характерны и достаточны для того, чтобы установить, что в основе иудаизма лежит двойное утверждение, касающееся с одной стороны Бога, а с другой – человека; с одной стороны, человек должен стремиться к познанию Бога, любить и почитать Его, исполнять Его волю; с другой стороны, человек должен также любить сородичей своих, обращаться с ними справедливо и милосердно.

Более того, различие в отношении к Богу и к человеку скорее кажущееся, чем подлинное. Ибо для иудаизма одна любовь есть дополнение и следствие другой. Почитание Бога лишено смысла, если оно не побуждает к состраданию в отношении человека. Можно ли искренне почитать Творца, не чтя Его творения, Дух, но не его воплощение? К тому же,

каждый акт справедливости и милосердия обнаруживает присутствие божественного начала как в том, кто его совершает, так и в том, ради кого они совершаются.

Одновременная любовь к Богу и к человеку – таков первый постулат иудаизма и его конечный вывод, его отправная точка и его конечная цель, его корни и его плоды.

Но тут возникает вопрос: может быть, мы уже справились с поставленной перед нами задачей? Если вы помните, в предисловии к данной книге мы определили свою цель как понимание основ еврейской религии. Но разве эта цель еще не достигнута? И если достигнута, то не следует ли считать нашу работу завершенной уже на первых страницах?

В каком-то смысле это так. Все остальное, что будет сказано здесь об иудаизме, будет вытекать из принципа, уже сейчас сформулированного нами, и сводиться к нему. И, тем не менее, очевидно, что до решения поставленной задачи еще очень и очень далеко.

Следует помнить, что иудаизм – единственное вероисповедание, лейтмотивом которого является любовь к Богу и человеку. Христианство и ислам, религии, возникшие из иудаизма и сформированные в значительной степени по его образцу, зиждятся на тех же основах и устремлены к тем же вершинам. Тем не менее, иудаизм совершенно отличен от каждой из этих дочерних религий. Отсюда явствует, что в нашем повествовании осталось еще очень много нераскрытоего.

Пока что мы узнали об иудаизме значительно меньше, чем это может показаться на первый взгляд. Мы уже знаем, что иудаизм связан с Богом и человеком, но совершенно не ведаем, каково же понимание того и другого в иудаизме.

Нами было отмечено, что иудаизм ставит перед человеком определенные задачи, но не было сделано

ни единого замечания по поводу того, какими путями должен, с точки зрения иудаизма, идти человек к решению этих задач. А ведь именно избранный им путь может определить, чем он станет и что найдет, добившись цели. Отсюда следует, что, познакомившись с конечными целями иудаизма, мы на самом деле получили лишь некоторое представление о нем; мы должны понять также средства и способы достижения его целей.

И наконец, всякая истина, все идеалы, если они не пустые слова, должны стремиться к воплощению, ибо они сохраняют свою жизненность только в той степени, в какой это воплощение достигается.

Демократия должна быть реализована в конкретных институтах и нормах. Никто не может по знать демократию, обладая только теоретическими представлениями о ней.

Тема в сознании композитора стремится к воплощению в звуках, сплетается в вариации и создает себе оркестровку. Нельзя постичь все сочинение в целом, получив представление только о его основных мотивах.

Человек гораздо богаче своих идей и убеждений, как бы многообразны и значительны они ни были. Человек – это еще плоть и кровь, память и надежда.

По этой же причине еврейская религия, как и всякая другая, должна быть больше, бесконечно больше своей основополагающей доктрины.

Несомненно, все это имел в виду Хиллел в своей заключительной фразе, обращенной к нетерпеливому язычнику. Ибо, сформулировав ведущий принцип иудаизма и охарактеризовав все остальное как комментарий к нему, Хиллел тем не менее настаивал на том, что и комментарий надо познать.

"Иди и учись", – сказал он.

III. Тора

1. Книга Торы

Существует мнение, что дух религии легче всего улавливается в архитектуре, которую она порождает; начиная с готических соборов и кончая квакерскими домами собраний, церкви отражают и проявляют верования, которыми они были созданы.

Если исходить из такого критерия, иудаизм на первый взгляд покажется лишенным какого-либо своеобразия. Существуют синагоги всевозможных стилей со всякими украшениями. Даже такие традиционные символы, как Скрижали Завета, шестиконечный щит Давида или семисвечники, представлены в них далеко не всегда. Дело в том, что евреи слишком часто переселялись, теряя при этом почти все свои ценности, чтобы создавать для домов богослужения свой особый стиль.

Тем не менее, несмотря на пестроту стилей, синагоги имеют одну, общую для всех черту. Каждая синагога свято хранит в доступном для прихожан месте по крайней мере один экземпляр свитка книги, известной под названием "Тора". С этой книгой, как правило, связываются определенные предметы: ткань и украшения, в которые она завернута, ковчег (футляр) или шкаф, куда ее помещают, аналой, с которого ее читают, и вечно горящая лампа, напоминающая о той, что освещала Скинию и Храм в древние времена, и в то же время символизирующая неугасимый свет самой книги.

Каждая синагога не просто хранит такую книгу; именно благодаря ее присутствию, а также наличию

общины, синагога становится синагогой – местом, предназначенным для еврейского богослужения.

И здесь, в роли, отведенной этой книге, мы находим ключ к пониманию духа и структуры иудаизма, которые для других религиозных общин воплощаются в архитектуре их церквей.

Иудаизм – религия Книги, он происходит из нее, сосредоточивается вокруг нее и подробно освещает содержание этого священного документа.

2. Книга Книг как книга

Как и другие книги, сыгравшие огромную роль в жизни человечества, Тора, так сказать, превосходит себя самое и свое конкретное содержание. В следующей главе мы увидим, что означает это "превосходство": Но прежде всего займемся книгой как таковой.

Физически, как предмет, Тора представляет собой лист пергамента, вернее, несколько пергаментных листов, сшитых по ширине и обернутых вокруг двух деревянных шестов таким образом, чтобы они образовали два одинаковых цилиндра. Листы эти содержат первые пять книг Писания – Пятикнижие Моисея: книги Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие, – написанные в оригинале, на иврите от руки и тщательно выверенные до абсолютной точности.

По форме Тора представляет собой повествование, рассказ о событиях от сотворения мира до смерти Моисея. В рамках такого повествования Тора описывает происхождение народов земли, уделяя особое внимание возникновению народа Израиля, жизнеописаниям Патриархов, рабству евреев в Египте, их избавлению от этого рабства и изъявлениям воли Божьей, данным им в Откровении в Синайской пустыне.

Но Тора – не просто повествование, а нечто значи-

тельно большее. Кроме всего прочего, в Торе если не систематично, то, во всяком случае, отчетливо сформулирована доктрина единого и вседесущего Бога – Создателя всего сущего, Законодателя, Освободителя и Спасителя.

Тора очерчивает этику справедливости и любви-доброты. Иногда эти моральные принципы достигают высочайшего накала, как в Десяти Заповедях или в своде религиозных и этических предписаний (Левит 19). Во всех остальных случаях они предполагаются или подразумеваются. В той или иной форме ни одна строка текста не обходится без них.

Тора предписывает ритуал, дни и сроки праздников и соответствующие им формы богослужения и обрядности.

Тора содержит свод религиозных, гражданских и уголовных законов.

Тора устанавливает религиозные, семейные, общественные, филантропические и политические институты.

Тора выдвигает концепцию еврейского народа как "царства священников, народа святого", через который на весь род человеческий снизойдет благодать Божья.

Помимо всего этого, Тора является собой монументальное творение литературы. Великолепным стилем был тот, кто написал грандиозную первую главу книги Бытия. С необычайным мастерством рассказана острая, захватывающая повесть жизни Иосифа. А прощальные речи Моисея или картина смерти пророка, издалека взирающего на Землю Обетованную, – разве они сотворены одним лишь талантом ритора?

Вот она – Книга Торы!

Для разных людей она по-разному значима.

Для наделенного духовной чуткостью неверующего она, во всяком случае, – литературный шедевр

и наиболее раннее и ясное изложение этики справедливости и сострадания.

Для религиозного человека любого западного вероисповедания – это книга о многих поколениях, исповедовавших его веру; семя, из которого выросли те богословские и моральные устои, согласно которым он живет сегодня.

Но для верующего еврея Книга Торы означает все сказанное выше и бесконечно большее. Она не только источник всего, что делает его евреем и верующим, она – его главное достояние.

3. Традиция Торы

Тора как книга – это Тора в самом узком смысле.

Есть более широкие значения понятия "Тора" и другие, еще более всеобъемлющие. В своей совокупности и широте они образуют целый мир идей и ценностей.

Войти в этот мир мысли легче всего с помощью короткого экскурса в этимологию самого слова "Тора".

"Тора" – это существительное в иврите, образованное от глагола, означающего "руководить", "учить". Самое простое и буквальное значение его – "руководство", "учение", или, если воспользоваться словом латинского происхождения, – "доктрина".

Стоит только раскрыть смысл Торы, исходя из этимологии самого слова, как все остальные сопутствующие значения фактически расшифровываются сами собой. Безусловно, учение не перестало развиваться после Моисея и книг, которые ему приписывают. Его продолжили пророки, а за ними поэты и мудрецы, создатели Псалмов, Притч и книги Иова. Следовательно, и последние книги Писания, не будучи собственно Торой, близки ей по духу.

Но это справедливо также и в отношении произ-

ведений классической эпохи раввинов (от 3 века до н. э. и по 5 век н. э.). В этих книгах, обычно называемых талмудическими, Учение было обобщено, истолковано и развито дальше.

Но и комментаторы самой Библии и талмудической литературы, моралисты и философы всех времен, вплоть до нашего, — все они продолжали развивать Учение.

Поэтому, в конечном счете, под таким широким углом зрения, Тора становится все, что уходит корнями в Книгу Торы, что соответствует ее мировоззрению, что раскрывает скрытые в ней возможности.

Тора в итоге есть вся необъятность и все многообразие еврейской Традиции.

На протяжении всей истории евреев Тора, одновременно как Книга и как Традиция, была для них бесценным сокровищем; ее духовное значение ни с чем не сравнимо. Но неоценимое, естественно, не может быть оценено, несравнимое нельзя ни с чем сравнить. Поэтому всякая попытка дать всестороннюю оценку значению Торы для верующих заведомо обречена на неудачу. Тем не менее, эта попытка должна быть предпринята, так как без некоторого, по крайней мере, представления о центральной роли концепции Торы среди еврейских верований и ценностей невозможно даже самое поверхностное их понимание.

Послушаем, что говорят о ней сами великие люди Торы. Те, кто ближе всех к ней и знает ее лучше других, могут наиболее точно сформулировать ее значение. Исходя из их слов, мы сможем лучше представить себе и оценить степень ее воздействия как на отдельного человека, так и на группу людей.

Во Второзаконии говорится, что Тора — это жизнь и добро, данные человеку как альтернатива смерти и зла; в то же время она — мудрость и разум народа Израиля в глазах других народов.

Для пророка Тора – это вода, которую жаждут испить все люди, хлеб, по которому они изголодались и который дается всякому даром, без платы.

Для псалмопевца Тора – это огонь, в котором он видит свет, или духовная пища, вкус которой слаше меда и медовых сот.

Для раввина древних времен Тора – это книга, в которую надо проникать все глубже и глубже, ибо в ней есть все; изучая эту книгу, человек успевает поседеть и состариться; ни разу в жизни не должен он позволить себе оторваться от размышлений над ней, ибо нет лучшего дела и лучшей цели.

Для средневековых евреев гетто Тора, как свидетельствуют о том народные песни, была сокровищем более ценным, чем все мирские блага.

Для современного еврейского поэта Бялика Тора – это "...великий костер. Его зажгли твои отцы на жертвеннике вечном"¹.

Для всех поколений евреев, начиная с Исаи, Тора – это слово Божье, которому в конечном счете назначено возродить человека и общество.

4. Тора в понимании традиционалиста

Тора – узы, связующие всех религиозных евреев, и в то же время – предмет их наиболее глубоких разногласий, некий водораздел, с которого берут начало все расхождения между традиционалистами и модернистами.

У каждой из этих двух групп существует своя точка зрения на данный предмет.

Традиционалисты считают, что вся Тора в целом есть откровение Божье и потому она вся безупречно истинна и блага.

¹ "Если познать ты хочешь...". Перевод Вл. Жаботинского. Х. Н. Бялик. Стихи и поэмы. Тель-Авив, 1964, стр. 12 (прим. переводчика).

Модернисты же полагают, что истину и добро следует искать в Торе, и лишь их присутствием определяется ее богоизбранность.

Для традиционалистов вся Книга Торы, каждое слово, каждая буква были даны Богом либо непосредственно всему народу Израиля на горе Синай, либо переданы через Моисея. Факт Откровения является решающим. Он — гарантия абсолютной надежности, как интеллектуальной, так и моральной.

С точки зрения традиционалистов, Откровение не исчерпывается Книгой Торы. Оно наполняет писания пророков после Моисея, переливается в остальные книги Писания, оттуда — в классическую талмудическую литературу и оттуда снова, хотя и в уменьшающейся степени, — в позднейшие раввинские писания. Иными словами, главный поток Традиции на всем его протяжении содержит в себе частицу авторитета Книги Торы подобно тому, как логические заключения, если они сделаны правильно, обладают несомненной истинностью посылок, из которых они были выведены. В самом Талмуде это положение сформулировано следующим образом: "Какие бы новшества ни ввел в будущем ревностный учений, все они уже были на горе Синай".

Из постулата о том, что Традиция Торы, как и Книга Торы, является богоизбранной (хотя и не столь абсолютно), следуют знаменательные выводы.

Один из них гласит, что иудаизм не может быть подвержен значительным изменениям.

В конце концов, Бог — не человек. Его речь содержит полную и окончательную истину, свободную от человеческой необходимости исправлять себя, обдумывать свои высказывания или добавлять к ним мысли, пришедшие в голову позднее. Иудаизм был завершен и совершен уже на горе Синай.

Что же касается исторического развития, которое якобы прошла Традиция, то оно, в сущности, иллюзия. Пророки, мудрецы и раввины никак не моди-

фицировали существа Традиции и ничего не добавили к ее содержанию. Все, что они сделали, сводилось по сути к пересказу Традиции в новых выражениях или к ее применению в ту или иную эпоху. Истина, однако, неизменна — и уж, конечно, не становится более истинной от того, что она излагается с помощью той или иной фразеологии, точно так же, как расстояние не увеличивается и не сокращается оттого, что оно выражается не в футах, а в дюймах. Итак, во всех новых редакциях иудаизм остается до наших дней тем же, что и при Моисее.

Имея автором Бога, иудаизм не может стать предметом поправок для человека. Разум какого смертного дерзнет внести улучшения в то, что сотворил Бог на Синае? Какая новая истина или новое обстоятельство, непредвиденные Пророчеством, могут возникнуть, чтобы появилась необходимость ставить заплаты на Откровение?

Означает ли все это, что с точки зрения традициониста иудаизм совершенно негибок и навеки неизменен? Не совсем так. Определенная степень гибкости ему присуща. В нем всегда допустимы новые толкования; можно даже приостановить действие некоторых из его предписаний, если возникший кризис потребует вдруг такой крутой меры. Оба полномочия — истолковывать и прибегать к чрезвычайным мерам — являются привилегией как раз того самого "ревностного ученого", о котором говорит Талмуд в приведенной нами цитате. Более того, эти полномочия принадлежат таким ученым не в силу их чрезмерного рвения; они даны им самой Торой, которая ясно предписывает: "Если непостижимо будет для тебя дело для разбора... заходи к священникам — левитам... и по суждению, которое они изрекут тебе, поступи".

Кроме того, по меньшей мере какая-то часть учения и практики, общепринятых в иудаизме, есть не более, чем принятое в данный момент, но спорное

истолкование Торы, или установившийся обычай, или даже частное предпочтение.

Таким образом, иудаизм не является ни совершенно жестким, ни навеки неизменным. Однако свободная игра, дозволенная правом толковать Тору, на самом деле не так уж безгранична, а правом прибегать к чрезвычайным постановлениям всегда пользовались осторожно. Так что постоянство, несмотря на меняющиеся времена и обстоятельства, является главной особенностью Торы в представлении традиционалиста.

Наконец, для традиционализма Тора – первый, последний и всегда надежный критерий блага и истинности чего бы то ни было. Любое утверждение, противоречащее Традиции, неизбежно ложно, какие бы убедительные аргументы ни приводились в его поддержку. Любой моральный принцип, не гармонирующий с Учением, всегда окажется несовершенным в своей основе, даже если в нем присутствуют все внешние признаки мудрости и целесообразности.

Это не означает, что разум и опыт ничего не стоят, или что философия, наука и натуралистическая мораль лишены полезных функций. Напротив, они занимают большое место в замыслах и человека, и Бога.

Они необходимы прежде всего потому, что помогают осветить неясные места в Торе, разрешить встречающиеся в ней иногда видимые противоречия. Они создают также технические навыки, необходимые для ее практического приложения. Наконец, они дают человеку разнообразные знания и ценности, вполне законные и желательные, несмотря на то, что они (строго говоря) не имеют отношения к Торе.

Поэтому традиционалист искренне говорит "Бог в помощь" философам и ученым, когда те приступают к своим трудам. При этом он уверен в результатах, к которым они придут, если достаточно глубоко

и тщательно продумают свои выводы, по крайней мере те из них, которые относятся к добродетели и счастью. Разве эти выводы не записаны для него в Торе?

Он обладает убежденностью того, кто знает ответ на загадку, над решением которой бьются другие; того, кто прочел последний акт драмы и потому убежден, даже в самый напряженный ее момент, в счастливом конце.

Древние раввины говорили, что некоторые "обретают вечность в одно мгновение". Так они оценивали тех, кто оправдывал всю свою жизнь одним героическим решением. С интеллектуальной точки зрения, еврейский традиционалист — это именно такой случай. Он свершает единственный, но зато грандиозный акт веры; он утверждает один, но зато гигантский постулат. Он утверждает, что вся Традиция боговдохновенна. Вот почему для него возможна только одна правда, ему открыт только один путь, и только по нему он может идти.

5. Тора в понимании модерниста

Модернист подходит к рассмотрению Торы с диаметрально противоположных позиций.

Для него главным критерием истинности утверждения или обоснованности принципа является не их соответствие Традиции, а их согласие с разумом и опытом. Далекий от того, чтобы судить о вещах по меркам Торы, он подходит к Торе с теми же мерками, что и ко всему остальному. И лишь в той мере, в какой Тора выдерживает испытание, он признает ее авторитет.

Это важное различие между модернистом и традиционалистом вытекает из еще более существенного расхождения по вопросу о допустимости фундаментальных изменений в иудаизме.

Биологические и общественные науки убедили модерниста в универсальности закона развития и в том, что иудаизм не является в этом смысле исключением; что он не неподвижная и неизменная сущность, как полагает традиционалист, а конечный продукт долгого и все еще продолжающегося развития.

Даже Книга Торы, по мнению модерниста, не возникла вдруг, вся сразу, как творение рук Моисея. Она обрела известную нам форму и размеры только в результате эволюционного процесса. Иными словами, следуя библейской критике, модернист приходит к выводу, что текст Торы в нынешнем его виде является композицией из нескольких документов, составленных разными авторами и собранных воедино неизвестным редактором или несколькими редакторами.

Более того, документы эти неравнозначны. Некоторые из них, как правило самые ранние, чрезмерно отягчены фольклором древних евреев, ихrudиментарной наукой и часто наивными представлениями о Боге и морали. Другие достигают самого высокого уровня.

Нет сомнения, что даже самыеrudиментарные отрывки из Торы часто содержат в себе или подразумеваают духовные истины первостепенного значения. Пусть вселенная и не возникла в течение шести дней, как это утверждается в Торе, но в глазах религиозных людей она остается творением духа. Человек мог явиться на свет не так, как это изображено в книге Бытия, но то, что он — творение рук Божих, продолжает оставаться предметом веры. Возможно, всемирного потопа никогда не было — во всяком случае, во времена существования человечества или за пределами равнин Месопотамии, — но кто в 20 веке станет отрицать, что коллективные грехи людей создают угрозу катастрофы, от которой их в состоянии уберечь только праведность?

Следовательно, в Книге Торы главное — не факти-

ческая ее сторона, а то, что она всегда исполнена особого значения — даже там, где отступает от действительности. И что еще важнее, в Торе содержится много не только примитивных, но и чрезвычайно зрелых воззрений, выросших из этих первобытных взглядов.

Поэтому модернист эклектичен в своем отношении к Торе, почитая одни ее части больше других и проверяя все их с помощью двойного критерия разума и опыта.

Все сказанное о Книге Торы в еще большей мере приложимо и к остальным частям Писания и к Традиции на более поздних стадиях ее развития. Модернист признает их не потому, что он заранее считает их не подлежащими сомнению и критике, а потому, что в своем постоянном стремлении к истине и добру они столь часто и в такой огромной степени достигают их.

Модернист воспринимает Традицию не как некое чудесное и сверхъестественное творение, а как развертывание действительных событий, как оставленную конкретным народом хронику паломничества из тьмы и дикости к свету, чистоте и состраданию.

Но если Традиция сама по себе не обладает в глазах модерниста силой закона, если ее надо выверять разумом и опытом, в чем же тогда ее авторитет для модерниста? Почему бы ему прямо не обратиться к разуму и опыту?

Частично это, несомненно, объясняется привытым с детства почтительным отношением к Традиции, унаследованным благочестием, привычкой и преданностью общине. Однако в основе лежит другая, более глубокая причина.

Традиция обладает авторитетом для модерниста не потому, что исключает обращение к естественно-научным источникам, а именно потому, что она дает ему столь всеобъемлющий ответ на вопрос о том, что же находили люди, обращаясь к этим источникам, по-

свящая свои умы и сердца поискам ответа на глубочайшие вопросы человеческого существования. Традиция хранит размышления многочисленных рационалистов, рассказы бесчисленных мистиков, заключения множества людей, проникших в глубины своих собственных душ, бесконечное число жизнеописаний и долгий опыт проверки идей веры, их устойчивости и способности смягчать сердца. Не что-либо отличное от разума и опыта, но титаническая летопись их поисков и находок — вот что такое Традиция в глазах модерниста.

"А где же в этой концепции место Бога?" — спросят некоторые.

"А где же Его нет? — ответит модернист. — Разве не Бог стоит за каждым устремлением и достижением людей, за каждым импульсом, влекущим их к добру, правде и красоте? Кто, если не Бог, внушил первым поколениям народа Израиля безотчетную неудовлетворенность? Кто подсказывал этому народу на протяжении веков его поиски и достижения? Кто владел душами его пророков? Кто вложил справедливость в сердца его мудрецов? Кто вселил непреклонный дух в его мучеников? Кто, как не Единый?"

Тора продолжает оставаться откровением и в глазах модерниста, но только в общем, а не в частном; в своих вершинах, а не в каждой строке, в своем главном направлении, хотя и не обязательно в каждом своем шаге.

Безусловно, пропасть разделяет модерниста и традиционалиста в их понимании Торы.

Но пропасть эта, как бы глубока она ни была, это только трещина на поверхности земли. Стены, которые будут возведены на каждой стороне обрыва, — стены аналогичной конструкции; их соединяет общий фундамент снизу и, возможно, в дальнейшем соединит сверху мост.

Итак, хотя традиционалист и модернист расходятся во взглядах на Тору, оба чтят ее, каждый в

меру своего понимания и на свой манер. Но оба обращаются к ней за руководством и вдохновением.

Оба они стоят на одних позициях, созданы из одного материала и преодолевают свои разногласия в рамках стремления к общим целям.

IV. Бог

1. Символы веры

Последние сто пятьдесят лет между еврейскими теологами ведется мирный спор по вопросу: есть ли в иудаизме догмы? Есть ли в иудаизме комплекс верований, сформулированных авторитетами, которые каждый еврей должен признавать, если хочет быть в полной мере причастным к еврейской религии? Или, иными словами, есть ли в Традиции что-либо родственное Апостольскому, Никейскому и Афанасиеву символам веры католической церкви, Аугсбургскому исповеданию лютеранства или Вестминстерскому – пресвитерианства?*

Поскольку еврейские ученые отвечают на эти вопросы по-разному, следовало бы дать возможность каждой стороне высказать свою точку зрения. Поэтому выслушаем сначала тех, кто отрицает наличие в иудаизме общеобязательного символа веры, затем их оппонентов и, наконец, точку зрения арбитра, занимающего промежуточную позицию.

Недогматики говорят:

Мы утверждаем, что в иудаизме не может быть символа веры по трем причинам:

Во-первых, если в иудаизме имеются догмы, то каковы они? Почему они никогда не были сформулированы официально, даже в те дни, когда существовали еще авторитеты, способные сформулировать их и сделать общеобязательными? Почему, например, Синедрион на протяжении семи столетий своего

духовного господства не опубликовал ни разу собрания положений еврейской веры?

Во-вторых, ни одна попытка сформулировать еврейский символ веры не получила всеобщего признания — даже Тринадцать принципов веры*, автором которых был Моше Маймонид, несомненно, крупнейший из средневековых еврейских теологов. И хотя в настоящее время большинство ортодоксальных евреев относится к кредо Маймонида с большим почтением, каждый из этих принципов подвергался сомнению и оспаривался тем или иным критиком. И даже сейчас они нередко встречают критическое отношение среди ортодоксальных евреев.

В-третьих, евреи не могут разделять определенных догм по очень простой и вместе с тем убедительной причине: они никогда не имели единой точки зрения по теологическим вопросам. Сама Библия обнаруживает расхождения по религиозным вопросам. Законоучителям Талмуда свойственно поразительное разнообразие взглядов. Одни из них — рационалисты, другие — мистики; некоторые из них — трансценденталисты*, по мнению которых Бог совершенно отличен от мира, другие — имманентисты*, некоторые воспринимают библейский рассказ об Откровении на горе Синай буквально, в то время как по крайней мере один трактует его как аллегорию. Расхождение во взглядах всегда было правилом среди верующих евреев; это правило еще более неоспоримо в наши дни.

Из всего сказанного неумолимо следует, что не существует специфически еврейского символа веры. Что и требовалось доказать!

Догматики говорят:

Утверждение, что в иудаизме нет догм, — абсурдно.

Во-первых, оно равносильно утверждению, что еврейская религия не имеет конкретного содержания, что это какая-то бесформенная вера.

Во-вторых, если в иудаизме нет ему одному свой-

ственных убеждений, то что же объединяло евреев на протяжении их долгой и бурной истории? За что же умирали еврейские мученики?

В-третьих, иудаизм постоянно и весьма упорно противостоял различным идеяным течениям, возникшим в мире. Так, на ранних стадиях своего развития он решительным образом отверг идолопоклонство. Позднее он не принял дуализма Заратустры*. Еще позднее он отразил интеллектуальное, моральное и даже культурное вторжение греко-римского мира. В средние века он отказался признать догмат троичности и религиозные таинства христианского мира. И (как мы увидим далее) иудаизм противостоит многим философским и этическим течениям современности.

Отсюда очевидно, что если бы иудаизм был так бесхребетен, как это утверждают недогматики, то он без колебаний капитулировал бы перед любым и каждым из учений, с которыми ему пришлось сосуществовать. Не смог бы он столь часто и столь энергично противостоять чуждым идеям и ценностям, если бы не обладал собственной системой идей и ценностей, то есть, если бы у него не было своего символа веры.

(Тут звучит примирительный голос:)

Обе стороны правы, и обе ошибаются. В позиции каждой из сторон есть доля правды, но истины не содержит ни одна.

Действительно, иудаизм обладает совершенно определенным религиозным мировоззрением. Здесь догматики совершенно правы.

Но также верно и то, что иудаизм всегда относился с чрезвычайной осторожностью к попыткам выразить его мировоззрение в точных формулах, избегая догм везде, где это было возможно; и для этого есть серьезные и достаточные основания.

Прежде всего, иудаизму меньше, чем любой другой вере, требуется формальный символ.

Христианские вероисповедания, например, представлены религиозными общинами, каждая из которых отличается лишь некоторой конфессиональной спецификой. Поэтому каждая из них должна быть чрезвычайно скрупулезна в определении своих верований; в противном случае она может утратить свою индивидуальность.

Евреи же, как мы уже видели, не просто принадлежат к некой определенной церкви, они представители одного исторического народа, соучастники созданной им культуры. Они евреи не только благодаря религиозной доктрине, но и по многим иным причинам. Это обстоятельство несколько уменьшает нагрузку, которую несет доктрина в иудаизме. В отличие от многочисленных христианских сект, евреи могут позволить себе значительную широту в вопросах веры. Их существование как определенной общности людей не столь непосредственно зависит от нее.

Далее, уже в момент своего возникновения иудаизм не носил догматического характера.

Есть церкви, возникшие в результате провозглашения ряда принципов, выработанных и обнародованных самими основателями церкви, как это было с буддизмом и лютеранством; или учениками основателя церкви — как Павел; или каким-то собором, как Никейский, который придал определенный характер католической церкви. Созданные на основе некой декларации, религии эти должны стремиться к демонстрации четкости и ясности своих основополагающих принципов.

Другие религиозные общины возникли не в результате решения какого-то собрания, а вследствие естественного роста, как растение или человек. Каждый человек есть особое существо, обладающее своеобразной индивидуальностью и определенными убеждениями. Но в то же время он слишком сложен

и динамичен, чтобы его своеобразие можно было уловить в сеть каких-то положений.

Брахманизм* и квакерство* — религии такого рода. И иудаизм тоже. Он, несомненно, имеет свою точку зрения, свой собственный набор принципов и идеалов. Но они не подобраны по темам, как в некоем манифесте, где все аккуратно упорядочено, где каждый термин тщательно выверен и соотнесен с остальными. Они образуют своеобразный климат, присущий данной религии.

Наконец, иудаизм намного больше других исторических религий поощрял и берег свободу мысли. Его свободолюбие частично является результатом необходимости. Мнения еврейских теологов всегда были весьма разнообразны. Единообразие было бы недостижимо, даже если бы к нему стремились. Более того, такая терпимость в отношении к различным толкованиям учения свидетельствует о чем-то важном. Еврейская религия весьма интеллектуалистична в том смысле, что она относит понимание к числу своих самых высоких целей и, кроме того, полагает, что знание есть ключ к пониманию. Однако ни знание, ни понимание невозможны без исследования, спора и права на собственное мнение. Поэтому уже по своей природе иудаизм не склонен к формальным символам веры, которые неизбежно ограничивают и суживают мысль.

Четвертое и самое важное: иудаизм никогда не вырабатывал символа веры потому, что, как высоко ни ценит он жизнь разума, праведная жизнь ценится им еще выше. При всем своем тяжеловесном интеллектуализме иудаизм ставит мораль выше логики, стремление к справедливости и милосердию — выше обладания правильной идеей. Вот почему в число тех, кто может "обрести бессмертие в одно мгновение", Талмуд включает язычников, лишенных истинной веры, и также невежд и простаков, неспособных ее постичь.

Таким образом, если другие исторические религии были заняты прежде всего учением, а затем — этикой, иудаизм делал нечто прямо противоположное. Он предпочел дать людям подробные указания насчет того, как следует вести себя, особенно в отношениях друг с другом, и предоставил им — конечно, в определенных пределах — самим решать, о чем и как они должны думать.

Христианство в соответствии со своей сущностью провозглашает: "Верь, и ты будешь спасен".

Иудаизм иначе ставит вопрос о вере и ее отношении к деянию, что можно видеть из следующей, характерной для иудаизма мысли.

— В книге пророка Иеремии сказано: "Ибо сказал Господь, Бог Израиля: 'И отреклись они от Меня, и не соблюдали Закон Мой'".

Этот стих был следующим образом истолкован одним древним раввином: "Разве бы они отвергли Меня, — говорит Господь, — если бы соблюдали Закон Мой".

2. Познание Бога

"Основа основ, опора всякой мудрости — признание реальности Бога".

Так писал в XII веке Моше Маймонид, объясняя роль идеи Бога в иудаизме. И это, действительно, наиболее точное определение, поскольку еврейская религия, начав свое существование с создания специфической концепции Бога, хранит с тех пор постоянную верность этой концепции и видит смысл своего существования в ее развитии и совершенствовании.

И действительно, настолько сильно укоренилась в иудаизме эта концепция Бога, что Тора просто принимает ее на веру без какой-либо попытки доказательств.

Первые строки книги Бытия не содержат никаких

кого доказательства, а только провозглашают: "В начале сотворил Бог небо и землю".

В Десяти Заповедях нет диспута, в них объявляется: "Я Господь, Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства...".

Не приводя никаких аргументов, Моисей произносит свою главную формулу: "Слушай, Израиль, Господь наш Бог, Господь един".

Иногда в позднейших книгах Писания делаются попытки привести доказательства существования и природы Бога.

"Небеса проповедуют славу Божию" – это, несомненно, прежде всего выражение благоговейного изумления, однако в нем содержится по меньшей мере намек на теологический вывод из величия, красоты и закономерности физического мира.

Еще более очевидным случаем обращения к разуму от имени Бога являются следующие два вопроса:

Он, Который создал ухо, может ли Он не слышать?

Он, Который породил глаз, может ли Он не видеть?

Очень часто Писание, чтобы поддержать веру в Бога, обращается к моральному опыту отдельных людей или целых народов – в особенности к опыту народа Израиля.

В классической раввинистической литературе философские размышления встречаются чаще и носят более радикальный характер, но никогда они не были настолько часты, чтобы стать нормой, и настолько радикальны, чтобы сделаться системой.

Только в средние века среди евреев начинает распространяться изучение Бога как метафизической Сущности, существование и характер которой нуждается в логическом обосновании. Однако, возникнув однажды, этот философский интерес превращается в иудаизме во всепоглощающую страсть, не ослабевавшую в течение многих столетий, породившую огромную литературу и оставившую после

себя в качестве посмертного дара потомству целый арсенал интеллектуальных орудий для изложения и защиты теистического мировоззрения.

Были выдвинуты разного рода аргументы, в том числе и метафизические –

– Аргумент от замысла: характер природы и дарований человека нельзя объяснить иначе как с помощью понятия Бога.

– Аргумент от причинности: существование вселенной предполагает наличие причины, равной, по меньшей мере, самой вселенной.

– Аргумент от онтологии*, от анализа структуры сущего.

Этические аргументы –

– Аргумент от эмоциональных и моральных потребностей человека: без Бога, дающего смысл вещам и санкцию идеалам, существование человека бессмысленно, его стремления иллюзорны, а жизнь лишена цели и надежды.

– Аргумент от жизненного опыта людей и народов: только добро непоколебимо, зло же стремится к саморазрушению – это обстоятельство указывает на то, что мир движим этической силой.

Есть также исторические аргументы, основанные на судьбах людей и народов; аргументы мистические, которые строятся на повторяющемся в каждом поколении свидетельстве некоторых душ о внутреннем озарении в результате прямого, выходящего за пределы мысли и чувства, контакта с Божеством.

И, наконец, всегда существовали аргументы, опирающиеся на откровение, пророчество, чудо, с которыми мы постоянно встречаемся в Писании и в Традиции.

Средневековые еврейские мыслители были далеки от единого мнения обо всех этих разнообразных аргументах. То, что служило убедительным доказа-

тельством для одного философа, отвергалось другим как несостоятельное. Были такие, которые строили свою веру в Бога и свое представление о его атрибутах почти целиком на своих собственных умозаключениях; другие же, напротив, резко осуждали всякие метафизические рассуждения в лучшем случае как излишние, поскольку истина с очевидностью дана в Откровении, а в худшем — как опасные, так как они ставят вопросы, на которые не в силах ответить. Однако большинство относились к подобным изысканиям терпимо: желающий размышлять имеет на то право. Поэтому метафизическое исследование приобрело постоянное гражданство в иудаизме.

И тем не менее, даже и теперь, после многовекового существования еврейской философии, Тора в философском отношении, как и во многих иных, более типична для еврейской религии, чем лучшие метафизические трактаты. Ибо для иудаизма по-прежнему характерна тенденция к предположению существования Бога, а не к демонстрации Его существования. Для иудаизма существование Бога — скорее постулат, чем вывод.

Утверждая существование Бога, иудаизм в то же время допускает здесь достаточно большую широту толкований. Иудаизм позволяет человеку решать, следует ли считать Бога трансцендентным или имманентным, видеть ли в Нем абстрактное начало бытия, вслед за Маймонидом и мистиками-каббалистами, или, что более принято, — высшую Личность.

Но это не означает, что приемлемы все представления о Боге. Как мы увидим, иудаизм устанавливает нормы, которым должны соответствовать идеи о Боге, чтобы быть допустимыми. В пределах же этих норм остается достаточно места для свободной игры и личного предпочтения. Чуждый догматизму вообще, иудаизм не проявляет догматизма даже в вопросе о Боге — альфе и омеге его собственного сущест-

вования. И здесь иудаизм проявляет склонность к свободе мысли.

Особенно здесь, ибо помимо и прежде всех уже отмеченных нами факторов, определивших свободное отношение иудаизма к вопросам теологии, существует еще один, особенно действенный: глубокое осознание пределов человеческого познания Бога.

3. Пределы познания

В Притчах сказано: "Всеми твоими путями познай Его", однако нигде не сказано: "Всеми Его путями познай Его". Тому есть веская причина. Ибо, согласно Традиции, мы не можем до конца познать Бога. О сущности Бога – то есть о том, каков Он в Себе, – мы можем только догадываться; о Его проявлениях и делах мы знаем ту самую малую толику, какую наши чувства способны воспринять, а наш разум – постичь.

О том, что невежество человека в отношении Бога значительно больше его знания, в еврейской религии говорится прямо и много.

"Открой мне, молю Тебя, величие Твое", – просит Бога Моисей.

"Ты не можешь увидеть лицо Мое, – отвечает ему Бог, – ибо человек не может увидеть меня и остаться жить".

В ином духе, но с тем же эффектом, псалмопевец восклицает:

Познание Тебя слишком прекрасно для меня.
Слишком высоко, чтобы я мог достичь его...
Но как же весомы, как давят меня

мысли о Тебе, о Господи!

Как велико число их!

Если бы я счел их, то было бы их больше,
чем песчинок в песке;

Если бы я мог дойти до конца их, я остался бы с Тобой.

Подобным же образом говорит о Боге неоплатоник XI столетия Шломо ибн Габироль: "Бог – это тайна, где мысли наши истощаются и останавливаются". Спустя сто лет Маймонид утверждает, что Бог настолько превышает человеческое понимание, что любые положительные описания Его неуместны. Каббалисты последовательно характеризуют Бога как Бесконечного (Эйн-соф). А анонимный средневековый мистик, автор поэмы на иврите "Гимн Славе", передает отношение евреев к Богу, когда пишет:

Я не видел Тебя, но я славлю Тебя,
Я не знаю Тебя, но я вижу пути Твои...
Они (пророки) говорили о Тебе, но не таков,
наверное, Ты,
Ибо по делам Твоим вообразили они Тебя.

Бог всегда будет ускользать от нас, а там, где Он не ускользает, Он переполняет и поражает нас.

Сам постулат существования Бога охватывает все прошлое, настоящее и будущее, а кроме того предполагает Бытие, которое все это включает в Себя. На вершину одной бесконечности Он водружает другую. Неудивительно, что наш разум не в состоянии постичь все это.

То познание Бога, которое нам доступно, есть скорее познание дел Божьих, чем самого Бога. Сквозь движущуюся пелену предметов и событий мы видим Бога, угадываем Его и постулируем.

И, наконец, физический мир воплощает в себе все владения Того, в чьем существовании мы убеждены, но о свойствах Которого у нас нет никаких прямых свидетельств. Но если даже в информации о вещах, которые нам знакомы непосредственно, зияют огромные пробелы, то что же говорить о сферах, менее близких к нам? Может быть, существуют

целые миры, о которых мы не имеем ни малейшего представления, или, в лучшем случае, самое смутное? Что же сказать о Боге, Который вмещает в Себя эти и еще многие другие миры? Нам остается лишь повторить вслед за Спинозой: Бог обладает бесконечными свойствами в бесконечной степени; из них мы знаем только о некоторых, да и о тех далеко не все.

Однако наше незнание Бога, при всей его огромности и неизбежности, не следует преувеличивать. Оно не абсолютно. Если наше познание Бога не удовлетворяет нашей любознательности, то оно вполне адекватно нашим нуждам. Мы знаем достаточно, чтобы проникать в суть многих вещей и, главное, чтобы подобающим образом вести себя.

4. Что говорит о Боге иудаизм

Одно положение еврейской религии о Боге, по свидетельству самой Традиции, является краеугольным камнем всей еврейской теологии:

БОГ ЕДИН

Это на первый взгляд простое утверждение гораздо глубже и богаче, чем кажется поначалу. Оно весьма важно и многозначно. Более того, каждая следующая эпоха придавала одному из этих значений главенствующий смысл, предлагая таким образом каждому поколению все то же единственное утверждение с разными оттенками смысла. Однако каждое из этих значений есть не что иное, как один из аспектов единой и непрерывной еврейской веры в Бога; в определенной последовательности все эти многочисленные значения формулы "Бог Един" представляют собой суть еврейской теологии. Во всех случаях они заслуживают рассмотрения.

Вот значения, которые история время от времени придавала формуле "Бог Един":

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН БОГ, А НЕ МНОГО

Античный мир придерживался политеизма в понимании как природы, так и общества. Язычество усматривало божество в каждом предмете и находило божество для каждого предмета: для реки, дерева, солнца; для каждой способности и функции: плодородия, памяти, искусства ремесленника. То есть оно раздирало действительность на куски и затем, усугубляя путаницу, предполагало, что каждый дух может исполнять только присущую ему роль и никакой другой. При таком толковании не существовало никакого порядка вещей, ни логического, ни морального.

Таким же образом язычество, наделяя отдельным божеством каждый народ, территорию и социальный класс, разрывало на части и человечество. Если каждый подданный и его правитель должны были хранить политическую лояльность только в отношении друг друга и никого больше, то так же точно складывались и взаимоотношения между национальным богом и его почитателями: каждый такой бог должен был покровительствовать только своим почитателям и никому другому. Таким образом, древняя религия рационализировала беззаконие своего общества, узаконив эксплуатацию всех тех, кто оказывался за пределами охраняющей власти местного божества, и давая сверхъестественную санкцию всем действиям народа, пользующегося покровительством божества, направленным против его соседей.

Поэтому, провозглашая единство Бога, пророки имели в виду нечто большее, чем просто отрицание идолопоклонства. Они стремились упрочить принцип, согласно которому в действительности царит поряд-

док, а не анархия, а человечество есть единый род, а не разнородная смесь; что единый универсальный закон справедливости управляет всеми людьми, преодолевая все границы и классовые различия.

Еще большее практическое значение имело то, что монотеизм пророков представлял собой объявление войны всем формам духовного идолопоклонства: богослужению, совершающему во имя эгоистических желаний, во имя интересов касты или группы, либо во имя государства и самодержца, в котором эти интересы находят символическое воплощение. Провозгласив Господа единственным Богом, пророки по существу доказывали, что только Ему и Его закону справедливости должна принадлежать верховная власть и лишь Ему следует хранить безоговорочную верность.

ЕСТЬ ОДИН ТОЛЬКО БОГ, А НЕ ДВА

Некогда, в шестом веке до н. э., иудаизм встретился с зороастрисмом, впервые столкнувшись с религией, которая могла соперничать с ним в зрелости, духовности и серьезности. Для этой религии был характерен дуализм. За видимым миром она различала не одного, а двух творцов: силу света и добра и власть тьмы и зла. Эти духи-близнецы непрерывно сражаются между собой за власть над миром и над душой человека, и в эту борьбу вольно или невольно вовлекается каждое человеческое существо. Задача религии, в понимании последователей Заратустры, — сделать все, чтобы люди избирали верный путь.

Такая теология имеет свои привлекательные черты. Она драматична в своем изображении мирового конфликта, героична в требованиях, предъявляемых к человеку, и метафизически заманчива, поскольку она предлагает — пусть лишь иллюзорно — простое решение загадки зла.

Несмотря на все это, иудаизм отверг ее. Каковы

бы ни были преимущества дуализма, его недостатки были значительнее.

Дуализм превращает зло в абсолют: иудаизм ставит зло в зависимость от первичного и более существенного добра.

Дуализм заранее признает безнадежно погибшими половину действительности и половину человеческой природы. Иудаизм полагает, что все поддается исправлению, все можно склонить к добру. Самые греховные импульсы в человеке, как указывают раввины, являются теми самыми силами, которые, должным образом направленные, пробуждают добродетель.

Дуализм ставит под сомнение конечное торжество добра. Если тьма неотделима от света, где уверенность, что победит свет?

Но иудаизм не сразу отверг зороастризм. На протяжении веков возможность существования "двух сил" продолжала искушать воображение евреев. Но первая реакция пророка, настаивавшего на том, что один и тот же Бог "создает свет и творит тьму, устанавливает мир и порождает зло", — осталась в конце концов последним словом Традиции¹.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ОДИН БОГ, А НЕ ТРИ

В средние века еврейское утверждение единства Бога стало очевидным отрицанием христианской догмы о триединстве, полным отвержением тезиса,

¹ Философ отрицает дуализм еще и потому, что, с его точки зрения, дуализм задает новую загадку, еще более сложную, чем та, которую он решает: вопрос об отношении между двумя первоначалами (добром и злом). И действительно, само выражение "два первоначала" является терминологическим противоречием. Если первостепенной задачей метафизического умозрения является объяснение вселенной, дуализм не выдерживает первого экзамена на роль сколько-нибудь приемлемой космологии.

согласно которому Бог хотя и един, в то же время каким-то образом есть сущий в трех лицах, равных друг другу и одинаково вечных.

Отвергая это учение, евреи прежде всего, по их мнению, стремились оспорить ложное представление о природе Божества. Но не менее ревностно они подчеркивали свое несогласие с понятием богочеловека, неразрывно связанным с идеей о божестве, воплотившемся в плоть и кровь какого-то конкретного человека. Для евреев все люди отражают в себе природу Бога и являются Его детьми. Предположение, что какой-то человек может оказаться самим Богом, евреи отвергали как богохульство.

ЕДИНЫЙ БОГ ЕСТЬ И НЕ МОЖЕТ НЕ БЫТЬ

Таким образом, в наши дни иудаизм провозглашает себя непримиримым противником современного атеизма и сопутствующего ему материализма; противником нового и вместе с тем очень старого ложного понимания действительности как слепого взаимодействия материи и энергии; заблуждения, согласно которому человек и его ценности являются порождениями космического случая, обреченными погибнуть так же бессмысленно, как они возникли.

Точно так же Традиция восстает против другого, едва ли менее опасного заблуждения современности, против уклончивого тезиса, что Бог хотя и есть, но не существует, что Он только человеческая концепция, или полезная фикция, или что Его имя следует понимать как обозначение высочайшей ценности, почитаемой человеком. Отвергая эти сомнительные положения, иудаизм утверждает, что Бог существует независимо от человека, что Он не только действителен и реален, но есть самая действительная действительность и реальнейшая реальность.

Итак, в конце концов, на самом последнем этапе своего пути Традиция снова решительно настаивает

на той самой истине, которая вначале дала ей жизнь и характер.

5. Другие атрибуты Бога

Кроме того, иудаизм говорит о Боге –

– Что Он Создатель всего сущего во все времена; но акт творения нельзя рассматривать как единичный эпизод в прошлом, как если бы Он запустил однажды земной шар, а затем позволил ему катиться куда угодно. Наоборот, Он продолжает поддерживать вселенную и вдыхать в нее жизнь, постоянно вызывая к жизни новое и восстанавливая старое, точно так, как сказано в молитвеннике: "В Своей благости, Он ежедневно и непрерывно обновляет дело Творения".

– Что Он Дух, то есть что Он есть одновременно и Мысль, которая созерцает, и Сила, которая производит. Иными словами, Он – Разум и Цель.

Именно в этом отношении человек, исполненный ума и воли, наиболее подобен Богу. Вот почему средневековый поэт-философ Шломо ибн Габироль говорит: "Три вещи, взятые вместе, дают мне сознание, что Ты всегда со мной", и называет при этом, во-первых, небеса, во-вторых, землю во всей ее необъятности; но самым главным является третий момент – "волнение моего сердца, когда я заглядываю в себя".

– Что Он Законодатель. Это положение включает в себя три момента:

Он – источник не только закона природы, которому подчиняется физический мир, но также и закона нравственности, регулирующего жизнь людей.

Он – мысль, которая обнаруживает себя в откровении.

Он – опора нравственности, восстановитель нарушенного равновесия и сила, принуждающая к соблюдению права.

— Что Он — Кормчий Истории.

Для иудаизма история — это раскрытие предначертания, исходом которого будет конечное совершенство и спасение человека.

За кулисами этой драмы стоит Бог: драматург, режиссер, вдохновитель, зритель, критик, а также — изнутри каждого персонажа — еще и актер. Вот почему Традиция часто называет Господа Богом Патриархов, Богом Исхода, Богом Синая, имея в виду прошлое; или, говоря о будущем, обещает наступление Царства Божьего; а в целом нарекает Его Богом естественной и человеческой истории.

— Что Он — Помощник человеку.

Помощь Бога человеку не обнаруживается неожиданно только или даже преимущественно в моменты эффектных и критических событий. В гораздо большей степени это помощь, о которой традиционный молитвенник говорит: "Твои чудеса повседневно с нами, Твои диковинные дела и благости совершаются во все времена: вечером, утром, в полдень", — иными словами, помощь Бога осуществляется в нормальных условиях человеческого существования.

Так, Бог вечно помогает человеку надежными средствами физического мира.

Далее, Он помогает человеку его же собственным телом — искусным, легко приспособляемым, гибким; его разумом — изобретательным и пытливым; его сердцем — жизнелюбивым, отважным, полным возвышенных стремлений.

Он помогает человеку посредством других людей, их способностью к сотрудничеству; общественным богатством и техническими знаниями, которые люди накопили совместно; любовью и пониманием, которые они приносят в дар друг другу; политическими институтами и гражданскими правами, которые защищают их жизнь и свободу; науками, искусствами, религией, всеми сокровищами культуры, которые накапливались веками и передавались в наслед-

ство каждому новому поколению; наконец, всеми институтами, видами деятельности и услугами, которые предоставляются и оказываются отдельными людьми друг другу и обществом – всем его членам.

Он помогает людям самой мыслью о Себе, очищающей, дающей смысл, вселяющей надежду.

Помогает ли Бог человеку также и чудесами, вмешивается ли Он в жизнь природы, нарушает ее законы ради человека? На этот вопрос почти все традиционалисты отвечают Да и почти все модернисты – Нет.

И, как учит Традиция и верят почти все религиозные евреи, Бог помогает человеку непосредственно Сам, вселяя Свой дух в сердца людей, либо откликаясь на их молитву, либо путем мистического общения, либо путем естественного дыхания души. Овладевая людьми, Бог наделяет их силой, какой они не обладали прежде, необычайно обостряет их внутреннее зрение и дарует им сострадание и милосердие, которое они никогда не познали бы без Бога.

– Что Он – Освободитель людей и их обществ.

Бог – это Сила, действующая в душах людей и народов, которая не позволяет им согласиться на собственное рабство или порабощение других. Он – искра, которая воспламеняет их, побуждая к восстанию. Он – сталь, дающая им стойкость в борьбе за свободу. И в то же время Он ожесточает сердца тиранов до такой степени, что, утратив рассудок, способность учиться новому или забывать старое, они в конце концов губят сами себя.

Все народы пережили опыт Божественного освобождения, а народ Израиля – больше других, в особенности когда Он вывел его из Египта "рукою сильной и мышцей напряженной". Вот почему Исход служит евреям, как и большей части человечества, классическим примером освобождения; залогом того, что, поскольку Бог есть, всякое рабство – политическое, экономическое или духовное – может быть и будет однажды уничтожено.

— Бог — Спаситель душ.

Люди могут быть порабощены не только извне, но и внутренней слепотой, слабостью и извращенностью. Внешнее избавление поэтому здесь недостаточно, здесь требуется спасение.

Спасение, как трактует его Традиция, может относиться к загробной жизни; однако, с еврейской точки зрения, оно достигается прежде всего в этом мире.

Спасение — это победа человека над своими недостатками: например, над невежеством или над бесчувствием; это победа его над собственной греховностью, над обитающими в нем пороками, такими, как гордыня, эгоизм, ненависть, похоть, цинизм, умышленное отречение от добра и правды.

Спасителем от этих и иных извращений выступает Бог. Самое сознание Бога является спасительной силой, помогающей освободить человеческий дух от губительных ограничений, от злобы, которая разлагает его изнутри. Сам Бог ведет человека то с непреклонной силой, то с нежностью, а иногда как бы с неким коварством — но всегда и постоянно направляя его на путь спасения души.

6. Толкования

Таковы классические атрибуты Бога, согласно традиционному пониманию.

Допустимая здесь свобода толкования достаточно велика.

Каждый из перечисленных атрибутов трактуется достаточно гибко и поддается различным интерпретациям. Их порядок можно изменить. Каждый человек сам решает, какой из них следует подчеркнуть и подвергнуть тщательному рассмотрению, а какой заслуживает лишь поверхностного упоминания или должен быть отвергнут.

Так уж случается, что, хотя все души состоят из

одних и тех же элементов, каждая душа приходит к своему личному видению Бога.

Наивные понимают Его в меру своей простоты, искушенные – в меру своей утонченности.

Рационалисты воспринимают Его разумом, мистики – интуицией, традиционалисты – как велит Тора, моралисты – через праведную жизнь.

Некоторые интерпретируют и модифицируют старые понятия о Боге в свете современной науки и философии. Другие сохраняют форму и содержание этих понятий в том виде, в каком они дошли до нас из прошлого.

И в конце концов общего Бога иудаизма каждый делает своим Богом, создавая уникальный, неповторимо индивидуальный Его образ, который придает отношениям характер интимности.

Такой индивидуализации Бога часто сопутствует как одно из ее проявлений стремление к приданию Богу видимого облика.

Если верить метафизически мыслящим теологам, стремление это нельзя считать похвальным. Бог, как утверждает Маймонид, бестелесен, ни в чем не подобен телу; поэтому нельзя создавать никаких телесных аналогий Богу.

И, тем не менее, такие аналогии создаются, причем не только простыми людьми, но даже теми метафизиками, которые относятся к ним так неодобрительно.

Объясняется это тем, что придание видимого образа абстрактным идеям неизбежно. Просто так работает мысль – образами, грубыми или утонченными.

На самом деле, несмотря на возражения таких пуристов, как Маймонид, Традиция в целом не видит ничего противозаконного или опасного в аллегориях Божества, пока, в силу парадокса, который в действительности вовсе не является парадоксом, такие аллегории не признаются про-

тивозаконными и опасными; тогда их начинают тщательно отмерять и относиться к ним с недоверием.

Существует бесконечное множество всевозможных аналогий Бога. Еврейская религиозная литература изобилует ими; их многообразие поразительно.

Однако сквозь все их обилие проглядывают два основных направления мысли.

Первое подчеркивает отдаленность и отличие Бога от мира; второе – Его близость к миру и присутствие в нем.

Ярким примером иносказаний первого направления может служить средневековый гимн, принадлежащий неизвестному автору, который по сей день читается в традиционалистских синагогах в канун Дня Всепрощения.

Строфы гимна последовательно изображают человека и мир с одной стороны и Бога – с другой в образах глины и гончара, камня и каменщика, железа и кузнеца, якоря и кормчего, стекла и стеклодува, ткани и вышивальщика, серебра и ювелира. Завершая поэму, автор снова обращается к первому образу глины и гончара, наиболее точно выражаящему его мысль.

Все эти толкования приемлемы с одних позиций и совершенно недопустимы с других.

Они приемлемы там, где рисуют мир, каким он действительно является с религиозной точки зрения: одновременно объектом мысли и действия Бога.

Что же до всего остального – и здесь кроется двусмысленность такого рода образов, – то гончар никогда не создает глины, из которой лепит, не обитает внутри ее, не является основой ее существования. Бог не так уж отделен от мира, как это вытекает из притчи.

Обратимся ко второму типу иносказаний, подчекивающих имманентность Бога.

Их Традиция унаследовала тоже немало. Существу-

ют древние талмудические образы Божества как Шхины*, или близкого Присутствия; каббалисты и хасиды представляют Бога как семя, оболочкой которого является физическая реальность, или как искру, от которой возгорается пламя вселенной.

В классической аллегории этого типа о Боге говорится, как о Душе мира; аналогия эта тщательно разработана в следующей проповеди, взятой из раввинистической литературы:

В Псалмах сказано "Благослови, душа моя, Господа". Почему Давид приказывает именно своей душе славить Бога? Потому, говорит он, что "как душа проникает собой все тело, так и Бог проникает Собой весь мир... Как душа поддерживает тело, так и Бог поддерживает мир... Как душа переживает тело, так и Бог переживает мир... Как в теле единственная и единственная душа, так и в мире – только единственный и единственный Бог... Поэтому пусть душа моего тела славит Его, Который есть как бы душа мира".

Совершенно очевидно, что такое иносказательное определение природы божественного является в некотором отношении более адекватным, чем рассмотренное ранее. На этот раз Бог изображается не удаленным от вселенной, а находящимся внутри нее: ее объединяющей и одухотворяющей силой.

Однако и этот образ не выдерживает испытания. Как ни старайся, невозможно не рассматривать душу и тело как взаимосвязанные и взаимозависимые понятия. Бог же превосходит вселенную и независим от нее.

Один, и лишь один единственный образ действительно приближается к тому, чтобы передать одновременную имманентность и трансцендентность Бога. Это образ, так часто встречающийся в еврейской религиозной литературе, образ Бога – Отца. С одной

стороны, отец отличен от своего дитяти. И все-таки он в нем, поскольку даровал ему жизнь и характер.

Но даже эта метафора, хотя она и лучше других и обладает еще тем преимуществом, что выражает любовь и сострадание, тоже не безупречна в силу чрезмерной антропоморфности.

Признаем же, наконец, что не существует адекватного описания Бога. Человеческое начало в нас не может противостоять влечению к зримым образам. Но ни одна из наших аллегорий не может быть полной истиной или чем-то большим, чем темный и неточный намек.

Бог, скажем прямо, слишком велик для нас. Наши сравнения и образы исчерпывают Его сущность не более, чем ведра — океан. Каждое может содержать в себе малую толику Его характера; но ни одно из них в отдельности, ни все они вместе не могут охватить Его целиком.

Или, как пел средневековый мистик в Гимне Славы:

Люди живописали Тебя во многих лицах,
Но за всеми этими образами Ты — един.

7. Великая тень

На Божий свет зло бросает тень.

Если Он есть, то почему бы миру не быть лучше? Почему мир так испорчен и отягощен беспорядком и страданием? Ведь временами кажется, что он — не творение доброго Бога, а затея дьявола.

Эти страшные вопросы так же стары в иудаизме, как и сама вера в Бога. И Традиция не знает единственного ответа на них. Взамен она предлагает все ответы, высказанные всеми, кто когда-либо боролся с этой проблемой. А так как ни одно поколение и ни один человек не избежали печальной необходимости оправдывать пути Господни, ответов на эти вопросы много, и самых разных.

Вот они, сгруппированные по логическим признакам.

I. Объясняющие зло в нравственных терминах:

Зло – результат какого-либо греха, ранее совершенного человеком; зло носит характер кары, даже когда это не является очевидным, поскольку грех мог остаться незамеченным или не связанным со своими последствиями.

Зло может быть искуплением грехов не самого человека, а его общины; если человек пользуется преимуществами, которые предлагает ему его общество, он должен быть готов и к тому, чтобы нести ответственность за пороки этого общества.

Зло необходимо, чтобы человек был существом нравственным. Если бы не было зла, как человек смог бы избрать добро?

Зло должно существовать, ибо без него не было бы и добра, а если бы и было, то осталось бы нераспознанным из-за отсутствия контраста.

Зло необходимо для развития человеческого характера. Если бы не его понуждения, никто бы и не пошевелился, не говоря уже о том, что не возникла бы потребность в справедливости, сострадании и любви.

Зло служит оселком, на котором люди могут испытывать собственную прочность; дает им противника, с которым они должны сражаться и становиться сильными; устраивает состязание, без которого не может быть и победы.

II. Объясняющие зло в метафизических терминах:

Зло не обладает никакой реальностью в себе, оно просто отсутствие добра.

Зло кажется злом потому, что его рассматривают изолированно или пристрастно.

То, что люди зовут злом, на самом деле – только проявление законов жизни, которые иногда противоречат их стремлениям. Но если люди готовы пользоваться выгодами этих правил, чего стоят их жало-

бы, когда эти самые правила действуют им в ущерб?

III. Объясняющие зло, как нечто преходящее, неизбежно подлежащее в конце концов преодолению и исправлению:

Зло будет искуплено и возмещено в загробной жизни, а также здесь, на земле, когда наступит Царство Божье.

Зло представляет собой сохранившийся в человеке пережиток других, низших форм реальности: минеральной, растительной и животной, из которых человек возник или от которых он зависит; следы этих форм исчезнут со временем, по мере последующего раскрытия промысла Божьего, пока в один прекрасный день человек не станет совершенно и чисто человеческим.

IV. Наконец, существует теория, согласно которой зло непостижимо; оно — неразрешимая загадка, ответ на которую если и есть, то известен лишь одному Богу. Такова мораль последних глав Книги Иова. Иов замыкает уста свои рукой в раскаянии и признании своего невежества. Таков же смысл раввинистического изречения: "Не в наших силах объяснить спокойствие злого или страдания праведного".

Здесь перечислены лишь некоторые из многочисленных решений проблемы зла, предложенных иудаизмом. Из них каждый еврей волен выбрать наиболее для себя подходящее.

Естественно напрашивается вопрос: "Неужели Традиция не может предложить лучшего выхода из самого безнадежного тупика человеческого духа? Неужели нет у нее лучшего совета, чем этот: 'Вот несколько представлений о зле, которые в разные времена имели хождение в иудаизме; пожалуйста, выбирай любое или не выбирай никакого, возьми все или несколько'?"

Эта критика, сначала кажущаяся достаточно справедливой, по зрелом размышлении оказывается совершенно несостоятельной. Давайте вспом-

ним, что мы ищем приемлемой теодицеи*; иными словами, такого объяснения зла, которое примирит сам факт его существования с существованием Бога. Но совершенно очевидно, что никакая теодицей не может быть достаточно всеобъемлющей и гибкой, чтобы вместить любое теологическое учение или все теологические учения вместе взятые. Напротив, каждая теодицей должна быть соотнесена с определенной идеей Бога. Однако иудаизм, который ни одно понимание Бога не признает единственно авторитетным, вполне естественно не может предложить никакой официальной теодицеи.

Более того, еврейская религия, как уже отмечалось, всегда была склонна предоставлять людям право свободного выбора суждений, при условии соблюдения ими установленных норм поведения. Размышляя о зле, иудаизм остается верен самому себе. Он не стремится достичь единства взглядов по вопросам теории, но зато четко и недвусмысленно формулирует свои требования к поведению человека.

Иудаизм надеется, что человек, независимо от того, что он думает о природе зла, всегда будет признавать необходимость преодоления его и будет бороться с ним на практике.

Иудаизм ожидает, что человек будет заботиться о жертвах зла, утешать скорбящих, кормить голодных, одевать раздетых, лечить больных, проповедовать невежественных, защищать угнетенных, освобождать порабощенных.

Иудаизм верит, что человек искоренит причины, порождающие зло в мире природы, в его собственной душе и в обществе.

Что же касается непоправимого зла, выпадающего на долю человека, зла, которое нельзя ни побороть, ни возместить никакими средствами, то иудаизм полагает, что человек должен переносить его с достоинством и мужеством, смягчая горечь и боль

лекарством веры, очищая и совершенствуя свою душу.

На протяжении всей своей истории иудаизм словно советует людям: "Всеми силами старайтесь проникнуть в тайну зла и, может быть, милость Божия поможет вам в этом; но никогда не позволяйте себе забыть, что надлежит **практически** решать вопрос; что в вашей власти устраниТЬ многие, а может быть, и большинство несчастий, постигающих человека".

И еще одну надежду питает иудаизм в отношении своих последователей: он полагает, что они будут вести себя в соответствии с предписаниями религии, не позволяя злу деморализовать себя, независимо от того, сколь велико и беспощадно будет зло.

Вера в Бога поконится на прочном фундаменте, который сохранит устойчивость, даже если человек окажется совершенно бессилен перед злом мира.

Вот почему каждый духовно ответственный человек черпает стойкость в полноте своей веры.

Или, как было сказано давным-давно человеком, хорошо знакомым с печалью:

"Вот Он убивает меня, я же уповаю на Него" (Иов 13:15).

8. Между Богом и человеком

Между Богом и человеком нет никого – ни богочеловека, ни ангела, ни адвоката. Ни ходатайства, ни вмешательства не требуется.

Как ничто не стоит между телом и душой, между отцом и ребенком, между гончаром и сосудом, так ничто не отделяет человека от Бога, наделяющего его душой, от его Отца и Создателя.

Безусловно, в силу своего неразумия или смущения люди могут не замечать, как близок к ним Бог. Из-за своих грехов они могут оказаться недостой-

ными Его присутствия и прийти к мысли о Его враждебности им. Но никто не может оттолкнуть Его или отпасть от Него полностью. И если возникает потребность заново открыть для себя Бога или вернуться к Нему, каждый человек должен осуществить это по собственному разумению. Разве он слеп? Он должен научиться видеть сам, ибо никто не может видеть за него. Он заблудился? – Он сам должен найти дорогу домой.

Другие не могут помочь ему. Они могут придать ему мужество, помочь руководством, наставлением; они могут проложить ему путь и показать пример. Но, в конце концов, зрение перестает быть зрением, когда за тебя смотрят другие. Содружество – с Богом или с кем-либо другим – должно быть непосредственным; иначе оно перестает быть содружеством.

Итак, не бывает и не может быть спасения чужими силами. Каждый человек должен сам спасать свою душу.

V. Праведная жизнь

1. Благость жизни

”И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма”.

Так, почти с первых своих слов Писание провозглашает тезис, неоднократно повторяющийся далее на протяжении веков и проникающий всю Традицию:

Жизнь прекрасна!

Вот почему человеку следует дорожить жизнью, а не презирать ее; утверждать, а не отрицать ее; всегда хранить веру в жизнь и никогда не отчаяваться в ней.

Ибо жизнь даровал Господь!

Жизнь хороша, но чтобы человек увидел это, требуется одно главное условие: она должна быть прожита **праведно**!

И в этом смысле того, что написано:

”Смотри, вот Я дал тебе жизнь и добро, смерть и зло, и этим Я повелеваю тебе сегодня любить Господа, Бога твоего, и следовать Ему во всем и выполнять Заповеди и Законы Его и служить обряды Его... поэтому избери жизнь, чтобы мог ты жить и семя твое”.

2. Человек и его воля

Что есть человек?

Творение из праха; создание быстротечное, чьи дни пролетают быстрее, чем движется челнок ткача, су-

щество хрупкое, разрушающееся легче мотылька; плоть, поддерживающая и воспроизводящая себя, подобно животным; сосуд, исполненный стыда и сомнений, движимый гордостью и себялюбием, гонимый страстями.

Все это, говорит Традиция, является собой человек.

Но еще и другое – превышающее это. Творение Божье, дитя Божье, зеркальное отражение Бога, созданный по Его образу и подобию, преисполненный Им, человек проявляет, хотя и в бесконечно меньшей степени и с бесчисленными изъянами, способности, приписываемые Божеству и ассоциируемые с Ним: свободу воли, способность мыслить и творить, осознавать добро и красоту, способность к любви и состраданию.

Вот почему, говоря о человеке, который одновременно и богоподобен и звероподобен, псалмопевец произносит на одном дыхании: "Что есть человек, что Ты помнишь его? Но не много Ты умалил его перед ангелами".

Свобода воли человека далеко не абсолютна, что охотно признает Традиция и что подтверждает простой жизненный опыт.

Поскольку мы облачены плотью, мы подчинены условиям, общим для всех телесных предметов. Мы не можем, как бы того ни хотели, находиться одновременно в двух местах, так же, как не можем жить ни в какое иное время, кроме того, в котором живем. Мы можем быть ограничены и в другом, иногда до прямого бессилия, пороками нашего физического или умственного развития, условиями своего рождения или мощными социальными силами, действующими в наше время. Многочисленны и велики потенциальные и актуальные ограничения нашей свободы. И все-таки в рамках этих ограничений всегда остается некое свободное пространство.

Именно здесь лежит область моральных решений. Она может быть узкой и тесной, часто меньше, чем

допускают обстоятельства. Но она достаточно велика для человека и достаточно широка, чтобы он мог проявить свой характер. Какой путь он изберет, как далеко пойдет по избранному пути, насколько упорно будет стараться идти по нему (даже если ему не удастся сдвинуться с места) — этого всего достаточно, чтобы определить достоинство и ценность данного человека.

Таков смысл смелого, проницательного афоризма, принадлежащего палестинскому раввину III века по имени Ханина бен Паппа, который утверждал, что еще до того, как ребенок зачат во чреве матери, Бог уже предопределяет, "быть ли ему сильным или слабым, умным или глупцом, богатым или бедным. Однако Бог не предопределяет, будет ли он грешным или добродетельным. Даже Господь не может предрешить этого, ибо (как учил другой, живший несколько ранее, рабби Ханина) все в руках Неба, кроме людского страха перед Небом'".

3. Природа добра

Познать добро и зло, говорится в Книге Бытия, — значит уподобиться Богу. Это, конечно, значит — быть настолько человечным, насколько это возможно человеку, и проявлять свою человечность ясным и ощущим образом.

Но что такое добро? В чем оно состоит?

Мы испытываем его в виде сотен тысяч различных действий, откликов, настроений, мыслей, желаний, надежд, между которыми чаще всего нет ничего общего. Значит ли это, что добро — это не более, чем слово, всеобъемлющая формула всего, что кому-либо когда-либо случалось одобрять? Или добро имеет какое-то собственное качество? Есть ли у отдельных проявлений добра некий общий знаменатель?

В этих вопросах иудаизм настолько же точен и

тверд, насколько он склонен к компромиссам в области теологии. Иудаизм настаивает на том, что добродетель – это не пустой звук; качество это реально присутствует в людях и в их поведении. (Добро может также пребывать в различных предметах, силах и обстоятельствах в той мере, в какой они имеют отношение к моральным ценностям.) Для определения и описания этого качества еврейская религия использует многообразную фразеологию, но это не должно вводить нас в заблуждение. Все определения и описания обозначают одну и ту же действительность или ее различные аспекты.

В соответствии с формулой Традиции, добро состоит в том, чтобы –

– **Исполнять волю Божью;** для людей это означает – следовать нравственному закону Бога, подобно тому, как неодушевленные предметы следуют законам природы.

– **Раскрывать величие Бога;** для людей это означает – пробуждать в себе и окружающих, в самом обществе такое благородство, которое раскроет божественное присутствие во всем сущем и побудит человечество изумиться чуду, как поразился ему когда-то Иаков, произнесший: "Истинно, Господь присутствует на месте сем, а я не знал" (Бытие 28:16).

И наоборот, злодеянию присуще, по терминологии еврейского мистицизма, "стремление стереть Присутствие с лица земли" или "преуменьшить размеры Божественного". Иными словами, затруднить людям следование Богу и веру в Него.

– **Святить имя Божье;** то есть столь щедро наполнять жизнь достоинством и красотой, что слава воздастся Тому, кто внушил тебе это. Каждое справедливое и доброе дело имеет именно такой смысл; каждое доброе деяние, говорит Традиция, есть "освящение Имени Божьего". Применимое даже к самому заурядному из человеческих поступков, это понятие

особенно относится к случаям героизма, самоотречения во имя любви, справедливости и правды. И действительно, на иврите существует стандартное выражение для обозначения мученичества – “**киддущ ха-Шем**”, то есть “освящение Имени”; ибо в самопожертвовании человека во имя истинного идеала более всего святится Бог.

– **Подражать Богу;** для человеческой души это означает – подчеркивать свое происхождение от Бога и родство с Ним, демонстрируя черты божественного в себе. В этом именно смысл сказанного в Писании: “И за Господом, Богом своим последуете вы... и Ему останетесь верными”. Об этом же свидетельствует и призыв древнего мудреца: “И уподобимся же Ему. Ибо Он милостив и благостен, и мы станем стремиться к этому”.

– **Приближать Царство Божье;** то есть содействовать Ему в достижении Его цели – полноты свободы, истины и доброты в человеке и делах человеческих.

Суть всех этих формулировок сводится к главнейшему правилу еврейской нравственности: **творить добро** означает **для человека выполнять мицвот – заповеди Торы**. Ибо исполняющий мицвот исполняет и все остальное: исполняет волю Божью, чтит Его величие, святит Имя Его, подражает Ему, ускоряет пришествие Царства Божьего на земле.

4. Между человеком и Богом

Выполнять мицвот...

И первая из них – любить Бога.

Первая из Десяти Заповедей, которые начинаются с декларации: “Я Господь, Бог твой...”. И логически тоже первая, ибо из нее выводится вся еврейская мораль. Первая и генетически, в том смысле, что из

нее развивается далее почти весь иудаизм. Любовь к Богу – вовсе не какая-то неясная, доступная лишь немногим добродетель, нечто слишком трудное и чересчур возвышенное для обычного человека. Напротив, как сказал о ней Моисей, любовь эта "очень близка тебе, она на устах твоих и в сердце твоем, и потому ты можешь творить ее". Если бы не значительность и серьезность этой любви, она походила бы на любовь человека ко всему духовному, ко всему, в чем физическое начало не существенно. Любая "платоническая" любовь такого рода складывается из глубокого чувства присутствия чего-то иного, понимания его природы, благодарности за то, что оно существует, страстного желания постичь его, быть с ним в ладу, служить ему, славить его и его совершенство, строить свою жизнь в соответствии с его требованиями.

Поставьте в предыдущем абзаце слово "Бог" вместо слова "иное", напишите "Его" – с большой буквы, наделите все сказанное величием и страстью, соответствующими столь грандиозному предмету; тогда перед вами раскроется нечто подобное любви к Богу.

Страх Божий, уравновешивающий любовь к Нему, складывается из многих элементов: благоговения перед бесконечным величием; ужаса перед непостижимой тайной; веры, питаемой, по закону контраста, сознанием недолговечности человеческого существования.

В этом благоговейном чувстве страха можно выделить три момента –

– Страх, который могла бы испытывать глина на гончарном круге перед таинственной и роковой судьбой, быть может, ей уготованной.

– Страх нарушителя закона перед судом.

– Страх инженера, знающего, что его усилия ожидает крах и труд его погибнет, если он хоть на волосок отклонится от принципов своей науки.

В каждом вероисповедании есть люди, которых удручают любое упоминание о страхе Божьем. Это либо сентиментальные люди, либо склонные принимать желаемое за действительное, либо просто трусы, — или не знакомые с природой вещей, или слишком робкие, чтобы смотреть фактам в лицо. Тот, кто видит реальность в ее истинном свете, ту реальность, в которой совмещается горькое со сладким, жестокое — с нежным, пугающее — с утешительным, не усомнится ни на минуту, что Бог в равной мере может внушать как страх, так и любовь.

И все же, гласит Традиция, любовь должна быть сильнее, та любовь, которой учил рабби Акива*, говоря: "И написано в Писании: Люби Господа, Бога твоего, всею душой твоей".

"Что означает, — наставляет рабби Акива, — даже в момент, когда Он уносит душу твою". (И сказав это, он умер мученической смертью, подтверждая правоту своих слов.)

Именно на таком интуитивном понимании высшего значения любви основывается иудаизм, предписывая умирающим провозглашать в последних словах своих: "Слушай, Израиль, Господь наш Бог, Господь Един".

Это убеждение вдохновляет молитву каддиш, предназначенную Традицией для произнесения теми, кто лишился близкого: "Да возвеличится и освятится имя Его в мире, который Он создал по воле Своей, и да придет Царство Его...".

Так, склонившись перед последней тайной, перед самым жестоким испытанием, выпадающим на долю человека, душа возносится на небо, чтобы вновь утвердить жизнь и Бога.

Здесь любовь к Богу достигает своей вершины и триумфа.

5. Обязательства сердца

С самим собой человек никогда не расстается и знает себя самым интимным образом. Поэтому ему так необходимо придерживаться принципов, на которых строится его личное существование, тех правил, которые Бахъя Ибн Пакуда* – моралист XI века – назвал "обязательствами сердца".

Одно из них уже упоминалось в предыдущей главе: это тесно переплетающиеся в человеке любовь к Богу и трепет перед Ним.

За ним следует обязательство понимать. И это первостепенное обязательство, ибо чтобы думать, чувствовать и действовать, как должно, человек должен знать, что ему подобает. Вот почему древние законоучители говорили, что "невежественный человек не может быть истинно благочестивым".

Кроме того, разумная жизнь необходима людям, чтобы они могли обнаружить в себе присутствие Божества. Разве сам Бог – не разум? Что может убедительнее доказать родство человека с Богом или помочь человеку успешно следовать природе Бога, чем культ истины?

Когда Моше Маймонид утверждал, что вершина религиозной жизни и человеческого совершенства состоит в "обладании высшими интеллектуальными способностями и такими понятиями, которые ведут к правильным метафизическим представлениям", он говорил в значительной степени как последователь Аристотеля, но ни в малейшей мере не как еврей. То же самое можно сказать и о Спинозе, который несколькими веками спустя выдвинул свой идеал amor intellectualis dei (интеллектуальной любви к Богу).

Основное направление Традиции не идет так далеко. По нормам Традиции, моральные достоинства ценятся выше интеллектуальных, милосердное и справедливое сердце – выше ума, каким бы силь-

ным и острым этот ум ни был. Но если понимание не является одной из вершин треугольника ценностей в Традиции, то оно не намного ниже вершины. Хотя герои иудаизма — это люди прежде всего добрые и лишь затем мудрые, обычно они столь же мудры, сколь и добры.

Мудрость и ученость — это не одно и то же. Многие люди, свободные от книжной премудрости, извлекали из собственного опыта и размышлений основные принципы человеческого существования. А многие другие — немало учились, но остались дураками. Для таких людей в раввинистической литературе существует специальное, довольно едкое определение: "Осел, нагруженный книгами".

Но хотя ученость не обязательна для мудрости, обычно она является первым — и большим — шагом в направлении к ней. Вполне естественным и разумным является предъявляемое Традицией своим последователям требование приобретения знаний, прежде всего — знания ее самой, но также и общей образованности.

Иудаизм является единственной религией, в которой сам процесс обучения является священным, а учеба — святым делом. Ни в одной другой религиозной общине нет столь продуманной и тщательно разработанной морали учения.

Вот некоторые выдержки из Традиции, взятые наугад:

"Робкий да не учится, нетерпеливый — не учит".

"Назначай точное время для ученья".

"Вот как надо изучать Тору: кусок хлеба с солью будешь есть, меру воды будешь пить, на земле будешь спать; жизнь, полную тяжкого труда, будешь вести, пока изучаешь ты Тору, Но если поступишь так, будешь ты счастлив, и благо тебе".

О профессиональной опасности, подстерегающей книжников, гордящихся своими знаниями:

"Как вино не хранят в серебряных и золотых сосу-

дах, а только лишь в глиняных, так и ученость сохраняет свою благотворность лишь в человеке скромном”.

“Почему Тору сравнивают с водой? Чтобы ты понял: как вода стекает с вершин и собирается в низинах, так и мудрость среди людей”.

О достоинствах знания:

“Лучше родиться простолюдином и стать ученым, чем быть первосвященником и оставаться невеждой”.

Об опасности самообмана:

“Пусть человек так же чтит Бога в душе, как и на людях, пусть всегда исповедует правду и говорит только правду в сердце своем”.

О радостях чтения говорит следующий совет средневекового мудреца:

“Сын мой, пусть книги будут твоими спутниками, пусть хранилища книг будут садами твоих игр. Наслаждайся в их райских садах, собирая их плоды, срывай их розы, добывай их пряности и мирру. Если душа твоя пресытится и утомится, переходи из одного сада в другой, от одной клумбы к другой, от одного вида к другому. И тогда обновится твое желание и душа твоя исполнится восторга”.

А вот слова из завещания другого еврея, жившего в средневековье:

“Пусть в доме каждого (из детей моих) будет стол, а на нем пусть лежит том Талмуда или подобный ему труд, так, чтобы, входя в дом свой, он испытывал желание открыть эту книгу”.

И, наконец, об обязательности отстаивать правду такой, как ты ее понимаешь, если понадобится, даже перед лицом самого Господа Бога, рассказывает следующая легенда из Талмуда:

Согласно преданию, в некий день рабби Элиэзер привел множество чрезвычайно важных аргументов, но так и не убедил своих собеседников. Тогда он сказал им: “Если мое мнение о законе правильно, пусть докажет это вон то рожковое дерево”. И рож-

ковое дерево сдвинулось на сто локтей со своего места!

На это они ответили: "Ну и что доказало рожковое дерево?"

И тогда сказал он им во второй раз: "Если закон согласен с моим мнением, пусть этот ручей подтвердит это". И ручей повернул вспять!

На это они возразили: "Ну и что доказал ручей?"

И тогда он сказал им: "Если закон согласен с моим мнением, пусть стены этой академии подтвердят это". И стены начали клониться и упали бы, если бы рабби Иехошуа не обратился к ним с упреком, сказав: "Когда ученые спорят друг с другом, чем вы поможете им?". И стены не упали из уважения к рабби Иехошуа, но и не выпрямились вновь из уважения к рабби Элиэзеру, и стоят наклонными по сей день.

И тогда рабби Элиэзер, упорствуя, сказал им: "Если закон согласен со мной, пусть небеса подтвердят это". И раздался голос с небес, и сказал: "Почему вы противоречите рабби Элиэзеру, чье мнение всегда выражало закон?"

И тогда встал рабби Иехошуа и сказал: "Тора гласит сама о себе. "Она не на небесах" (Второзаконие 30:12); это означает, что Тора была дана нам однажды на горе Синай, и с тех пор мы не придаем значения никаким голосам с небес, а как предписывает сама же Тора, следуем мнению большинства".

Этот рассказ разъясняет, что величественная дерзость Иова не противоречит сути иудаизма: как Иов защищал требования совести от самого Бога, так и еврейская религия ожидает от своих последователей защиты разума не только от людей и человеческих ошибок, но – если можно вообразить такой случай – и от самих сил небесных.

6. Величие и смиренение

Быть человеком — значит знать. И из всего, что человеку дано познать, пожалуй, самое замечательное — это познание своей человечности. "Драгоценен человек, — говорит рабби Акива, — ибо он создан по образу Божьему. Но особенно велика дарованная ему милость знать, что создан по образу Божьему".

Из присутствия в человеке божественного начала следуют два вывода:

Он должен воспитать в себе самоуважение, достоинство мыслей и поведение, приличествующее тому, в ком горит искра Божья.

На него возложен долг раскрытия собственной индивидуальности. Ибо лишь ему дано нести в себе в неповторимом выражении образ Божий. Никто в целом мире не подобен ему в точности. Поэтому он обязан раскрыть и развивать в себе свою индивидуальность. В противном случае определенный аспект божественной природы останется навек нераскрытым и незавершенным.

Перечисленные выше обязательства сердца способствуют созданию возвышенного образа человека. Но такая оценка при малейшем преувеличении может превратиться в высокомерие. Поэтому Традиция позаботилась включить в нормы личной нравственности заповедь скромности.

Пусть человек — венец творения, но он всего лишь тварь. Не сам он создал себя, а его создал Бог, создал его способности, его мир. Более того, если он служит добру, то лишь в бесконечно малой степени, часто пренебрегая своим долгом и уклоняясь от его выполнения.

Пусть же человек будет скромен, так же сознавая свое несовершенство, как и свое величие. Пусть сознание того, что он немногим меньше ангела, уравновешивается признанием того, что он немногим выше

животного. Одним словом, пусть он будет смиренен. Ибо что такое смижение, как не соразмерность, правильное соотношение суждений, благодаря которым человек видит себя в истинном свете: не хуже и не лучше, чем он есть на самом деле.

7. Тело и душа

Разлад между телом и душой, который так терзал сначала языческий, а затем и христианский мир, преодолевается в иудаизме. На старый, как мир, вопрос о том, какие потребности следует удовлетворять в первую очередь — потребности плоти или духа — иудаизм отвечает просто: "И те, и другие". Но как быть, если между ними возникает конфликт? Как быть в тех случаях — а они не редки — когда непосредственное желание тянет в одну сторону, а совесть — в другую, когда мы разрываемся на части между "хочу" и "должен"?

Попав в столь затруднительное положение, люди в большинстве случаев выбирали одно из двух: либо уступали власти плоти, забывая о душе, либо следовали велению души, подавляя плоть. Как правило, ни одному из этих решений не сопутствовала удача.

Чувственность редко делала людей счастливыми, она лишь приводила к пресыщению, независимо от того, было ли потворство своим желаниям безрассудным и грубым, как у сибаритов всех времен, или благоразумным, как советовал Эпикур*, или рафинированным и утонченным, как призывал Уолтер Патер*.

Другой тактикой был аскетизм, ярче всего представленный в древнем язычестве Платоном и Плотином и благодаря Павлу из Тарса* ставший постоянным элементом исторического христианства. Для аскетизма плоть и ее желания суть зло, заманивающее душу в ловушку плотских радостей, которые

сначала разлагают, а затем убивают, согласно поговорке греческих мистиков: "сома сема эсти" ("тело – это могила"). Поэтому у человека не может быть иной цели, кроме умерщвления плоти.

К сожалению, установка эта оказалась не лучше противоположной. Прежде всего, ее задача невыполнима. Требования плоти нельзя подавить. Попытка заставить ее молчать является таким насилием над собой, что слишком мало сил остается для других духовных дел. Кроме того, этот путь сам себя отрицает. Превращенный в универсальную норму и доведенный до логического конца, аскетизм привел бы к смерти индивидуума и распаду общества.

В конце концов аскетизм только подстегивал похоть, склонял к притворной невинности. Его влияние на брак и любовные отношения было особенно неблагоприятно. Унижая половое влечение, он заставлял людей презирать себя за желание и стыдиться его удовлетворения. Изображая брак уступкой человеческой слабости, он превратил самый прекрасный и облагораживающий из всех человеческих союзов в нечто второсортное.

Иудаизм избежал обеих ошибок: как неразумного потакания чувственности, так и аскетизма. Традиция отнюдь не одобряет беспринципное потворство желанию. Древние раввины относились к нему столь неодобрительно, что превратили слово "эпикуреец" в эпитет для человека, способного на любое беззаконие и преступление.

Но если иудаизм предостерегает против потакания чувственности, то и от аскетизма он тоже отворачивается. С точки зрения иудаизма, тело – такое же творение Бога, как и душа, и поэтому оно не может быть изначально злым. Самоотречение вовсе не обязательно добродетельно. Напротив, оно может быть исполнено греха, ибо вредит здоровью и нарушает душевное равновесие или же делает счастье недосягаемым. Традиция утверждает, что радоваться

жизни — обязанность человека, а одна из функций религии — помогать ему в этом. Наслаждение является не только законным, но и обязательным.

Писание предписывает: "И будешь радоваться ты пред Господом, Богом твоим", а раввины учат понимать под этим не только такие радости духа, как богослужение, учение и добрые дела, но также и радости плоти: "еду и питье, наряды и товарищество".

То же говорит и древний мудрец: "Тот, кто видит законное наслаждение, но не пользуется им, проявляет неблагодарность по отношению к Богу, давшему ему такую возможность".

Итак, хотя в истории иудаизма часто проявлялись аскетические тенденции, он никогда не считал их нормальными. Что же касается злых наклонностей в человеческой природе, таких, как себялюбие, гордыня и вожделение, то они, разумеется, существуют. И Традиция достаточно много говорят об их происхождении, природе и о том, как их преодолеть. Но лишь немногие из них неисцелимо порочны; каждая из них в определенных благоприятных условиях поддается воздействию добра. Как проницательно заметил рабби Нахман бен Шмуэль*, "если бы не 'склонность к дурному', человек никогда не построил бы себе дома, не взял бы жены, не породил бы дитяти и не занимался бы делами"

Даже эгоизм, самое опасное из человеческих свойств, имеет свое законное место. Некоторая доля эгоизма даже необходима. "Если не я за себя, то кто же за меня?" — спрашивает Хиллел и добавляет, однако: "Если я только за себя, то зачем я?"

Соперничество, несмотря на все беды, которые оно порождает, может творить и добро. Пословица гласит: "Спор ученых умножает мудрость".

Все зависит от того, насколько подконтрольны страсти и на что они направлены. И вот здесь-то и раскрывается особая заслуга иудаизма в решении этой проблемы. Традиция придерживается мнения,

что человек не должен ни разрушать, ни пресыщать свое тело, но освящать его.

Под этим понимается —

— Во-первых, что человек возлагает на себя этические нормы, изложенные в Торе, ее "ярмо", как называет их Традиция. Подчинив себя таким образом моральному кодексу, человек предоставляет ему решать конфликт между плотью и духом, позволяя себе все, что этот кодекс одобряет, и избегая того, что им запрещено.

— Во-вторых, во все, что человек делает, будь то даже самое низменное и плотское, он привносит кдуша, или святость, иначе говоря, связь с божественным и идеальным.

Правильно и хорошо, когда человек ест со вкусом. Трапеза должна быть большим, чем простое утоление голода. Пусть она служит поводом для укрепления семейных уз, для единения с друзьями, для обмена "словами Торы и мудрости". Пусть она, кроме того, освящается действиями, имеющими религиозный смысл. И тогда человек может есть с самым большим аппетитом и все же не быть животным. Его стол — его алтарь.

Половая жизнь также освящена в брачном союзе, отмеченном любовью. А брак рекомендуется отнюдь не на основании жалкой теории, гласящей, что он предпочтительнее влечения. Напротив, Традиция рассматривает любовные отношения как высокое проявление человеческого духа, как возможность для мужчины и женщины образовать единство из своей разобщенности, укрепить друг друга в силе и поддерживать в слабости, научиться самоотверженности и состраданию и способствовать передаче от одного поколения к другому священного достояния своей общины. Исходя из всего этого, иудаизм провозглашает обязанностью человека жениться и растиать детей. Соответственно, он считает добровольное уклонение от женитьбы тройным грехом —

грехом против телесного здоровья, душевного спокойствия и общественного благосостояния.

По поводу этого тезиса древние раввины придумали чрезвычайно изобретательную и остроумную игру слов: ивритское слово "иш", означающее "человек", "мужчина", содержит букву "י" ("йод"), которая отсутствует в слове "иша", "женщина", точно так же, как в слове "иша" есть буква "ה" ("хе"), отсутствующая в слове "иш". Эти две буквы "י" и "ה", соединенные вместе, образуют имя Бога. С другой стороны, если удалить их из обоих слов, оставшиеся буквы дают третье ивритское слово "эш", что означает "огонь". А мораль всего этого такова:

Когда Бог, то есть святость и идеал, исчезают из отношений, они превращаются во всепожирающий огонь. Но если Бог присутствует в этих отношениях, человечность остается невредимой; мужчина и женщина остаются верными друг другу мужем и женой.

8. Между человеком и его ближним

К самому себе я должен относиться с уважением за то божественное начало, которым отмечен, и за неповторимость моего существа.

Но мой ближний находится в таком же положении. Он тоже — дитя Бога и столь же неповторим. Поэтому, когда я задаюсь вопросом о своих обязанностях по отношению к ближнему, ответ может быть только один: я не могу отнять у него или позволить отнять другим свободу и уважение, которых я требую для себя. Эта обязанность не знает исключений. Поскольку все люди причастны вместе со мной Богу, я не могу лишить кого-нибудь из них своего уважения из-за его расы, веры, цвета кожи, социального положения, классовой принадлежности или в силу каких-либо иных соображений.

Эта обязанность ничем не ограничена. Я не могу

предположить, что мое уважение к ближнему чрезмерно. Наоборот, поскольку в каждом человеке содержится частица Бога, его моральная ценность бесконечна.

Конкретно это означает, что я не могу использовать его как простое орудие для достижения своих целей, но должен всегда рассматривать его как самоцель. Я не должен причинять ему какой-либо вред: угнетать, эксплуатировать, унижать его или лишать какого-либо из его прав. Я не могу также обманывать его или скрывать от него правду, ибо давным-давно раввины указывали, что угнетать можно не только делами, но и словами. И наконец, я не могу ограничивать или сдерживать его самовыражение в соответствии с его талантами, склонностями и совестью.

При всем этом я имею право ожидать, что он станет вести себя по отношению ко мне так же, как я стремлюсь относиться к нему. Он дитя Господа не в меньшей степени, чем я, но и не в большей. "Самый близкий родственник человека, — говорят раввины, — он сам". Поэтому не менее решительно, чем права и достоинство своего ближнего, я должен отстаивать и свои собственные.

По еврейским понятиям, я вовсе не обязан представлять вторую щеку, в особенности, если меня ударили несправедливо. Теория о том, что зло следует терпеть, а не сопротивляться ему, всегда практически нарушалась даже ее официальными сторонниками. В глазах еврея этот принцип является противоестественным и даже аморальным, поскольку он призывает примириться с несправедливостью. А с несправедливостью никогда не следует мириться, по отношению к кому бы она ни проявлялась — хотя бы и ко мне самому.

Только в одном случае, согласно Традиции, я должен смириться с обидой: когда единственной альтернативой является нанесение мной ущерба третьей,

невиновной стороне. В этом случае еврейский закон гласит: человек должен предпочесть собственную смерть убийству другого.

Однако обычно я не стою перед необходимостью столь радикального выбора. Проблема сводится к гораздо более простой задаче — обеспечению того, чтобы я поступал **справедливо** по отношению к другим. В одном этом слове — вся суть еврейского учения о моих обязанностях по отношению к ближним: я должен относиться к ним правильно, справедливо и беспристрастно. Так сказано в Писании: "Справедливости, справедливости должен ты следовать".

Но я еще не кончил говорить о своем ближнем. Наряду с тем фактом, что каждый из нас представляется собой особое преломление Божества, все мы являемся родственными друг другу Его проявлениями. Разделенные уникальностью каждого из нас, мы все-таки связаны воедино общим высоким происхождением. Как бы велики ни были наши различия, наша общность значительнее; независимо от того, как жестоки наши конфликты, наше родство еще сильнее. Ибо мы братья в Боге.

Вот почему, прежде и больше всего прочего, я должен относиться к своему ближнему с братской любовью: проявлять сочувствие в горе, терпимость к его слабостям, понимание его намерений, готовность оказывать помощь в его устремлениях и всегда — терпение и миролюбие.

Короче, я должен относиться к нему с любовью, в соответствии с предписанием: "Люби ближнего своего, как самого себя".

Но разве можно любить по обязанности? Можно ли предписать любовь законом, даже если это закон самого Писания? Не является ли любовь скорее чем-то спонтанным и не поддающимся расчету, добровольным подарком, не имеющим ничего общего с соображениями долга и обязанности?

Да, любовь именно такова. Но дела любви, в отличие от самого чувства, могут подчиняться воле. Конечно, лучше, когда деяние согрето чувством, но в любом случае оно должно быть.

Как неоднократно указывается в Талмуде, многие добрые дела, совершенные из одного только сухого, как пыль, чувства долга, пробуждали в конце концов жаркую страсть. В еврейской нравоучительной литературе постоянно повторяется тезис: лучший способ обрести внутреннюю добродетель – это поступать добродетельно.

Мистики, объединившиеся в Цвате в XVI веке в этическое братство, выработали систему любви – добра, превышающую требования Традиции, в надежде, что способность к состраданию окрепнет в них в результате дополнительных актов милосердия и самопожертвования.

Еврейский пietист XVIII века Йозэль, сын Аврахама Шмарии, в своем завещании так наставлял детей:

“Когда в ходе богослужения вы приступите к молитве “Освящение”... думайте особенно об исполнении долга любить ближнего как самого себя. Ибо в этой молитве “Освящение” мы произносим: “Мы освятим Твое Имя на земле точно так же, как они (то есть служащие Тебе ангелы) святят его на небесах”! Поэтому мы обязуемся следовать за небесными созданиями и стремиться к совершенной любви и гармонии, которые присущи им.

Ради этой цели я выработал в себе привычку, находясь в окружении людей, оглядывать присутствующих одного за другим, спрашивая себя, действительно ли я люблю каждого, искренне ли выполняю завет любить ближнего. С Божьей помощью, я часто обнаруживал, что именно так оно и было. Я взял себе за правило всякий раз, когда замечал кого-либо, причинившего мне неприятность, в тот же миг прощать его, обязуясь любить его несмотря ни на

что. Но если сердце мое отказывалось любить его, я заставлял себя говорить о нем только хорошее, пока из сердца моего не исчезала злоба.

Итак, всякий раз, встречая человека, к которому не лежало мое сердце, я призывал на него благословение, чтобы обратить свое сердце к добру и полюбить его”.

В строках этих говорит святость с той простотой и тем воодушевлением, какие обычно сопутствуют ей. Но на святость и ее проявления способны только святые. А в наставлении рабби Йозея под покровом возвышенных слов лежит простая истина, доступная и тем, кто далеко не свят: хотя любовь временами приходит незванной, непрошенной, так сказать незапланированной, ее часто можно возбудить в себе с помощью простого средства — свершения дела любви.

9. Нравственность общества

Традиция гласит, что моральные нормы обязательны для общества в той же мере, как и для каждого из людей.

Как и отдельный индивидуум, вся община в целом может быть праведной или грешной, достойной награды или наказания, может испытывать нужду в искуплении.

Именно поэтому давным-давно существовал обычай, по которому первосвященник в Судный день просил у Бога прощения сначала за свои собственные прегрешения, затем за грехи рода священников, а затем — от имени всего Дома Израиля.

С того времени и по сей день евреи молятся в этот торжественный день об отпущении грехов всей общины так же, как и своих собственных.

Сказать, что грех лежит на всей общине, значит

признать, что сфера личной нравственности гораздо шире, чем полагают обычно. Это означает, что каждый человек, достаточно взрослый, чтобы знать о происходящем в мире, и достаточно сильный, чтобы совершить что-либо в этой связи, несет более или менее прямую ответственность за каждую неправедливость, совершенную государством, экономикой, классом или учреждением, частью которых он является.

Он может также быть виновен в соучастии, способствуя злу или извлекая из него прямую выгоду. Он может быть виновен в грехе бездействия, который раввины описывают следующей формулой: "В их власти было протестовать, но они не протестовали".

Традиция учит далее, что нравственность, обязательная для общины, является, разумеется, с необходимыми поправками, той же, что и нравственность, определяющая поведение каждого человека.

Общество, как и отдельная личность, обязано —

— Признавать присутствие божественного начала в людях, защищая их от угнетения и обеспечивая справедливость и свободу, которых они достойны.

— Дорожить уникальностью людей, помогая им раскрывать в себе и претворять в жизнь присущие им дарования.

— Обращаться с ними как с равными перед Богом.

— Трансформировать в социальную действительность их единство и братство, поощряя их добрую волю, заботясь о слабых и несчастных и так управляя делами общины, чтобы миролюбие торжествовало над насилием и сотрудничество — над соперничеством.

И еще один нравственный принцип, если и не исключительно — поскольку он обязателен и для индивидуума, — то в особой степени касается общества в целом. Это обязательность справедливого распределения благ.

Согласно Традиции, ресурсы природы и общест-

ва — это дар, которым Бог наделил всю человеческую семью во имя повышения общего благосостояния. Это не означает отрицания права человека владеть тем, чем он владеет, и пользоваться плодами этого обладания. Иудаизм одобряет институт частной собственности, но право собственности зависит от строгого соблюдения владельцем определенных условий, придающих всякому владению характер опеки.

Что бы ни говорило государство, с точки зрения нравственности никому не дано права препятствовать пользованию богатством, разрушать его расточительностью или прихотью или использовать его в антиобщественных интересах. Иудаизм настаивает, что предотвращение подобных злоупотреблений собственностью является прямой обязанностью, долгом общества, призванного распределить мирские блага так, как это предписано Богом, — на благо всего человечества.

Учение иудаизма о благотворительности ни в какой мере не вытекает из его отношения к собственности. Не многие общественные добродетели так высоко превозносятся в традиционной еврейской литературе, как филантропия. Именно здесь иудаизм осуществил одно из своих самых смелых и творческих начинаний. Он продумал этику благотворительности, разработал ее практическое приложение так давно и так всесторонне, что предvosхитил на века и даже на тысячелетия многие теории и методы современной "социальной работы".

Это чрезвычайное внимание, уделяемое благотворительности, является в известной мере результатом сострадания — как импульсивного, свойственного всем людям, так и осознанного, возведенного в идеал, внущенный и поддерживаемый Традицией.

Но благотворительность в иудаизме выходит за рамки сострадания. Бедняк, с религиозной точки зрения, как и всякий другой человек, есть дитя

Божье. Но в силу своей бедности он оказался лишенным своей законной доли земных благ. И поэтому он не может быть просто объектом жалости. Это человек, которого лишили законных прав, в том числе и права на достойное существование.

Что-то неладно в обществе, где возможна такая несправедливость. Вот почему благотворительность – это больше, чем просто сострадание, это исправление недостатков общества.

Вот почему "благотворительность" чаще всего переводится на иврит словом "цдака", означающим не только помочь бедным, но и справедливость. Ибо, помогая нуждающимся, общество восстанавливает в какой-то мере свое утраченное достоинство.

10. Человек – гражданин

"Не отделяй себя от общины", – учил Хиллел. В этой формуле дано классическое сочетание отрицания и утверждения, одинаково важных и одинаково характерных для Традиции.

Отрицание – это протест иудаизма против всякой попытки обособиться, изолироваться от остального человечества.

Утверждение – это призыв к активному участию в общественной деятельности, необходимой с точки зрения иудаизма для реализации потенций человеческого духа.

Конечно, в еврейской истории были периоды, когда под давлением чрезвычайных обстоятельств евреи – как отдельные личности, так и целые группы – отвергали окружающий мир. Одним из таких критических моментов явилось столетие, предшествовавшее началу новой эры. В этот период секта ессеев в Палестине и египетско-еврейская секта терапевтов*, описанная Филоном*, создали внутри иудаизма собственное монашество, впоследствии

послужившее образцом ранним христианским отшельникам и монашеским орденам. Позднее в деятельности мистиков-каббалистов XVI века проявилась, хотя и менее явственно, та же тенденция к изоляции, сохранившаяся чуть ли не до наших дней в виде феномена, называемого *паруш*, то есть "отделенный". *Паруш* — человек, поддерживающий минимальные семейные и общественные связи, однако посвящающий свою жизнь прежде всего религиозным занятиям, богослужению, созерцанию.

Иными словами, евреев порой привлекал идеал уединенного существования и, хотя не часто, они поддавались подобному искусу. Однако в главном своем течении иудаизм не только никогда не поощрял отшельничества, но и осуждал его. Осуждению подвергаются оба вида отрещения: и когда человек физически уединяется, удаляется от общества людей, и когда, оставаясь в кругу своих близких, он сознательно запирает от них свое сердце.

Затворничество любого типа Традиция считает аморальным и неразумным, и затворник, с точки зрения Традиции, — это, по меньшей мере, неблагодарный человек, ибо все, чем является человек, в чем испытывает нужду и чем пользуется: орудия труда, язык, идеалы, — все это он получает от общества. Нехорошо, получив все блага из рук общества, ничего не давать ему взамен.

Более того, несмотря на свой видимый идеализм, отшельник в какой-то степени является эгоистом: занятый исключительно спасением своей собственной души, он не считает себя обязанным удерживать других от поступков, губящих их души.

В моменты мировых катаклизмов отрещенное существование кажется самым привлекательным. Однако именно в этот час человечество более всего нуждается в неустрашимых сердцах и искусных руках, в тех, "кто может отвести беду от самого порога".

Отшельнику вовсе не присуща какая-то особая проницательность, так как от него ускользает та очевидная истина, что индивидуум и община неразрывно связаны общностью судьбы. Одна из наиболее язвительных еврейских притч рассказывает:

Случилось однажды, что несколько мужей плыли в лодке по морю. И вдруг один из них вынул шило и принял сверлить дно лодки. "Глупец, — кричали ему остальные, — что тытворишь?" — "Что вам за дело, — ответил он им, — разве не под своим сиденьем я проделываю дыру?"

И, наконец, тактика уклонения совершенно не пригодна для достижения того избавления, ради которого она чаще всего избирается. Если человечество морально нездорово, то спасающийся от этого недуга бегством в далекую пустыню будет настигнут чумой и там. Для того, кто печется о здоровье собственной души, нет иного пути, кроме заботы о духовном здоровье своей общины. Такова мораль, которую древние раввины извлекли из заповеди, данной Богом Моисею, когда он в ореоле величия своего стоял на вершине Синай, а внизу, в долине, Израиль поклонялся золотому тельцу: "Поспеши сойти, ибо развратился народ твой" (Исход 32:7).

Но все это — лишь темная сторона проблемы, грустное утверждение, сводящееся к тому, что мы вынуждены отождествлять себя с обществом за неимением лучшего потому лишь, что бежать от него невозможно и не стоит даже пытаться делать это. Но с точки зрения Традиции общественная жизнь вовсе не представляется лишь меньшим из двух зол. Она сама по себе — добро, потребность в ней присуща человеку от природы, она созидательна.

Есть радости, создаваемые только содружеством, добродетели, расцветающие только на почве общего опыта, идеалы, реализуемые только в коллективе. Выполняя волю Божью, предписывающую нам спра-

ведливость, милосердие и смирение, мы должны жить вместе с другими людьми, среди них и для них.

Если мы славим Бога и освящаем Его имя, сораты наши должны быть рядом, в противном случае у нас не окажется ни зрителей, ни слушателей. Построение Царства Божьего на земле заведомо предполагает наше участие в общественной жизни, ибо Царство это, как мы увидим далее, есть наше собственное общество, совершенное и возрожденное духовно. Здесь-то и кроется суть настойчивого требования полностью участвовать в общественной жизни, которое иудаизм предъявляет людям. Бегством от общества человек лишает себя счастья, человечности, исключает для себя возможность быть человеком. Иными словами, если все сказанное выражить только в позитивных терминах, человек должен вести себя сердечно и честно и как член семьи, и как член религиозной общины, и как гражданин, и просто как человеческое существо, для того, чтобы жизнь казалась ему стоящей, чтобы он был верен своей природе и способствовал исполнению предначертаний Бога.

11. Тень греха

Высоко оценивая человека, иудаизм, однако, не питает иллюзий на его счет. Иудаизм прекрасно понимает, что в природе человека заложена огромная способность ко злу; что его "злоба велика на земле, что чтение его сокровенных мыслей неизменно раскрывает одно лишь зло"; что его "сердце бесконечно лживо и беспредельно слабо". Иными словами, иудаизм признает моральную неустойчивость человека, и то, что (перефразируя слова Бога, обращенные к Каину) у дверей его грех лежит и влечет его к себе.

В чем состоит грех, Традиция говорит совершенно определенно. Как мы старались показать выше, европейская религия содержит вполне определенные

представления о природе добра – как о его общем смысле, так и о его конкретных проявлениях. Грех, говоря коротко, – это действие или состояние, противоположное добру. Точнее, это всякое действие или бездействие, равно как и помысел, отрицающие волю Божью, помрачающие Его славу, профанирующие Его имя, противостоящие Еgo Царству или нарушающие *мицвот* – предписания Торы. Легко дать и более подробное описание греха. Читателю достаточно вернуться к предыдущим главам раздела "Праведная жизнь" и перед каждым изложенным там принципом поставить знак минуса. В результате он получит достаточно полный список поступков, настроений и мыслей, которые иудаизм считает греховными.

Но разве грех непременно должен существовать? Отчего люди склонны к греху, отчего они столь часто отвергают добро и предпочитают ему зло?

На этот сложный вопрос у иудаизма нет и не может быть единого ответа. Грех – это только особый случай зла, зло, заложенное в человеческой природе и поведении. Если бы иудаизм давал общее определение природы самого зла, то в нем имелись бы также и различные теории воплощения зла в человеке. Здесь действует неумолимая логика: еврейская религия не содержит единого толкования сущности Бога, поэтому она не может предложить никакого официального оправдания Бога и Его путей и не может выдвинуть приемлемого для всех учения о грехе. В самом деле, как всякая теология порождает свою теодицею, так и каждая теодицея предлагает свое собственное понимание греха; это настолько ясно, что нет нужды задерживаться на этом вопросе. Если читатель еще раз просмотрит приведенные в главе "Великая тень" типы теодицеи, он без труда составит себе представление о существующих в еврействе различных интерпретациях греха.

Когда речь идет о грехе или о зле, Традицию гораздо больше заботит, чтобы люди поступали спра-

ведливо, чем чтобы они размышляли каким-то особым, официально одобренным образом. Поэтому прежде всего иудаизм учит, что человек может и должен сопротивляться позыву к греху и привычке к нему. Человек по существу свободен в своем поведении, он в принципе хозяин своих решений. Недаром само библейское изречение о том, что грех всегда подстерегает человека у порога, кончается призывом: "Но ты господствуй над ним".

Поскольку греху можно противостоять, иудаизм требует от человека противоборствовать ему всеми силами. Если соблазн — многоголовая гидра, то столь же многообразны и средства защиты от него. Среди испытанных временем стратегических средств борьбы с этим чудовищем Традиция особенно рекомендует размышление, молитву и изучение Торы и другой религиозной и моралистической литературы, усиленное занятие добрыми делами, дружбу с умными и честными людьми, но прежде всего требует постоянно развивать в себе силу воли.

Грех, однажды совершенный, отнюдь не всегда является непоправимым. Ущерб, нанесенный ближнему, может быть возмещен. Что же касается вреда, причиненного самому грешнику, то его, по крайней мере частично, можно обратить в пользу раскаянием и самодисциплиной. Ошибки поддаются исправлению, хотя и не полностью, и не всегда. Когда Каин убил своего брата, указывает Традиция, он убил не только Авеля, но и его нерожденных детей. Никакими силами не смог бы Каин исправить это зло до скончания века. Следует признать, что в определенном смысле тень совершенных ошибок всегда следует за людьми, они расплачиваются за них каждый день на протяжении всей своей жизни и в своих потомках — вечно.

И все-таки ни мир, ни человек не являются в полной мере узниками прошлого. Смягчение наказания может быть достигнуто духовными усилиями: по-

каянием и искуплением. Оба эти акта состоят из двух единовременных усилий: внешнего и внутреннего. Кающийся грешник должен прежде всего стараться смягчить объективные последствия своей ошибки. Даже если он не в состоянии сделать почти ничего, он все равно должен осуществить хоть то немногое, что в его силах. В то же время от кающегося грешника требуется усиленная работа над своей собственной душой, приводящая его к двум противоположным, почти парадоксальным результатам. Он должен прийти к совершенно ясному пониманию причин, природы и результата своих преступков, чтобы его раскаяние было глубоким, а воля к исправлению твердой.

Достигнув этого, кающийся должен устоять и не дать раздавить себя сознанию содеянного зла, сохранить добре расположение духа и уверенность в себе. Память о старых грехах должна оставаться и останется при нем, чувство вины сохранится. Но со временем возникнет и нечто иное: уверенность в одержанной над злом победе, в способности к возрождению, в возврате к моральным ценностям и стоящему за ними Богу.

Таковы были представления древних раввинов о грехе. Именно из такого представления они исходили, когда изображали Бога, обращающегося к грешникам со словами: "Так как ты пришел на суд Мой, то уйдешь от меня с миром, и Я буду считать, что создал тебя заново". Это и есть **возвращение к Богу** — *тишва*: классический еврейский термин, означающий раскаяние.

Традиция не признает исключения из правила о склонности людей к греху. Совершенство не свойственно людям. Они не могут быть абсолютно свободны от ошибок и зла. Добро, к которому они стремятся, не имеет четко очерченных границ и постоянно ускользает от них. Их зрение неясно, их ум слаб, их поступь шатка. Как можно представить себе, чтобы

даже сильнейший и самый ревностный из людей ни в чем не провинился в жизни? Традиция утверждает, что еще никто и никогда не достигал совершенства — даже святые или пророки. Все грешили и терпели моральные поражения: святой — меньше, грешник — больше, но в какой-то мере — все.

Даже такой человек, как Моисей — верный слуга в Доме Божьем, — не мог избежать всеобщей подверженности ошибкам; книга Торы ясно повествует о том, что Моисей грешил, говорит, в чем он согрешил и как был наказан.

Более того, иудаизм не ждет от человека совершенства. Есть религии, утверждающие, что человек погибнет, если не достигнет совершенства. Поставив перед ним невыполнимую цель, религии эти заведомо обрекают человека на вечные муки, на проклятие, от которого его может спасти только благодать Божья. Но поскольку благодать, по определению, не завоевывается, а даруется, то в конечном счете вмешательство Бога оказывается непредсказуемым, даже зависящим от прихоти.

Иудаизм в этом отношении мягче, реалистичнее. Он слишком хорошо думает о Боге, чтобы изображать Его требующим непогрешимости от плоти и крови, которые Он сам создал бренными. Было бы чрезмерным требовать от человека, чтобы он ни разу не оступился в пути.

Напротив, иудаизм предсказывает, что человек не только оступится, но и упадет. Свою задачу иудаизм видит именно в таком руководстве, которое поможет человеку, идя по жизни, как можно реже падать, а упав, подняться, очиститься от грязи и идти дальше, исполненным уверенности в себе и в достижимости добра, к которому он стремится.

И не в этом ли сокровенный смысл рассказа из книги Бытия — рассказа о том, как глубокой ночью Иаков боролся с ангелом, одолел его, но был ранен в этой схватке; когда с восходом солнца он встает,

чтобы продолжать свой путь, он хромает. И все же он обретает новое имя и новое благословение в знак одержанной им победы.

Не так ли и мы боремся с жизнью, наносящей нам раны, от которых мы навсегда остаемся хромыми, но все же, выстояв, идем дальше, отмеченные новыми именами — знаками чести и благословения.

VI. Израиль и народы

1. Израиль – концепции традиционалистов

Иудаизм, вера народа Израиля, включает в себя также и веру в Израиль, в значение роли еврейского народа в истории.

Для традиционалистов эта вера включает четыре пункта: Избранничество, Завет, Миссия и Воздаяние в грядущие времена.

Избранничество состоит в том, что Бог избрал Израиль среди других народов на роль воспреемника Его откровения, центральной фигуры в драме спасения человечества.

Почему же именно народ Израиля?

Отчасти благодаря действиям патриархов, чья праведность была столь велика, что заслужила эту высокую честь для потомков.

Отчасти еще и потому, что, согласно одной раввинской теории, только этот народ выказал готовность принять на себя все тяготы и испытания, которые выпадают на долю избранного. Древняя легенда рассказывает по этому поводу следующее: решив открыть людям Тору, Бог предлагал ее всем народам земли поочередно, но все они отвергли ее из-за суровых моральных требований. И только один Израиль отважился принять – и то, как говорится в одном из вариантов сказания, скорее в силу своей импульсивности, нежели героизма.

Завет – это соглашение между Богом и Израилем.

Само слово "соглашение" означает участие двух сторон. Если Бог избрал Израиль, то Израиль согла-

сился быть избранным. И не только согласился быть избранным Богом, но и в свою очередь избрал Его своим Богом. В условиях взаимопонимания, Израиль как одна из договаривающихся сторон берет на себя выполнение воли Бога, не считаясь с ценой и последствиями. Бог, со своей стороны, делает Израиль Своим исключительным сокровищем, народом, приближенным к Богу.

Нет более высокой чести, чем быть достойным Избрания. Однако оно не дает никаких особых привилегий. Напротив, оно налагает обязательства и тяжелые испытания.

Большее, а не меньшее требуется от Израиля благодаря его уникальному положению. Племенам, не ведающим Бога и Его воли, не связанным с Ним договором, могут быть прощены их грехи и отсутствие благочестия. Иначе обстоит дело с царством священников, святым народом, давшим торжественное слово "исполнять все, что повелит Бог, и слушаться Еgo". Вот почему пророк от имени Бога предупреждает народ:

Только тебя из всех семей на земле Я познал;
Поэтому покараю тебя за все твои беззакония.

Более того, с Избранием связана опасность, а не защита от нее. Поборник справедливости и милосердия должен быть готов к нападению злых людей и к враждебности злых институтов. Противостоящие ему силы тьмы не могут не пытаться стереть его с лица земли, заставить его правду замолчать.

Таковы условия Завета – тяжелые условия, обрекающие народ вечно играть ту роль, о которой говорится в последних главах книги Исаии, – роль слуги Господа, готового страдать, если только ему будет позволено служить.

Служить – но какой цели?

Здесь мы подходим к учению о Миссии.

Израиль существует не только для того, чтобы служить Богу и исполнять Его волю, но и для того, чтобы проповедью и примером передать правду и пути Господни другим народам, чтобы слепые про-зрели, узники вышли из своих темниц, и в кон-це концов все люди образовали бы единое целое, чтобы достичь совершенства в праведной жизни.

Задачей и конечной целью Мессии является не что иное, как избавление человечества. Но какова же будет доля слуги в этом счастливом событии?

Израиль будет присутствовать при развязке миро-вой истории, увидит воочию оправдание своей Миссии. Время его служения истекло, взятое им на себя обязательство исполнено, и он примет заслуженное участие во всеобщем спасении, для приближения которого он приложил столько усилий.

Его дети, столь долго рассеянные и преследуемые, воссоединятся на своей древней земле, чтобы вку-сить там мир и безопасность, соответствующие го-речи и длительности их изгнания.

Еврейская религия, над которой до сих пор глу-мились и насмехались, будет признана всеми как истинная вера.

Разрушенный Храм в Иерусалиме будет восста-новлен, чтобы стать домом молитвы для всех на-родов.

Традиционалисты предвидят блестящий триумф Израиля. Однако и согласно их представлениям — и нет ничего типичнее для еврейского характера — к своему торжеству еврейский народ придет не один, но вместе со всем человечеством; освобождение еврейского народа в конце концов будет только частью, правда, существенной, но все же частью спасения всей человеческой семьи.

2. Израиль – интерпретация модернистов

Модернисты в значительной степени пересмотрели традиционные концепции еврейского народа, что-то отвергнув совершенно, остальное же приняв с радикальными изменениями.

Для модернистов учения об Избранничестве, Завете, Миссии и Воздаянии – подлежат натуралистическому объяснению как проекции исторических сил. Такое толкование совсем не обязательно отрицает их истинность; однако оно представляет их в совершенно ином свете.

Все древние народы, как отмечают модернисты, считают себя избранныками своих богов. Поэтому вера еврейского народа в свою избранность является, прежде всего, частным случаем универсальных представлений. Тем не менее, еврейская концепция избранности очень скоро приобрела уникальный характер, поскольку ни один другой народ древности никогда не доходил до того, чтобы рассматривать себя избранным не для собственного блага, а для служения Богу.

Но почему же только одни евреи достигли такой высоты? Под действием двух факторов, отвечают модернисты: первый и более важный – это гений пророков; второй – бедствия, выпавшие на долю еврейского населения Эрец-Исраэль. Фанатически убежденные, что все в мире должно служить Божьему предначертанию, пророки неизбежно должны были прийти к мысли, что их собственный народ также посвящен цели, избранной Богом. В то же время военные поражения, бедность и политическая нестабильность еврейского государства побуждали евреев искать смысл своего существования как группы не в завоеваниях и благодеяниях, а в чем-то ином.

В момент своего возникновения и долгое время затем понятие избранности народа Израиля было серьезно обосновано фактами. Во всем древ-

нем мире только у евреев была прочная вера в Бога, нравственность и надежда на гуманное будущее.

Появление христианства и магометанства еще более укрепили притязания евреев на избранничество, так как обе эти религии считали Израиль первым избранным народом, утратившим, однако, впоследствии Божье благословение. Евреи, естественно, согласились с неевреями в том, что свидетельствовало в их пользу, и пренебрегли остальным.

Позднее, в средние века, учение об избранности приобрело для евреев еще большее значение. Оно поддерживало их силы, укрепляло их самоуважение, целеустремленность и уверенность в себе в то время, когда весь остальной мир как бы сговорился деморализовать и унизить их.

Такова в общих чертах эволюция учений об Избранничестве, Завете, Миссии и Воздаянии, как их формулируют модернисты.

Как же обосновываются эти доктрины сейчас?

Здесь модернисты расходятся друг с другом.

Некоторые считают, что идеи эти, возможно, имевшие когда-то право на существование и даже бывшие в известном смысле верными, больше не нужны: во-первых, потому, что они вызывают враждебное отношение других народов к народу Израиля, и, во-вторых, потому, что противопоставление Израиля другим народам фактически утратило всякий смысл — в современном мире евреи не отличаются большей преданностью идеалам служения Богу, чем другие народы.

Но типичный модернист не столь радикален в этих вопросах. Он наотрез отказывается придавать какое-то значение различиям между евреями и неевреями, считая это дурным тоном. Но он вовсе не стремится забыть историю идеи Избранничества и отнюдь не равнодушен к ее возможному использованию в будущем.

Типичный модернист подчеркивает значение того

факта, что евреи были первыми, кто избрал Бога с целью посвящения себя Ему. Поэтому они и являются первым избранным народом. Кроме того, они постоянно признавали своей общей целью исполнение воли Бога. Поэтому можно сказать, что они не прерывно оставались избранным народом. Что же касается настоящего, то они могут, если захотят, продолжать играть свою историческую роль. Для этого им нужно только посвятить себя, как это делали их отцы, закону и замыслу Бога. Пусть они изберут Его еще раз, и тогда снова станут избранными. Избранность жива, Завет в силе, Миссия продолжается, а Воздаяние ждет предопределенного момента. Израиль — всегда — слуга Бога.

3. Страна и язык

Иудаизм считает Эрец-Исраэль и язык иврит святыми.

Они священны, ибо именно там, на Святой земле, и на языке иврит Откровение было дано пророкам и передано ими Израилю и человечеству. Эрец-Исраэль была местом, где происходили самые памятные события еврейской истории, а иврит был средством выражения самых драгоценных движений еврейской души.

Нельзя читать Традицию и не почитать тот язык, на котором она говорит, и ту землю, где она возникла.

Оба священны, ибо священны цели, которым они служат. Еврей молится, совершает обряды и исполняет свои духовные обязанности целиком на иврите, если он строгий традиционалист; в большей или меньшей степени на иврите, если он модернист. И традиционалист, и модернист в самые важные моменты своей духовной жизни, как правило, произносят несколько фраз на иврите.

Подобным же образом мысль об Эрец-Исраэль присутствует в каждом элементе религиозной жизни еврея. Читает ли он Библию, произносит ли молитвы, изучает ли раввинистическую литературу, — всюду находит он упоминания о Стране Израиля. А так как еврейские обряды сложились на Святой Земле, они несут на себе ее печать. Как и другие религии, иудаизм фиксирует циклы времен года, но календарь, которому он следует, возник в Эрец-Исраэль. Пасха отмечает созревание первого зерна, Шавуот — сбор первых плодов, Суккот — сбор урожая — все так, как это происходило на Святой земле. И всегда именно Эрец-Исраэль определяет степень знакомства иудаизма с земледелием и животноводством.

И, наконец, страна и язык священны благодаря тому месту, которое они занимают в представлениях иудаизма о будущем.

Кроме крайних модернистов, все религиозные евреи считают, что Эрец-Исраэль и язык иврит каким-то образом вовлечены в судьбу Израиля и человечества.

Многие традиционалисты верят, что воссоединение Израиля на земле его предков является предпосылкой мессианской эры. Когда рассеянные по всему миру евреи возвратятся домой, от Сиона выйдет Тора и слово Божье — из Иерусалима, мечи перекуют на орала и копья — на серпы.

Менее строгие традиционалисты и почти все модернисты видят будущее в менее мистическом свете. В их представлении Эрец-Исраэль и иврит способствуют естественному ходу событий к триумфальному завершению человеческой истории.

На протяжении многих столетий развитие иудаизма тормозилось рассеянием и преследованиями. Но теперь, когда существует еврейское государство, когда отверженные евреи обрели наконец покой, когда еврейский язык и литература снова пустили корни в своей родной земле, Традиция получила воз-

можность свободного, беспрепятственного развития. Условия для этого сейчас благоприятнее, чем когда-либо за истекшие два тысячелетия. И не только в Эрец-Исраэль, но и во всем мире. Ибо Эрец-Исраэль станет теперь сердцем, питающим кровью диаспору.

Кто знает, какое слово откровения еще скажет народ откровений. Во всех частях мира еврейский народ станет сильнее благодаря возрождению своей родины и культуры, а потому сможет успешнее бороться за построение того идеального общества, которое он первый создал в своем воображении и к которому так долго и так упорно стремился.

4. Неевреи

Согласно Традиции, все люди, независимо от расы, религии и национальности, — равно дети Бога, одинаково дороги Ему, одинаково достойны справедливости и сострадания со стороны своих собратьев. Ни один человек сам по себе не лучше любого другого, лучшим может быть только его характер или личное поведение.

Поэтому иудаизм не признает за евреями никаких привилегий, по крайней мере, никакие привилегии не даны ему от природы. Но в то же время иудаизм считает, что еврей обладает некоторыми преимуществами, примером которых может быть характер их религиозного наследия или то, что древние раввины называли "заслугами отцов"; иными словами, это их общее наследие веры и добрых дел, накопленное веками и доступное каждому новому поколению. Однако эти социальные и культурные преимущества должны быть восприняты и использованы каждым человеком в отдельности, иначе они теряют всякий смысл и значение. Но ни в упоминании об этих преимуществах евреев, ни в еврейской религии вообще

нет ни малейшего намека на оправдание расового превосходства и неравноправия.

Иудаизму чужды какие-либо представления о расе. И хотя в Традиции принято прослеживать генеалогию Дома Израиля, восходящую к патриархам, чистота крови не играет в ней никакой роли. Всякий, принявший еврейскую веру, причисляется к "детям Авраама, отца нашего" и к "сынам Израиля", которые все равны.

Ни один человек не может быть лишен права на обращение в иудаизм из-за своего национального или этнического происхождения. Иудаизм предъявляет высокие требования к прозелитам, но все они носят чисто теологический, этический, ритуальный и воспитательный характер.

Любой может стать евреем; но никто не обязан делать это ради спасения в этом или ином мире.

Традиция ясно постановляет: "Праведники всех народов имеют свою долю в грядущем мире".

В этом чрезвычайно важном вопросе иудаизм резко расходится с историческим христианством.

Универсальность христианской религии часто усматривают в том, что по ее нормам и в соответствии с учением Павла "нет ни иудея, ни эллина, ни раба, ни свободного, ни мужчины, ни женщины: ибо все вы во Иисусе Христе. А если ты Христово, то ты и Авраамово семя и наследуешь соответственно обещанному".

Но в нравоучениях Павла часто опускают совершенно очевидное условие, которое он ставит, а именно: "если ты Христово". Универсализм Павла относится только к верующим христианам, а из них – только к тем, кто верует праведно, то есть в согласии с идеями Павла. Все же остальные, какими бы искренне любящими, преданными и добрыми они ни были, безнадежно прокляты. Или, выражая этот тезис собственными словами Павла: " тот, кто не верует, да будет проклят".

Но не только один Павел ограничивает Спасение кругом тех христиан, которые исповедуют какие-то определенные доктрины веры.

Такова же точно и позиция католицизма: "extra ecclesiam nulla salus" — "вне церкви нет спасения".

Совершенно так же обстоит дело и в протестантизме, за исключением его радикальных сект.

Отрицая всякую исключительность человека, иудаизм утверждает, что любой праведник может уповать на вознаграждение, уготованное праведности в этом или ином мире.

Более того, с точки зрения строгого традициониста, в определенном смысле неевреям гораздо легче заслужить спасение, чем евреям (хотя это и не столь очевидно). От нееврея требуется только соблюдение "семи заповедей, предписанных сыновьям Ноя", тех заповедей, которые являются принципами нравственности и благочестия, объединяющими, по мнению законоучителей древности, все человечество. Он должен воздерживаться от: 1) идолопоклонства; 2) кровосмесления и прелюбодеяния; 3) кровопролития; 4) профанации имени Божьего; 5) несправедливости и беззакония; 6) грабежа; 7) бесчеловечных поступков (например, жестокости по отношению к животным). Более того, талмудическая литература изобилует эпизодами, повествующими о язычниках, которые "заслужили место в грядущем мире" отдельными актами исключительной доброты и честности. В отличие от них, евреи для своего спасения должны исполнять все 613 заповедей Торы.

Готовность иудаизма признать, что и другие, помимо евреев, обладают духовными заслугами, достаточными для спасения, является собой пример либерализма, уникального в западной теологии.

Она помогает также понять позицию, занятую европейской религией в отношении обращенных: иудаизм готов принять всех жаждущих, но не ищет их; равви-

нам предписано отговаривать будущих прозелитов и обращать их в иудаизм только в том случае, если они настаивают на своем намерении.

Такое необычное, почти парадоксальное отношение к прозелитам в определенной степени является продуктом истории. Некогда, во времена Римской империи, евреи активно занимались миссионерской деятельностью; некоторые из них мечтали обратить в иудаизм весь языческий мир. Но большинство обращенных язычников продолжало страстно стремиться к тому образу жизни, который они якобы презрели, и постоянно пыталось навязать его иудаизму. Многие оказывались неустойчивы в вере и покидали ее, как только она становилась объектом гонений. Многие перешли в другие, менее требовательные в ритуальном отношении религии, такие, как митраизм и христианство. Кто однажды обжегся, вдвойне осторожен. Современные правила иудаизма в отношении обращенных требуют с их стороны серьезности и постоянства.

Более того, правила эти претворяют в жизнь убеждение иудаизма, что любой добрый человек – еврей и нееврей – угоден Богу. В иудаизме отсутствует постулат, который порождает миссионерское усердие других вероисповеданий. Иудаизм не претендует на то, что лишь он один может гарантировать спасение от вечного проклятия.

Широта еврейского мировоззрения кажется особенно знаменательной, когда вспоминаешь о том, каким бесконечным и свирепым преследованиям подвергались евреи на протяжении средних веков. Было бы понятнее в свете всего ими пережитого, если бы они лелеяли мечту (приписываемую им Шекспиром) совершить злодейство, которому их научили, и превзойти полученный урок, или если бы они отрицали всякую возможность спасения того, кто принадлежит к церкви, столь жестоко терзавшей их. Они же продолжали верить, что любой добрый человек достоин вечного блаженства. И это красно-

речивее всяких слов говорит в пользу иудаизма и еврейского идеализма.

5. Другие религии

Для еврейского традиционалиста иудаизм – религия как таковая, единственно истинная вера.

Однако это не значит, что другие религии неизбежно и целиком ложны. Напротив, они могут быть частично истинными в той степени, в какой они приближаются к иудаизму.

Согласно этому критерию, нееврейские религии выстраиваются в ряд – от погруженных во тьму полного невежества до почти полностью просвещенных. Идолопоклонство и политеизм являются совершенным суеверием и заблуждением. Христианство с его догматом троичности образует смесь верных и неверных элементов. Безусловное чувство близости испытывает иудаизм к такой форме этического монотеизма, как унитарианство*, хотя унитарианство и не является до конца последовательным.

Ярким выражением взглядов традиционалиста в этой области представляется восьмая песнь из поэмы "Кетер малхут" ("Царская корона"), написанной поэтом XI века Шломо ибн Габиролем.

Господь Ты, и все Твои творения – лишь слуги
и поклонники Твои.

Твоя не меркнет слава, когда иные чтут других
богов,
Ведь и они томимы одной лишь жаждой к Тебе
стать ближе.

Стремясь вперед, к Тебе, Царю вселенной,
Блуждают, как слепые, сбиваясь с верного пути.
Одни слетают в бездну, другие попадают в западню,
Воображая, что достигли желанной цели,
И не понимая, что все усилия их были тщетны.
Но даже эти, как и те, другие, с открытыми
глазами идущие по верному пути,

Ни вправо не свернув, ни влево,
Доколе не достигнут Царского Дворца, —
Твои все слуги.

В приведенном отрывке читатель увидит прежде всего очевидное признание за всеми людьми искренней потребности в Боге; поэт рисует как бы шествие паломников различных религий — одни опережают других на пути к Царю; и только иудаизм, согласно глубокой убежденности автора, достигнет самого дворца. Так, в иносказательной форме, изложена доктрина традиционалистов.

Модернисты отказываются смотреть на различные религии как на системы каких-то утверждений, из которых только одно может быть верным, а все остальные должны быть ошибочны. Они воспринимают разные религии скорее так, как смотрят на различие людей или культур, каждая из которых обладает свойственными только ей истинами и достоинствами.

В этом смысле хорошо, а не прискорбно, что религий много, так же как для мира полезно существование множества людей и цивилизаций.

Жизнь выигрывает от этого в красочности и многообразии.

Каждая религия как бы стимулируется другими, а их критика непрерывно побуждает ее к самоочищению.

Различные церкви дополняют друг друга, каждая вносит какие-то открытия или ценности, присущие ей одной, или же дает свою интерпретацию, раскрывая какието новые оттенки положений и идеалов, общих для всех религий. Таким образом, общая жизнь человеческого духа оказывается полнее, чем могло бы быть при питании лишь из одного источника.

Конечно, отдельные учения могут быть верными или ошибочными — этот вопрос становится весьма жгучим в тот или иной момент. Но ни одна религия

не является полностью несостоительной. Во всяком случае, религия – это не математическое действие, которое упраздняется при обнаружении ошибки. С другой стороны, приверженцы любой религии не должны провозглашать только ее одну исключительно истинной и благой. Их долг состоит скорее в том, чтобы, используя наилучшим образом достоинства своей веры, устранять ее недостатки и исправлять ее ошибки.

Для еврейского модерниста иудаизм наделен достоинствами самого высшего порядка: ему присущи ясность и разумность учения, возвышенный и в то же время практичный характер этики, стремление к социальной справедливости, равновесие души и тела, богатство и поэтичность ритуала, преданность свободе совести, почтение к разумной жизни и многое другое.

Но любая религия может обладать какими-то из этих качеств или обнаруживать то, чего не хватает иудаизму.

Брахманизм пошел значительно дальше в исследовании мистического пути и в разработке методов духовной дисциплины.

Квакеры гораздо подробнее разработали этику миролюбия.

Католицизм – более сложный и драматический ритуал.

В итоге можно сказать, что еврейский модернист предпочитает не противопоставлять одну религию другой. Он считает, что каждая из них владеет своей долей истины и обладает ценностью, что все они имеют право на существование и что в конце концов Бог, человек и истина только выигрывают от их многообразия.

Сам же он предпочитает иудаизм. Эта религия близка ему, он привязан к ней, как привязан к родителям и родной стране.

Иудаизм – это религия народа, частью которого он является.

Иудаизм обладает особыми достоинствами.

Иудаизм уникален и потому незаменим. Мир обеднел бы без него.

Поэтому еврейский модернист предпочитает жить и, когда придет час, умереть, исповедуя иудаизм. Этого для него более чем достаточно.

6. Иудаизм о Иисусе

Суждение евреев о христианстве обусловлено двумя факторами: одним – переменным, другим – постоянным.

Переменный фактор – это поступки христиан в отношении всех людей и вещей, и не в последней степени – в отношении евреев и иудаизма. Конечно, верно, что никакая идея не несет ответственности за поведение ее последователей. Нет сомнения, что некоторые люди обладают достаточной силой духа, чтобы строго следовать этому правилу. Большинство же сделано из менее героического материала и потому оценивает теорию, по крайней мере до известной степени, по ее практическим результатам.

В тех случаях, когда христианин в своем поведении сообразуется с добродетелями, которые проповедует христианство, евреи, в свою очередь, не могут не получить благоприятного впечатления от веры, сформировавшей его характер. Но когда, – что, к сожалению, происходит слишком часто, – христианин не только прощает преследование евреев, но и принимает в нем активное участие, когда священнослужители и сами церкви в действительности оказываются свирепыми подстрекателями антисемитизма, – уважение евреев к христианству неизбежно падает, уступая место враждебности.

Постоянным фактором, обуславливающим оценку христианства в иудаизме, является сама природа христианства, в которой для нас сейчас важны только

два элемента: личность Христа и религия, созданная на основе провозглашенных им принципов.

Что же думают евреи об Иисусе?

Сам вопрос ставит множество проблем, логически предшествующих ему.

О чьем Иисусе мы говорим? О сверхъестественном Христе Византийской и Римской церкви, который настолько бог, что едва ли вообще может быть человеком; или это живой Иисус Назорей квакеров и унитариев, который настолько человек, что является богом лишь немногим более любого другого смертного?

На этот вопрос нет ответа, поскольку нет единого Иисуса, а число их соответствует числу церквей в христианском мире. Но попытаемся выйти из тупика, сформулировав наш вопрос иначе. Давайте спросим: "Что думают евреи об Иисусе Евангелий?"

Но и этот вопрос не столь прост, как кажется. Четыре Евангелия отнюдь не единодушны в изображении Назорея. Даже если не принимать во внимание их расхождения (а они подчас очень серьезны), остаются другие трудности. Являются ли чудеса, приписываемые Иисусу в Новом Завете, чем-то несущественным, или они — неотъемлемая часть его миссии; верно ли, что он воскрешал мертвых, ходил по воде, изгнал бесов, которые вселились в свиней, бросившихся сразу вслед за этим в морскую пучину; что он был рожден девственницей, что после трех дней смерти он воскрес и вознесся на небо? Как отнести к выводу библейской критики, согласно которому Евангелия носят в значительной степени пропагандистский характер, и при этом каждое из Евангелий стремится во что бы то ни стало утвердить свой тезис? Но если подвергнуть сомнению достоверность одних книг Нового Завета и упрекнуть в тенденциозности другие, то что же в них следует принять за истину?

Однако давайте подавим в себе подобные по-

дозрения. Давайте воспримем евангелическое повествование как оно есть, отсеком эпизоды, повествующие о чудотворстве, и затем спросим, что может сказать иудаизм об Иисусе — таком, каким его воспринимают многие либеральные христиане.

Такой Иисус оказывается необыкновенно прекрасным и благородным духом, пылающим любовью и жалостью к людям, особенно к несчастным и потерянным. Он набожен и в то же время наделен блестящим даром иносказания и притчи, способностью глубоко проникать в человеческую природу. Но кроме всего этого — он ревностный еврей, твердо следующий вере своего народа; словом, Иисус выступает в Евангелиях как учитель, преданный религиозным и этическим принципам иудаизма.

Но, может быть, он нечто большее, чем просто учитель? Нельзя ли назвать его еще и пророком, одним из тех, кто провозгласил новые, неизвестные доныне принципы поведения и морали?

Нельзя, если подойти к вопросу объективно. Если не считать отдельных незначительных деталей, на которых мы остановимся особо, он не выдвинул ни одной этической доктрины, которая не содержалась бы уже ранее в еврейской Традиции. То, чему он учил, и было еврейской Традицией, воспринятой им из Библии и от законоучителей. Каждый принцип, который он проповедовал, многие изречения, притчи, которые он импровизировал, уже содержались в Библии или в раввинистической литературе. Даже каждая фраза Нагорной Проповеди имеет параллели в еврейской религиозной литературе его времени.

И совершенно неверно, будто Иисус привнес идеи любви и сострадания в иудаизм, который до него знал только суровую справедливость. Всякий, кто внимательно читал Ветхий Завет, не может не заметить, что за столетия до рождения Назорея сострадание и любовь были известны в Израиле и воспринима-

лись как подлинные и высшие добродетели. Каждый изучающий раввинистическую литературу обнаружит, что идеал человечности, проповедовавшийся Иисусом, не принадлежал ему одному, но вдохновлял в те времена все добрые души в его народе.

Это не означает отрицания оригинальности Иисуса. Он обладал непревзойденным даром аллегории, гениальной способностью острого слова, искусством делать ясным едва заметное и смутно различимое. Он обладал огромными способностями к обобщению, умел приводить в органическое единство разобщенные элементы истины. И во всем всегда чувствуется его личность, которую по праву считают прекрасной. Все это и есть оригинальность, но, за исключением оригинальности самого человека, это оригинальность вторичного, производного порядка. Она состоит не в "творении из ничего", а переделке и шлифовке того, что уже было признано прежде. Но пророк – это новатор, провозглашающий доселе неведомую истину. Согласно такому пониманию, кем бы ни был Иисус, пророком он не был. Что и было признано Юлиусом Вельхаузеном*, который сказал: "Иисус не был христианином; он был евреем. Он не проповедовал новой веры".

Только в некотором отношении Иисус отступал от Традиции, но именно тут, как считают евреи, он серьезно ошибался.

По-видимому, он считал себя Мессией, приход которого, как предсказывали пророки, должен означать наступление Царства Божьего на земле. Однако состояние мира с момента пришествия Иисуса никогда не казалось евреям оправдывающим такое притязание.

Иудаизм не может принять и того, что Иисус отворачивается от мира, равнодушен к повседневным делам и общественным обязанностям, всецело поглощен загробной жизнью и мессианской эрой. Это настроение Иисуса легко объяснить. Подобно многим

евреям своего времени, он, вероятно, был убежден в близости конца старого порядка природы и общества и наступления нового, идеального века. Более того, он ожидал, что эта космическая революция произойдет еще при жизни его последователей: "Не прейдет род сей, как все сие будет"; "...есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем", – говорил Иисус.

Учитывая это убеждение Иисуса, то, что он был человек "не от мира сего", можно понять и многие другие его изречения.

Безусловно, он был равнодушен к тирании Римской империи и готов был "предоставить кесарю кесарево" (замените слово "кесарь" словом "Муссолини", и вы поймете весь смысл этого высказывания). Прежде всего, царство Иисуса было не от мира сего. А посему – пусть римские завоеватели творят на земле, что им вздумается. Да и какой смысл восставать против Рима, когда через какие-нибудь несколько лет прежний порядок вещей, включая и Римскую империю, будет сметен с лица земли всемогущей рукой Божьей? Поэтому от людей требовалось не мужество, чтобы бороться со злом, а терпение, чтобы выносить его, пока оно не исчезнет.

В свете всего сказанного можно увидеть логику и в оценке Иисусом брака, когда он превозносит тех, "кто сам себя оскопил ради царства небесного", в его суждении о семейной жизни, когда он говорит: "И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную"; в его совете последователям: "Не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться". Все эти советы естественны для человека, повернувшегося спиной к миру и верящего, что конец света близок. Но едва ли их можно считать наставлениями, пригодными для тех,

кто не отвергает земной жизни, или для тех, кто думает, что общество просуществует дольше срока жизни одного поколения.

Но, может быть, евреи воспринимают Иисуса если не как пророка, то, по крайней мере, как совершенного человека, как идеал, достойный всеобщего подражания?

Нет, и это не так. Неприкрашенная правда состоит в том, что Иисус, хоть и является героем духа, отнюдь не совершенен. Непорочный Иисус, каким представляют его христиане, на самом деле является идеализацией, возникшей в результате неосознанного, но тенденциозного отбора эпизодов Нового Завета.

Так, Иисус не выказывает никакого интереса к жизни разума и красоты, еще меньше – к философии, науке и искусству греко-римского мира его эпохи. Может быть, его взгляды и возвышенны, но они узки.

Далее, он так занят личностью и ее спасением, что ему нечего сказать об обществе в целом. Не многие из общественных конфликтов его эпохи обращают на себя его внимание. Он не предлагает никаких мер уничтожения рабства, ничего не говорит о правах свободного труженика и о том, как их гарантировать, о всепоглощающей государственности Римской империи и о том, как ей противостоять. Его социальная проповедь очень слаба, настолько слаба, что христианский мир был вынужден вернуться к пророкам Ветхого Завета, чтобы заимствовать у них политические и экономические идеалы.

Не был совершенным и его характер.

Он был подвержен внезапным вспышкам гнева; так, он проклял города Капернаум, Хоразин и Вифсайду, он проклял смоковницу за то, что она не дала плодов утолить его голод, хотя дело происходило не в сезон плодоношения; он был весьма несдержан в своих высказываниях по адресу книжников и фарисеев, хотя большинство из них были совершенно честными и бескорыстными людьми.

Наконец, в его высказываниях присутствует определенный шовинизм. Когда женщина-ханаанеянка молит его исцелить ее дочь, он отвечает ей: "Нельзя отнимать хлеб у детей и бросать его псам". Он не двусмысленно заявляет: "Я послан ни для кого другого, а только для заблудших овец из Дома Израиля". Для него "нееврей" и "мытарь" – одинаково бранные слова. И он ясно наставляет апостолов не проповедовать его учение неевреям.

Эти недостатки понятны и простительны как естественные человеческие слабости. Безусловно, они более чем компенсируются добродетелями. Дело, однако, в том, что они несовместимы с провозглашением Иисуса совершенной личностью, образцом добродетели, который надлежит слепо почитать и подражать ему безоговорочно.

— Ладно, — говорит христианин, — допустим, что Иисус не Бог, не сын Божий, не Мессия, не пророк, даже не безупречный человек. Все-таки он был, несмотря на недостатки, великим человеком, одаренным и вдохновенным учителем. Считают ли его таковым евреи?

На это евреи отвечают: "Случалось ли, чтобы евреи когда-либо возражали против такого толкования Иисуса, если не считать моментов крайнего раздражения?"

7. Иудаизм о христианстве

Ответственность за то, что христианство стало новой, самостоятельной религией, лежит в основном на Павле.

Как мы видели, почти все идеи и идеалы Иисуса находятся в полном соответствии с иудаизмом. И как могло быть иначе – ведь это собственные идеи и идеалы иудаизма. Разногласия возникают по поводу вопроса о том, был ли Иисус Мессией, по поводу различных моральных акцентов – вообще, по поводу

вопросов, которые, хотя и кажутся важными, на самом деле незначительны в сравнении с тем общим, что связывает Иисуса с иудаизмом. И за исключением тех случаев, когда евреи бывали озлоблены жестокостями и оскорблением, наносимыми во имя Иисуса, они вполне признавали, что их объединяет с Иисусом огромная общность принципов и целей. Именно в этом духе и с объективностью, совершенно не свойственной христианскому миру его времени, Моше Маймонид отдал должное Иисусу, назвав его "одним из тех, кто проложил путь Царю Мессии".

Однако с Павлом дело обстоит совсем иначе. Хотя он был, по его собственному признанию, "плотью от рода Израиля, семенем Авраамовым, из колена Вениаминова, иудеем из иудеев", в то же время он в значительной степени — продукт греко-римского мира. Дух эллинизма был настолько силен в нем, что в конечном счете привел его к взглядам, категорически несовместимым с иудаизмом. Действительно, как явствует из "Деяний святых апостолов", нововведения Павла вызывали сильное сопротивление тех самых апостолов, которые были особенно близки к Иисусу, — Петра и Иоанна, "брата Божьего". Тем не менее, ему удалось привить свои идеи христианскому братству. Именно против этих павловых элементов христианства иудаизм всегда возражал. Эти элементы —

- Утверждение, что плоть — зло и ее надо подавлять.
- Понятие первородного греха и проклятия всех людей еще до их рождения.
- Идея, согласно которой Иисус — не человек, а Бог, ставший плотью.
- Убеждение, что люди могут быть спасены искушательной жертвой другого, что, в сущности, это единственный путь к спасению; что Бог принес в жертву Иисуса, своего сына, чтобы, веря в Иисуса, люди могли быть спасены.

– Аннулирование авторитета Писания и Традиции и отмена заветов Торы.

– Вера, что Иисус, воскреснув из мертвых, обретается на небесах, пока не придет его час вернуться на землю, чтобы судить человечество и установить Царство Божье на земле.

+ Доктрина, гласящая, что истинно верующие во все это автоматически получают спасение, а тот, кто отрицает эти доктрины, как бы добродетелен он ни был, обречен на вечную погибель.

Все эти утверждения и вытекающие из них следствия иудаизм отвергает. Но поскольку они являются сутью исторического христианства, отрицание их влечет за собой отрицание и структуры христианства в целом.

В расколе между христианством и иудаизмом в значительной степени повинен Павел. Однажды отделившись друг от друга, обе религии продолжали с тех пор все больше расходиться и развиваться в различных направлениях: христианская теология все более и более детализировалась, провозгласила доктрину триединства, чудо мессы, кульп святых, власть Марии-заступницы и непогрешимость папы в доктринальных вопросах.

Однако христианство бесконечно больше тех принципов и черт, против которых возражает иудаизм. Более того, оно имеет право на то, чтобы о нем судили по его достоинствам, а не по недостаткам. И если в этой книге мы останавливаемся на последних, это не означает, что мы слепы к первым. Ни один мыслящий еврей не может не восхищаться глубиной и яркостью идей великих метафизиков христианского мира, возвышенностью духа его моралистов и святых, гением его зодчих, художников, поэтов, музыкантов, создателей литургии, героизмом его социальных реформаторов и просто добротой огромного числа его представителей. Но сейчас мы пытаем-

ся объяснить причину раскола между христианством и иудаизмом. Он ни в коем случае не является результатом достоинств христианского наследия, он является результатом привнесения в христианство тех элементов, которые еврейская Традиция не может ни принять, ни одобрить.

Можно ли устраниć этот раскол? Смогут ли когда-нибудь эти две религии, мать и дочь, примириться друг с другом?

— Конечно, — говорит еврей-традиционалист, — если христиане откажутся от поправок и дополнений к иудаизму, сделанных их церковью.

— Да, — говорит христианин-фундаменталист, — если евреи признают Христа своим спасителем.

Зато модернисты обоих вероисповеданий не видят никаких оснований для слияния этих двух религий. Пусть каждая сохраняет свою чистоту и силу своего собственного характера. Следует не заполнять пропасть между ними, но перекинуть через нее мост искренности и взаимопонимания.

8. Частное и общее

Иудаизм отрицает неизбежность конфликта между частным и общим, между личностью и обществом, определенной религией и духовностью, верностью Израилю и преданностью остальному человечеству.

Иудаизм никогда не спрашивает, должен ли человек жить для себя или для своих собратьев. Он полагает, что человек должен жить для всех, что, реализуя свои собственные возможности, он лучше служит другим. Только — и это решающее условие — никогда не следует поступаться большим ради меньшего. Всегда самосовершенствование должно быть сознательно и добровольно направлено на служение обществу и стоящему над ним Богу. Таким образом чрезмерный индивидуализм устраняют не

отказом от самого себя — это бессмысленный или разрушительный путь, — а тем, что его заставляют служить более широким интересам.

По этой же причине нет никакого противоречия между привязанностью к родному народу, стране или вере и преданностью всему человечеству. Иудаизм считает само собой разумеющимся, что человек страстно любит принадлежащее ему и, тем не менее, надеется, что он сумеет избежать ловушек исключительности и нетерпимости с помощью простого средства — подчинения узких привязанностей более широким, до служения самым высоким целям: всемирному содружеству и воле Божьей.

Следует ли считать иудаизм универсальной религией или частной, предназначеннной для всего человечества или для особой группы людей? Совершенно очевидно, что ответ будет — и тем и другим. Иудаизм — особая вера особого народа, но и народ, и вера посвящены самым широким и многосторонним идеалам.

В этом отношении иудаизм занимает редкую, а может быть и уникальную позицию. Люди и общество легко впадают в заблуждение и склонны ошибочно отделять друг от друга свои личные привязанности и верность общественным идеалам, противопоставлять индивидуум и группу, страну или народ — и человечество, церковь и дух. Создав ложные антитезы, они продолжают требовать от людей отречения от их естественных привязанностей или, наоборот, предательства общего ради частного.

Иудаизм мудро и реалистично сообразуется с тем, что люди имеют различные узы и связи. Он не требует, чтобы они перестали быть особыми личностями или членами определенных групп ради какого-то гипотетического и утопического уравнивания. Но зато он настаивает, чтобы они наилучшим образом использовали свои особенности, становясь людьми,

гражданами, членами общины, посвящая лучшее в себе Богу и миру.

Частное и всеобщее больше не являются соперниками. Частное, пожалуй, придает вес, конкретность и энергию общему; общее возвышает частное и уберегает его от узости и ограниченности.

VII. Ритуал и обычаи

1. Молитва – мост

Молитва – мост между человеком и Богом.

Умом мы понимаем, что Бог есть, и постигаем нечто из Его сущности.

Интуиция помогает нам ощутить Его.

Откровение есть свидетельство о Нем – более или менее решающее, в зависимости от нашего доверия к нему.

Мы прокладываем путь праведной жизни в Его свете.

В ритуале мы славим Бога.

И только в молитве устанавливается прямое и непосредственное общение с Богом.

Поэтому молитва состоит из двух элементов: душа должна обратиться к Богу и говорить с Ним – словами или молча.

Поскольку человек обращается к Богу с различными целями и в разных состояниях духа, то и молитвы столь же разнообразны по своему характеру и цели. Некоторые молитвы, однако, читаются чаще других, так как они выражают самые простые и общие для всех чувства.

Наиболее распространены следующие молитвы –

– Молитва размышления, когда человек предается раздумьям о Боге и воле Его.

– Молитва поклонения, в которой подчеркивается величие и тайна Бога.

– Молитва благодарения, когда, познав блажость Бога, человек облекает в слова молитвы свою

благодарность Богу и готовность служить Ему вечно.

— **Молитва утверждения**, которая выражает веру и стремления молящегося.

— **Молитва смирения**, когда, исчерпав свои силы и возможности, человек перекладывает непосильное бремя на Господа.

— **Молитва покаяния**, когда человек, движимый совестью, признается в своей вине и просит очищения от нее.

— **Молитва протеста**, когда человек негодует против несправедливостей мира и просит их устранения.

— **Молитва поиска**, в которой потерянный и смузенный человек стремится отыскать свет и путь, порой даже самого Бога, к которому он обращает свои мольбы.

— **Молитва-прощение**, в которой человек молит Бога исполнить желания его сердца, направленные на физические или духовные предметы, на его собственное благо или благо ближнего.

Примеры таких молитв можно найти почти везде: и в жизни, и в книгах; но особой красотой и глубиной проникновения отличаются молитвы в самой Библии (особенно книга Псалмов — в раввинистической литературе и, конечно же, в канонических еврейских молитвенниках). Если читатель обратится к этим текстам, он найдет в них захватывающие примеры изъявлений человеческой души.

2. Богослужение

Человек не просто сам по себе, он еще и член своей общины. Поэтому недостаточно, чтобы он обращался к Богу в уединении; он должен общаться с Богом и как общественное лицо.

Молитва человека как общественного существа есть богослужение. Богослужение не должно быть

непременно публичным, хотя обычно оно носит именно такой характер; в равной мере оно не должно следовать какой-либо заранее подготовленной программе в отношении текста и ритуала, хотя почти всегда это бывает именно так. Всякая молитва или обряд и есть богослужение, если они выражают чувства общины или отдельного человека, выступающего от имени общины.

Традиция требует от еврея установления личного контакта с Богом, требует обращаться к Богу всякий раз, когда это подсказывает дух.

“Пусть будет так, чтобы человек мог молиться день-деньской”, – говорил с надеждой один из раввинов древности.

Но еврей еще и сын Израиля, частица еврейского народа. Поэтому иудаизм установил даты и сроки, когда еврей должен приходить к Богу в этом своем качестве. Иудаизм сформулировал принципы и идеалы, которые еврею надлежит утверждать в моменты такого общения с Богом, и даже личные чаяния и надежды, которые он должен питать, будучи евреем. Иудаизм пошел еще дальше: он разработал сами слова и ритуальные жесты, в которых все это должно выражаться. Именно так и составлены канонические еврейские молитвенники для будней, суббот и праздников и святых дней: они провозглашают основные стремления, обязательные для каждого еврея, чуждого Традицию, и для всего еврейства в целом.

3. Предпосылки молитвы

Как ни высоко Традиция ценит молитву – вернее, именно потому, что она ценит молитву столь высоко, – она требует благоразумного отношения к ней.

Чтобы быть действенной, молитва должна быть искренней. Вялое, безжизненное бормотание заученных слов – это не молитва, а пародия на нее.

Чтобы быть действенной, молитва должна основываться на правильных понятиях о Боге и реальности. Это не значит, что молиться эффективно могут только метафизики и теологи. Самый простой человек, обладающий самыми наивными представлениями о вещах, имеет такое же право быть услышанным, а подчас, благодаря своей простоте и чистосердечию, — услышанным даже скорее. Но за всеми ошибочными представлениями должно скрываться здравое понятие — религиозное или нравственное.

Чтобы быть действенной, молитва должна ставить волю Божью выше человеческой, и если они вступают в конфликт, нужно уметь подчинить свои желания Его воле. Молитва всегда должна начинаться с поступлата (подразумеваемого или сказанного): "Да будет воля Твоя". И кончать ее нужно всегда мыслью, выраженной в словах, или молчаливой: "И да свершится по воле Твоей".

Чтобы быть действенной, молитва должна быть этичной; не просить того, что противоречит принципу нравственности; не ставить устремлений одного человека выше столь же законных чаяний его близких или выше надежд всех людей в целом.

Молитва должна исходить только от человека с чистыми руками или от того, кто искренне хочет очиститься. Человек не должен приближаться к Богу, когда в доме его хранится добыча, награбленная у бедных, или искать прощения за грехи с намерением начать грешить снова, когда молитвы будут прочтены.

Молитва должна стремиться к самому высокому и благородному из того, на что способен человек, а не к чему-то меньшему.

И, наконец, чтобы быть действенной, молитва не должна просить о невозможном. В Талмуде приводятся два убедительных примера того, что считается злоупотреблением молитвой:

Мужчина, жена которого на сносях, не должен

молить: "Да будет на то воля Твоя, чтобы ребенок, которого носит моя жена, родился мальчиком (или девочкой)". Такая молитва, говорят раввины, лишена смысла, так как даже нерожденный младенец уже является либо мальчиком, либо девочкой.

С другой стороны, продолжают раввины, человек, услыхавший о пожаре, случившемся в его городе в одном из домов, не должен молиться: "Да будет на то воля Твоя, чтобы пожар был не в моем доме". И на то есть две причины: во-первых, такая молитва по существу просит о том, чтобы несчастье обрушилось на другого, что аморально, и во-вторых, пожар уже был там, где он был.

Итак, человек не должен молиться о том, чтобы факты перестали быть фактами.

4. Действенность молитвы

Чтобы быть действенной...

Но в чем же, согласно Традиции, заключается **действенность молитвы?**

Помогает ли молитва?

Что Бог отвечает на молитву – это основное убеждение иудаизма. Последователи еврейской религии расходятся во мнениях только по вопросу о том, в какой степени Бог отвечает на молитву; некоторые в этом вопросе являются максималистами или оптимистами, другие, если и не являются пессимистами, проявляют, по крайней мере, осторожность.

Все последователи иудаизма приемлют условия и признают пределы молитвы, которые мы назвали выше. Даже самые оптимистически настроенные понимают, что молитва не заменяет усилий человека. Нельзя воззвать к Богу, сложить руки и ждать, когда осуществится желание, о котором ты просил Его, – во всяком случае, нельзя тому, кто считает себя верным последователем иудаизма. Человек

молится, но и трудится при этом. Больной обращается к Богу, но одновременно — и к своему врачу. В противном случае, гласит Традиция, он был бы грешен перед своей собственной душой и перед Богом, который наделил врача его искусством, а лекарствам придал их свойства.

При должном отношении к молитве она, с точки зрения иудаизма, достигает следующего:

Прежде всего — и на этом сходятся все религиозные евреи — молитва освобождает от гнетущих чувств, проясняет смутные мысли, закаляет волю и, в целом, обладает огромной психологической ценностью.

Кроме того, молитва — и здесь тоже существует всеобщее согласие — раскрывает такие глубины человеческой личности, которые без нее остались бы невыявленными, как бы освобождает все ресурсы человеческого духа.

О том, почему молитва обладает такой своеобразной силой, высказываются различные мнения. Одни, более осторожные, считают это естественным и видят в действенности молитвы вполне нормальную реакцию человеческой души на столь неотразимую идею, как идея Бога. Другие гораздо смелее в своих суждениях: они полагают, что, молясь, человек целиком погружается в божественное; это опыт, совершенно выходящий за пределы законов природы и необъяснимый их действием.

Далее, все религиозные евреи согласны, что молитва оказывает воздействие и на вещи, находящиеся вне человека. Но опять-таки существуют разногласия по вопросу о том, каким образом она воздействует на них. Одни утверждают, что молитва влияет на физический мир только посредством человеческих органов чувств. Другие же настаивают, что молитва соприкасается с действительностью совершенно независимо от человека.

Находят ли такие максималисты, которые

считают, что предела действенности молитвы нет, что с ее помощью можно добиться чего угодно? Здесь мнения тоже расходятся. Одни считают, что молитва должна действовать в границах законов природы, как их формулирует наука, и поэтому нельзя ожидать действия молитвы за пределами этих законов.

Другие, которых можно было бы назвать сверхмаксималистами, утверждают, что природа — это всего лишь орудие в руке Божьей, и поэтому нет ничего невозможного, возможно даже чудо. Ибо, как спрашивается в Библии: "Может ли быть что-нибудь слишком чудесное для Бога?"

Теперь должно быть уже ясно, что религиозные евреи придерживаются самых разнообразных взглядов на значение молитвы.

Остается только добавить, что традиционалисты, как правило, — максималисты в вопросе действенности молитвы, а большая часть модернистов придерживается более осторожных взглядов.

5. Распорядок дня

Мы расскажем здесь об обычном дне еврея, дне, распорядок которого вчерне намечен Традицией. Этот распорядок соблюдался всеми евреями в прошлом, а ортодоксальными евреями соблюдается и сейчас. В основном этот распорядок предписывался ритуальным законом. Однако отдельные его моменты отражают сложившуюся в народе практику, местные обычаи или личное предпочтение; в целом этот распорядок, включая и элементы, обусловленные законом, в какой-то степени допускает различную интерпретацию. Поэтому в рамках определенного единства здесь допускаются относительная свобода и довольно значительные различия.

Едва пробудившись от сна, прежде чем шелохнуться, еврей уже благодарит Бога за дарованную

ему жизнь и возвращенное сознание. "Благодарю Тебя, — молится он, — Царь живой и вечный, за то, что Ты милостиво вернул мне мою душу; велика верность Твоя".

После этого еврей может встать с постели, и каждый последующий свой шаг он сопровождает предписаными благословениями: первым долгом он моет руки и лицо; затем спускает ноги на пол; отправляет свои потребности; надевает нижнюю рубашку, отделанную кистями. Каждое свое движение еврей посвящает Богу, выполняя Его повеление, согласно которому мужчина должен быть сильным, как лев, и быстрым, как олень, чтобы исполнять волю Отца своего на Небесах¹.

После этого еврей готовится к формальному богослужению. Он снова облачается в отороченное кистями одеяние, однако теперь это уже молитвенная шаль, которую надевают только на время различных религиозных актов или изучения священных книг. Затем он надевает *тфиллин* — две маленькие коробочки (в которых содержатся определенные отрывки из Библии), прикрепленные к кожаным ремешкам, с помощью которых молящийся привязывает их к своему телу, выполняя таким образом предельно точно библейскую заповедь: "И ты навяжешь их (слова Господа) на руку твою и будут они повязаны между глазами твоими". Одну из коробочек привязывают к левой руке, ибо она ближе

¹Тот факт, что еврейская религия возлагает большую часть обязанностей на мужчину, а не на женщину, отчасти объясняется возникновением иудаизма на Востоке. Однако здесь в значительной степени сказалась намеренная политика раввинов. Понимая важную роль женщины как устроительницы дома, они сознательно освободили ее от "всех положительных предписаний (но не от запретов), для которых время является определяющим фактором". Другими словами, женщина свободна от всех расписанных по часам обязательств, которые могли бы мешать ей выполнять роль матери и жены.

к сердцу; это символическое подчинение руки и сердца воле Божьей. Вторую коробочку прикрепляют ко лбу над глазами в знак посвящения Богу также и мыслей. Наконец, кожаный ремешок наматывают на левую руку, завязывая особым узлом, символизирующим имя Божье. Каждое движение сопровождается при этом соответствующей хвалой Господу. Кроме этого, с последним движением, наматывая ремешки на пальцы, еврей обращается к Богу с торжественным заверением, что навеки обручен с Ним духовно, и произносит величественные слова, сказанные когда-то Богом в откровении пророку Осии:

И обручу тебя Мне навек;
И обручу тебя Мне в правде и суде,
В благости и милосердии.
И обручу тебя Мне в верности;
И ты познаешь Господа.

Так, связанный с Богом, преданный Его воле, еврей готов к утреннему религиозному обряду, который состоит в чтении Псалмов, молитв, из которых одни содержат личное обращение к Богу, другие провозглашают общую преданность вере и идеалам народа Израиля, а также в чтении отрывков из Библии и раввинистической литературы, которые включены в обряд в целях религиозного обучения.

Традиция предпочитает, чтобы обряд этот совершался в синагоге совместно с остальной общиной, но не запрещает отправлять его и в частном порядке. Так или иначе, совершается ли обряд в синагоге или дома, он не краток, текст его в одном из популярных изданий традиционного молитвенника занимает почти 90 страниц, и на его отправление требуется целый час.

Еврей не может принимать пищу прежде, чем обряд будет завершен и тфиллин снят. Однако отправление ритуала продолжается и во время завтрака и

при всех остальных приемах пищи. Перед началом еды моют руки и прежде, чем отломить кусок хлеба, произносят краткую бенедицию*, завершив трапезу, благодарят Бога несколько дольше. Но на этом соблюдение обрядов не кончается, оно продолжается в течение всего дня. Еще дважды, в полдень и с наступлением сумерек, еврей совершает формальное богослужение. В промежутках он очень часто взывает к имени Божьему, поскольку Традиция предписывает еврею благословлять Бога почти по любому случаю в его жизни. Всякий раз, когда он прикасается к пище в промежутках между трапезами, надевает новое платье, вкушает первый плод от нового урожая, видит вспышку молнии, слышит гром, видит океан, радугу, почки, распускающиеся на деревьях весной, встречает человека, обладающего большим знанием Торы или светских наук, слышит добрую весть или получает дурную — он произносит соответствующее слово благословения. Кроме того, предполагается, что еврей ежедневно посвящает какое-то время изучению Традиции — самостоятельному или в доме ученья.

Вечером, отправляясь ко сну, еврей снова молится, благодаря Бога, посылающего ему сон; снова утверждает свою веру и вручает себя Божьему попечению; так, день кончается тем, с чего он начался, — с мысли о Боге.

Наверное, можно спросить с удивлением: а какое же время остается для работы и развлечений? Разумеется, его остается меньше, чем у того кто выполняет не все религиозные обряды или не выполняет никаких. И, тем не менее, больше, чем можно было бы предположить. Основная часть ритуальных благословений, описанных здесь, произносится одновременно с исполнением тех действий, которым они посвящены, и не требует никакого специального времени. Другие требуют каких-то мгновений. Вообще же, что касается досуга, то Традиция не слишком тревожится

о нем. Ибо что является основным содержанием человеческого существования, если не Бог и праведная жизнь? Можно ли потратить время лучше, чем отдавая его Богу и праведной жизни?

6. "Это ты можешь есть..."

Традиция, регулирующая всю жизнь еврея, контролирует также и его питание. По предписанию Торы и постановлениям раввинов правоверный еврей не должен есть следующего —

- Мяса таких животных, как лошадь или свинья, чьи копыта не раздвоены и которые не жуют жвачку.
- Задней части разрешенных животных.
- Рыбы, не имеющей плавников и чешуи.
- Хищной птицы.
- Никаких пресмыкающихся и насекомых, кроме определенных видов саранчи.

Но этого мало: животные и птицы, мясо которых разрешается употреблять в пищу, должны быть забиты определенным способом квалифицированным резником, имеющим на это специальное право. Они не должны иметь никаких следов болезней, особенно в легких. Мясо их должно быть обескровлено, что достигается, во-первых, особым способом убоя, а во-вторых, вымачиванием и засолом мяса перед приготовлением.

Мясо и мясные продукты нельзя готовить, подавать на стол и есть вместе с молоком и молочными продуктами; нельзя кухонную и столовую посуду, предназначенную для мясной пищи, смешивать с той, которая предназначена для молока и молочных продуктов. Между употреблением мясной и молочной пищи должно пройти определенное время.

Все, что пригодно в пищу согласно установленным ритуалом стандартам, называется *кошер* (буквально означает "подобающий", "пригодный"). Все

запрещенное принято называть *трефа*; это слово первоначально означало "растерзанный", то есть убитый хищным зверем или птицей, и потому непригодный в пищу; позднее оно стало обозначать все, что запрещается употреблять в пищу.

Ниже мы поговорим о теории, лежащей в основе еврейского ритуала в целом. Однако еврейские законы о пище занимают столь значительное место в представлении окружающих, настолько необычны — причудливы, как сказали бы некоторые, — что требуют, по-видимому, специального разъяснения.

Для еврейского традиционалиста эти правила питания являются лишь малой частью значительно более широкого круга правил, которые покоятся на единой классической посылке: в иудаизме все вдохновлено Богом. После того, как за основу принят этот постулат, уже не возникает никаких трудностей и в объяснении правил питания, простым оправданием которых является сам факт, что они предписаны Богом. Никакого иного объяснения не требуется, поэтому часть традиционалистов отказывается его предлагать.

Однако большинство традиционалистов, не менее твердо придерживающихся учения об Откровении, готовы размышлять над всякого рода "почему" и "отчего". По поводу законов о пище они говорят следующее:

1. Правила эти в немалой степени преследуют гигиенические цели. Свидетельством тому служит требование, чтобы забиваемое животное было здоровым, и, прежде всего, строгое указание тщательно проверять его легкие с целью выявления симптомов туберкулеза. Предполагается, что те же причины кроются и за запретом есть свинину и мясо животных, имеющих раковину или панцирь; первую — из-за того, что это мясо нечистоплотного животного, являющегося к тому же носителем трихиниллеза*, а второе — потому, что оно очень

быстро разлагается¹, что сопряжено с большой опасностью.

2. Далее, законы о пище носят гуманный характер. Отсюда и необычайное требование к лицу, получающему разрешение исполнять функцию резника: он должен быть благочестивым и образованным человеком; предполагается, что такой человек будет более милосерден в своей жестокой профессии и менее подвержен ее деморализующему влиянию. Отсюда также и тщательные предписания Традиции относительно процесса убоя скота, включающие такую подробность, как то, что нож, который применяется для убоя, должен быть острым, как бритва, и не иметь зазубрин, чтобы разрез был как можно менее болезненным.

3. Эти правила несут на себе следы борьбы иудаизма с идолопоклонством в древние времена. Некоторые обычаи, связанные с пищей, ассоциировались некогда с языческими культурами, что и явилось причиной их запрета; этот запрет оказался, как часто бывает с социальными явлениями, долговечнее обстоятельств, вызвавших его к жизни.

4. Правила эти являются своеобразной дисциплиной духа и цепны уже по одному этому. Следуя им, еврей получает первый урок нравственной жизни: научается говорить себе: НЕТ. Благодаря этому он обретает моральную и физическую закалку для по-

¹ Исторический иудаизм всегда уделял очень большое внимание чистоплотности. Мы уже отмечали предписание мыть руки прежде, чем отломишь кусок хлеба. Гигиенический смысл законов о пище может служить еще одним свидетельством этому. Кроме того, Традиция предписывает обязательное устройство каждой общиной домов ритуального омовения и специально оговаривает время и подводы их посещения. Такая озабоченность иудаизма вопросами гигиены кажется особенно знаменательной при сопоставлении с отношением к ней в средние века, когда с грязью не только склонны были мириться, но подчас даже смотрели на нее как на спутника святости.

следующего более серьезного и трудного самоотречения.

5. Эти правила обладают большой ценностью с точки зрения сохранения еврейства как группы; они служат как бы напоминанием, что евреи представляют собой особую группу людей, предохраняют их от поглощения окружающим нееврейским миром. Иудаизм, как и все религии меньшинств, подвержен опасности быть преданным забвению. И только на основе практики, обеспечивающей групповое самосохранение, можно стремиться к более высоким целям.

Эти доводы, с точки зрения традиционалиста, могут служить дополнительным оправданием системы поведения, и без того уже оправданной сверх всякой меры волей Божьей, доведенной до его сведения путем Откровения.

Отношение модернистов к законам о пище колеблется от абсолютного неприятия их и несоблюдения до полного согласия и строгого следования установленным правилам.

Некоторые считают, что режим питания уже не является определенной частью европейской религии. Отрицая буквальное понимание богодохновенности, модернисты не разделяют и главного довода традиционалистов относительно божественного происхождения правил поведения. Они склонны приписывать возникновение европейских законов о пище не всеведению Бога, а народным обычаям древности. Им не кажутся убедительными аргументы о гигиене, гуманности и т. п. Они готовы согласиться, что эта система была, может быть, полезна в прошлом; однако они считают, что в изменившихся условиях ее ценность сведена на нет.

Многие модернисты, возможно, даже большинство, менее радикальны в своих суждениях. Безусловно, и они не основывают свою защиту законов о пище на теории Божественного откровения. Одна-

ко они усматривают в этих законах другие достоинства — все те, о которых было сказано выше, плюс еще один. Режим питания является для них частью древних правил поведения Дома Израиля. Как верные дети этого Дома, модернисты считают себя обязанными подчиняться установленным в нем правилам, даже если эти правила кажутся им произвольными, подобно тому, как джентльмен считается с традициями дома, в котором он является гостем, или как все мы считаемся с условностями этикета.

Таким образом, к законам о пище модернисты относятся по-разному: одни вовсе отказываются соблюдать эти законы, другие исполняют их частично. И здесь можно наблюдать всевозможные парадоксы. Иногда весьма набожные евреи — набожные в том смысле, что им присуще постоянное и очень острое ощущение Бога, — могут со спокойной совестью есть свинину, тогда как другие, неприемлющие никакой теологии, воздерживаются от запрещенной пищи просто из уважения к историческим обычаям своего народа или в знак своего единства с ним.

7. Священный круг

Традиция предписывает евреям отмечать следующие праздники и святые дни —

— *Шаббат* (субботу) — в память о днях творения и об исходе из Египта. Суббота — день отдыха для человека и животного, для раба, равно как и для свободного; в этот день всякий труд, усилия и заботы должны быть оставлены, чтобы люди могли испытать — выражаясь сочным языком раввинов древности — предвкушение близости лучшего мира. Это первый в истории институт, отвечающий человеческой потребности в регулярно повторяющемся дне отдыха и восстановления сил, институт, заслуживающий восхищения своим признанием универсального

характера этой потребности. Он является одним из величайших вкладов еврейского духа в борьбу за личное счастье и социальное благополучие человека.

Какой бы характер ни носила суббота в других религиях, в ее первоначальном, еврейском варианте нет ни малейшего намека на "унылость". Напротив, это день веселья и беззаботности. В синагогах его отмечают пением гимнов и особым богослужением; дома — надевают лучшее, праздничное платье, зажигают свечи в ознаменование начала этого дня в часы заката, читают *киддущ* — молитву благословения над бокалом вина, ставят на стол праздничную еду, поют застольные песни, отдыхают, беседуют и просто читают; конец этого дня знаменует *хавдала* — красочная церемония "разделения" между святым и будничным; радостный и святой день провожают ароматом вина, благоуханием пряностей и пламенем свечей.

Как ни прекрасна сама по себе еврейская суббота, еще большую красу придают ей богатые узоры народного творчества; ее изображают прекрасной и целомудренной невестой, спускающейся в лучах заходящего солнца к своему верному возлюбленному; трогательна легенда о двух ангелах, которые в канун субботы сопровождают главу семьи на его пути из синагоги домой; любопытна идея, что во время субботы каждому благочестивому еврею даруется еще одна душа — так сказать, избыток духовности; существует много других образов субботы: причудливых и величественных, романтических и поучительных. Народ, наделенный богатым поэтическим воображением и даром мифотворчества, окружил этот святой день лучшими плодами своей фантазии.

И все-таки суббота — нечто большее, чем просто наслаждение и лекарство для души религиозного еврея: она всегда была средством, поддерживающим и укрепляющим силы иудаизма и еврейской общины — средством, настолько сильнодействующим,

щим и могучим, что изречение философа иудаизма нового времени Ахад ха-Ама — "скорее суббота сохранила народ Израиля, чем Израиль — субботу" — следует понимать буквально.

— *Рош ха-Шана*, Новый Год, знаменующий, как гласит название этого праздника, наступление нового года, легендарной годовщины сотворения мира, — события, достаточно значительного, чтобы Традиция сочла его достойным поводом для нового утверждения верховной власти Бога и стремления к обновлению души.

— *Йом-Киппур*, День Всепрощения, торжественный строгий пост, в течение которого от сумерек до сумерек верующие евреи не едят и не пьют в знак покаяния, как бы заново пересматривают свою жизнь, пытаются загладить свои дурные поступки с помощью молитвы и исповеди в грехах и просят о духовном возрождении, возвращении к Богу и праведности.

— *Суккот*, Праздник Кущей — веселый праздник, продолжающийся девять дней; восемь из них знаменуют окончание сбора урожая и напоминают о том времени, когда древние израильтяне, выйдя из египетского рабства, жили в шалаших (*суккот*) в пустыне. Праздник Кущей символизирует постоянное пребывание человека под прикрытием крыл Божих. В последний, девятый день празднуется завершение годичного цикла чтения Торы в синагоге и начала нового. Это один из самых торжественных и радостных дней в жизни евреев. Зовут этот день Праздником Торы — *Симхат Тора*.

— *Ханукка*, праздник зажигания свечей в память победы, одержанной некогда Маккавеями в борьбе за свободу совести. Этот праздник символизирует непобедимость человеческого духа.

— *Песах* (Пасха) — праздник, знаменующий наступление весны и исход народа Израиля из Египта. Кроме того, с праздником Песах связано обетова-

ние избавления, которое ждет в будущем народ Израиля и все человечество.

— *Шавуот* (Пятидесятница) — праздник жатвы и созревания первых плодов. День Откровения на горе Синай.

— *Пурим*, День Судеб, когда народ Израиля празднует спасение от гибели, которую готовил ему злодей Хаман, и укрепляется в своей вере, что ему будет дано пережить всех хаманов других времен.

— *Тиша бэ-Ав*, девятый день месяца ав, траурный пост; оплакивание разрушения Первого и Второго Храмов в Иерусалиме.

— И другие, менее значительные посты и праздники: дни Новолуния, Семнадцатое таммуза, Десять покаянных дней, Тридцать третий день омера...

Таким образом, весь год словно раскрашен в торжественные цвета и окутан поэтическими преданиями: звуки рога (*шофара*), пробуждающие спящие души; белые покрываля на свитках Торы как символ чистоты и возрождения; пальмовые ветви и этроги, широкий восьмисвечник, в котором каждый вечер зажигается одной свечой больше; трещотки, шумом которых изгоняют имя преследователя; двери, открытые для пророка Ильи, предвестника прихода Мессии; печальный тон Книги плача пророка Иеремии, семь пророческих уроков утешения, мрачная полуночная служба, которая открывает период покаяния...

Итак, год превращается в круг священных событий, веселых и суровых, отражающих прошлое народа Израиля, извечные мечты человека и надежду евреев и всех людей вообще на лучшее будущее.

8. Жизненный цикл

Большая часть нашей жизни складывается из однобразных и повторяющихся процессов. Однако она

отмечена и такими событиями, которые происходят только однажды.

Традиция предусмотрела как первые, так и вторые, сопровождая каждый ответственный и критический момент человеческой жизни религиозным обрядом, обязательным или добровольным, богослужением, строго определенным в своих деталях или допускающим вариации.

Обряды, сопровождающие рождение —

— Обрезание младенцев мужского рода, с помощью которого Завет между Богом и Израилем как бы впечатывается в самую плоть новорожденного сына Израиля.

— Обряд наречения имени: мальчикам дают имя во время обрезания, девочкам — в синагоге, произносится соответствующую формулу во время чтения Торы.

— Выкуп первенца, символизирующий понимание родителями того факта, что их дитя доверено им Богом.

Комплекс обрядов связан с переломными моментами в жизни ребенка —

— Начало религиозного образования.

— *Бар-мицва*, церемония, знаменующая духовное совершеннолетие мальчиков, когда для них наступает время принять на себя обязательства, налагаемые Традицией.

Бат-мицва, церемония для девочек, аналогичная конфирмации*; форма богослужения, введенная модернистскими синагогами за последнее столетие.

Обряды, освящающие супружество —

— Торжественное празднование обручения.

— Вызов жениха для чтения Торы в синагоге в последнюю субботу перед свадьбой.

— Обряд бракосочетания. Некогда простой, со временем этот обряд украсился многими прекрас-

ными деталями и символами: жених и невеста стоят под балдахином как бы в своем новом жилище; оба пьют вино из одного бокала; жених надевает на палец невесте кольцо, произнося при этом древнюю формулу, гласящую, что он, мужчина, берет ее, женщину, себе в жены; официальные служители еврейского Закона произносят семь бенедикций во славу Бога и в благодарность Ему за счастье совершающегося события; но даже в этот радостный час евреи не забывают о разрушенном Доме Израиля и о бедствиях всего человечества и, выражая всегда живущую в них печаль, разбивают на свадьбе бокал из-под вина, выпитого за счастье; однако сразу же вслед за этим жестом скорби следует радостное восклицание — "мазал тов" — пожелание счастья новобрачным.

— Посвящение нового дома Богу, в ознаменование чего к косяку двери прикрепляют мезузу*, которая, как гласит Тора, должна быть для живущих в доме вечным напоминанием о воле Божьей.

Обряды освящают смерть и траур —

— Исповедь на пороге смерти и поручение себя милости Божьей; за ними следует последнее и решающее провозглашение исповедания веры.

— Разрывание одежды в знак тяжелой утраты.

— Зажигание мемориальной свечи, которая продолжает гореть, как горит душа — светоч самого Бога, как сказано в Писании.

— Обмывание тела и подготовка к погребению; простой белый саван и ничем не украшенный дешевый гроб символизируют равенство всех перед лицом смерти.

— Ритуал погребения, завершающийся первым чтением молитвы *каддиш*, славящей имя Бога и утверждающей Его волю.

— Первая неделя траура, когда горюющий сидит в одиночестве и отчуждении от своих привычных занятий, а пришедшие утешить его совершают в его доме повседневное богослужение.

- Чтение молитвы *каддиш* в продолжении одиннадцати месяцев.
- Установка надгробного памятника по истечении года.
- *Йарцайт*, ежегодное поминание умершего в день его смерти, заключающееся в зажигании свечи и чтении молитвы *каддиш*.
- *Изкор*, служба, совершаемая в Йом-Киппур, на Песах, в Шавуот и Суккот, когда живые поминают умерших близких.

Так многообразно Традиция сопутствует еврею во все ответственные моменты его жизни, озаряя каждое знаменательное событие в ней величием веры и идеалов, украшая каждый возвышенный час ее прличествующей событию церемонией, радостной или торжественной, связывая всю его жизнь с иудаизмом и тем самым придавая ей ценность, превосходящую ценность ограниченного земного бытия.

9. Почему и отчего

Для традиционалиста, как мы уже неоднократно подчеркивали, решающим аргументом в пользу соблюдения правил еврейского ритуала является Откровение. И это касается не только правил, содержащихся в Торе или выведенных из нее, но и тех, соблюдение которых считается необязательным или просто основано на обычай, ибо эти последние неразрывно связаны с обязательными правилами и, в конечном счете, производны от них.

Если принять этот постулат, не требуется больше никаких аргументов. Законоучители древности, если им приходилось искать оправдания какого-либо "странныго" ритуала, предписанного Торой, отвечали со всей простотой и убежденностью: "Так говорит Бог: 'Я дал вам закон и предписал выполнять повеления Мои, и вы не можете уклониться от этого'"

Время от времени в истории еврейской теологии отдельные пуританы действительно протестовали против всяких попыток "искать объяснение заповедям Бога". Факт Откровения, утверждали они, самодовлеющий, никакие поправки со стороны человека недопустимы. Кроме того, заявляли эти пуританы, строить обряды на теории, созданной человеком, значит подвергать их опасности. А если теория окажется неверной, убедительной для одного поколения и несостоятельной для следующего? Не случится ли так, что теория эта послужит оправданием отказа от выполнения того или иного обряда?

По законам неумолимой логики эти пуританы были, очевидно, правы. И тем не менее потребность в объяснении смысла обрядов никогда не оставляла даже самых ортодоксальных традиционалистов.

Почему? Отчасти потому, что человеческий разум ненасытно стремится к пониманию. Не удовлетворяясь утверждением, что Бог имеет свои резоны для предписаний, которые Он повелел людям выполнять, человеческий разум жаждет дознаться, что же это за резоны. Отчасти и потому, что некоторые детали ритуала настолько просты и цель их настолько очевидна, что люди не могут удержаться от очевидных выводов. С другой стороны, некоторые формы ритуала столь трудно объяснимы, что невозможно удержаться от размышлений над их смыслом.

Каковы бы ни были побудительные мотивы, как в прошлом, так и в настоящем предпринимались и предпринимаются всевозможные попытки рационализации еврейского ритуала, выходящие за рамки гипотезы Откровения. Наибольшее значение имеют следующие гипотезы:

1. Иудаизм как образ жизни.

Иудаизм — более чем церковь; его содержание шире любой теологии или этики. Фактически это весь жизненный уклад. Поэтому иудаизм пытается формировать не только верования, нравственные устои и

формы богослужения евреев, но каждое их действие, сопровождающее еду и питье, работу и отдых. Ритуал — это только орудие, служащее этой цели, он помогает еврейской религии проникать в каждый затаенный уголок, в каждую крохотную щель жизни человека, чтобы все, что делает еврей, так или иначе соприкасалось с иудаизмом.

2. Освящение жизни.

Как мы уже отмечали, ключевой целью иудаизма является освящение жизни. Каждый миг, согласно традиции, должен быть насыщен сознанием Бога и моральным рвением. Во имя этой цели каждый момент жизни человека должен сопровождаться актами, напоминающими о религиозно-этических идеалах. Согласно этой концепции, еврейский ритуал следует рассматривать как орудие одухотворения: человек как будто шепчет всегда и везде стих из книги Чисел: "И будешь ты, глядя на это, помнить все заповеди и заветы Бога".

3. Ритуал как форма дисциплины.

При рассмотрении законов о пище мы упомянули о мнении, согласно которому они выполняют дисциплинирующую функцию, служат как бы оселком, на котором воля человека обретает остроту и крепость. Такое назначение уже давно приписывается всей системе еврейского ритуала. "Основная задача предписаний, — сказал один из законоучителей древности, — очищение человеческой природы".

Ритуал рассматривается и как форма тренировки в ином, более общем смысле.

Религия, как любое другое важное дело, требует к себе внимательного отношения. Ей следует уделять определенные часы — как любому другому серьезному занятию; и в эти часы следует выполнять предписанные упражнения.

Музыкант, например, должен упражняться в соответствии с заранее составленным графиком, независимо от того, расположен ли он в этот момент к за-

нятиям или нет. Точно так же и душа, преданная Богу, не может полагаться на киприз или возлагать надежду на случай. Она должна работать. Человек, сидящий сложа руки в ожидании момента, когда вдохновение заставит его вспомнить о Боге, человек, которому для того, чтобы молиться, нужны подходящее настроение и место, вроде леса или вершины горы, не много будет предаваться созерцанию и молитве. В конце концов, так ли уж часто человек попадает в "храм природы", а когда волею редкого случая это с ним и происходит, кто может сказать, что его посетит в этот миг желание помолиться?

Поэтому истинно верующий человек – это тот, кто усиленно трудится, выполняя всю программу предписанных религией актов в отведенные для этого часы.

4. Ритуал как педагогика.

Соблюдение ритуала – это вид обучения, причем один из наиболее эффективных. Соблюдение ритуала воспитывает не по случайным поводам, а непрерывно. Оно пользуется верным методом обучения действием, а не словом. Оно оперирует не абстракциями, а ощутимым выражением их. Оно воздействует везде – дома так же, как и в синагоге, и даже на рыночной площади. Оно доступно всем: ребенку и взрослому, простаку и мудрецу. И, наконец, оно, возможно, является лучшим способом внушения религиозных идей.

5. Ритуал как участие в историческом процессе.

Тот, кто твердо держится своего вероисповедания, не может не сознавать, что он продолжает прошлое и предвосхищает будущее. Что в этом смысле его сознание – это роман, драма, связанная с людьми и событиями давнего прошлого или будущего. Отдельная личность как бы возносится над конкретными условиями времени, места и личной ситуации, обретает широту перспективы и исторического опыта.

Остров его личной судьбы как бы объединяется с общечеловеческим материком.

Если человек хочет быть причастным своей религии, ему недостаточно только думать и чувствовать заодно с ней. Он должен участвовать также в практической жизни своей религии.

Конкретнее, еврей ощущает себя наиболее тесно связанным с судьбой своего народа и его религии, когда он соблюдает субботу, празднует Пасху или благоговейно встает перед свитком Торы, то есть в те моменты, когда его голова и сердце заняты свершением действий, уже свершившихся в свое время его дедами и прадедами и предназначенных в будущем исполняться его потомками.

6. Ритуал как путь к солидарности.

Кроме того, солидарность людей крепнет, когда они действуют совместно и одинаковым образом. Никогда еврей не утверждается так в своем еврействе, как в те моменты, когда евреи всего мира исполняют одни и те же ритуальные акты, например, в Пасхальный Седер или в Йом-Киппур. Более того, еврей становится тверже в своих убеждениях от сознания, что он не одинок в своей вере и в ее выражении, что у него есть многочисленные и достойные единомышленники.

7. Ритуал как эстетический акт.

Ритуал является для поведения человека тем же, чем поэзия и музыка являются для языка. На фоне будничной практичности человеческого существования он представляет собой как бы всплеск красочности и страсти. Зажигают свечи, вдыхают благовония, трубят в рог, распевают гимны; прошлое оживает, будущее предвосхищается. Именно это, а не проза жизни, дарит человеку множество самых дорогих воспоминаний, пробуждает в нем ни с чем не сравнимые эмоции. Одним словом, ритуал является видом искусства, придающим жизни красоту.

8. Ритуал как механизм выживания.

Будучи везде религией меньшинства, иудаизм подвержен разлагающему влиянию других верований и культур. Ритуал защищает иудаизм от постоянной угрозы растворения.

Однако в этом средстве скрывается и опасность. Обряды могут стать самоцелью, ими могут дорожить безотносительно к тем ценностям, которые они призваны защищать. Возможна гипертрофия ритуала, его разрастание до такой степени, что он начинает скрывать и даже душить те жизненные процессы, которые составляют его внутреннее содержание.

Никакая религия не обладает иммунитетом от этих болезней. Иудаизм, с его высокоразвитым ритуальным аппаратом, может быть им особенно подвержен. До сих пор Традиция успешно противостояла этой угрозе. Во всяком случае, это риск, которому необходимо подвергнуться, ибо сомнительно, чтобы иудаизм мог долго выстоять без своего защитного панциря.

10. Модернистские вариации на тему ритуала

Постскриптуm традиционалиста – это все послание модерниста.

Первый начинает свое рассуждение о ритуале с Откровения и может (но не обязан) не дополнять его другими соображениями. Второй же развивает именно эти "другие соображения".

Это расхождение во взглядах неизбежно ведет к различию в поведении. Традиционалисты и модернисты весьма часто ведут себя по-разному, а если их действия и одинаковы, то диктуются они все-таки различными настроениями и намерениями. Особое значение имеют следующие четыре различия между этими группами:

Во-первых, традиционалист настаивает на непрекосновенности завещанного предками ритуала. Буду-

чи уверен, что ритуал является воплощением Божьей воли, он предпочитает не играть роли эклектика или новатора, за исключением тех случаев, где Традиция это с очевидностью позволяет.

Модернист же, напротив, старается играть обе эти роли. С его точки зрения, еврейский образ жизни является человеческим устройством, созданным не без божественного побуждения, но все же человеческим, а потому подлежащим постоянному совершенствованию.

Вот почему модернист осмеливается задавать такие вопросы, над которыми традиционалист не решается даже задумываться. Начнем, например, с такого: почему возник тот или иной ритуал? Далее, какую цель он преследовал тогда и служит ли он чему-либо достойному сейчас? Может ли он еще эффективнее служить своей цели после определенной модификации? Или он настолько утратил всякое значение и эффективность, что от него лучше вовсе отказаться?

Однако не следует думать, что модернист обращается за ответом на эти вопросы к собственному разуму и опыту. При всем своем модернизме он еще и традиционалист, исполненный благоговения перед прошлым и привязанный к нему. При прочих равных условиях он всегда склонен решать в пользу прошлого. В общем, модернист всегда старается действовать в рамках Традиции, а если и выходит за ее пределы, то старается не слишком удаляться от нее.

Во-вторых, традиционалисты едины в своем отношении к ритуалу, модернисты же относятся к нему по-разному.

Традиционалисты неукоснительно следуют историческому стандарту; модернисты отступают от него, причем степень этого отступления неодинакова у разных групп.

В-третьих, эмоциональная ткань обрядов у этих

двух групп различна, даже при исполнении одних и тех же церемоний.

Традиционалиста отличает скрупулезное, предельно серьезное, почти тревожное отношение к ритуалу, иногда даже к его мельчайшим подробностям. Предписанные Богом, они, с его точки зрения, заслуживают величайшего внимания.

Модернист же относится к ритуалу более свободно и небрежно. Для него обряды – это только обычай, средство достижения конечной цели. Они заслуживают уважения, но лишь в той мере, в какой добросовестный рабочий уважительно относится к орудиям своего труда.

В-четвертых, модернист не только готов, в случае необходимости, заменить старое новым, он просто рад всему новому. Он хочет, чтобы каждый век приносил с собой новшества. Так, по его мнению, умножается со временем общее богатство.

Традиционалист почти так же настороженно относится ко всяkim дополнениям к Традиции, как и к изъятиям из нее. В оправдание такого недоверия ко всяkim переменам народный проповедник XVIII века Яаков Кранц из Дубно придумал остроумную притчу. Взяв за основу стих из Торы: "И не будешь ты ни дополнять к нему (то есть к тому, что предначертано Богом), ни уменьшать от него", Яаков из Дубно задается вопросом: какова логика, заставляющая Тору возражать против всяких дополнений к ее заповедям? Если один День Всепрощения в году столь целителен для духа, то почему человеку запрещается иметь два таких дня в году?

И здесь следует притча. Однажды, говорит Яаков из Дубно, человек занял у своего соседа серебряные подсвечники. Точно в назначенное время он вернул их вместе с маленьким подсвечником, который, по его словам, родился у взятых в долг и потому должен оставаться с ними.

Разумеется, хозяин подсвечников отлично знал

что они не могут производить потомство. Но он решил, что ему выпала неожиданная удача. Поэтому он не стал возражать соседу и принял свою собственность вместе с "приплодом".

На следующей неделе сосед снова пришел одолжить – на сей раз серебряные вилки – и снова вернул их с "потомством". Один инцидент следовал за другим в том же духе, и заемодавец все с большим жаром поздравлял себя с исключительной удачей.

Наконец, наступил день, когда сосед взял в долг все серебро – и "родителей", и "детей". Однако на этот раз он ничего не вернул. Ни данное взаймы, ни прибыль. Ибо, как объявил он хозяину вещей, на изделия из серебра напала чума; подсвечники, вилки, кубки и все остальные предметы – умерли. И действительно, если вещи могут рожать детей, то почему бы не предположить, что они смертны?

Таким образом, говорит Яаков из Дубно, опасность дополнений не в дополнениях как таковых. Тот, кто привыкнет к самовольным дополнениям, в конце концов позволит себе и изъятия.

Иудаизм статичный против иудаизма развивающегося – в этом суть расхождений между традиционистами и модернистами во взглядах на систему еврейских обрядов, так же, как и на многое другое в еврейской религии.

VIII. Закон

1. Закон в иудаизме

Не напоминает ли закон в иудаизме Саула среди пророков, то есть, иными словами, не является ли он совершенно неуместным? Что в самом деле может иметь общего система юриспруденции с верой, этикой или ритуалом?

И тем не менее, еврейская религия содержит в себе определенный корпус права, не только канонического, что было бы вполне понятно, но и гражданского, а также и уголовного.

Более того, закон в иудаизме отнюдь не является какой-то незначительной мелочью, упомянутой вскользь. Напротив, он занимает в иудаизме огромное место. Он является предметом многочисленных исследований, ему посвящены и некоторые из самых знаменитых текстов, составляющих Традицию; он привлекал к себе пристальное внимание самых ярких умов и благороднейших сердец во дни средневековья; его широко изучают и культивируют и в наши дни.

И это несмотря на тот факт, что многие из этих вопросов давно уже носят чисто академический характер. Целые разделы этого закона никогда и не применялись где-либо за пределами Эрец-Исраэль. Отдельные статьи закона касаются исключительно Иерусалимского Храма, который не существует уже девятнадцать столетий. Другие разделы, как, скажем, уголовный, были вытеснены кодексами тех стран, в которых евреи жили. Из шести "Порядков", согласно

Традиции, восходящей к Мишне, составляющих еврейский закон, только два имеют практическое применение: *Порядок Мозэд* – о религиозных праздниках и *Нашим* – о семейных отношениях; другие два применяются лишь частично.

Парадокс, целый набор парадоксов: система права включается в религию; причем ей уделяется огромное внимание, несмотря на то, что ее практическое применение весьма ограничено.

Однако эта загадка решается просто.

Иудаизм содержит в себе закон прежде всего потому, что он содержится в Торе. Этого достаточно, чтобы он стал неотъемлемым элементом Традиции.

Закон является частью иудаизма еще и потому, что евреи не просто члены одной религиозной общины, но и дети одного исторического народа. В течение полутора тысячелетий этот народ жил самостоятельной жизнью на собственной земле, подчиняясь своим собственным политическим и нравственным законам. Вполне понятно, что за это время у него накопилось достаточно много юридических документов.

Более того, даже после рассеяния евреи продолжали в большей или меньшей степени регулировать свои отношения, исходя из положений своего национального кодекса. На протяжении всех средних веков и вплоть до 19 столетия еврейские общины сохраняли автономию, по крайней мере во внутренних делах. Правда, в Традицию было введено указание выдающегося ученого-юриста 3 века новой эры, Мара Шмуэля, гласящее, что евреи должны подчиняться гражданскому законодательству страны своего проживания в той мере, в какой оно не противоречит нормам иудаизма. Тем не менее, для решения споров евреи обычно предпочитали свои собственные суды. Таким образом, всего лишь столетие тому назад еврейский закон все еще функционировал в качестве социального института.

Кроме того, закон продолжает существовать в

Традиции еще и потому, что изучение его, как и всякое другое умственное занятие, может доставлять удовольствие, что и обнаруживали к своей радости евреи каждого поколения. Чтобы заниматься изучением какой-нибудь проблемы, вовсе не обязательно исходить из ее практического приложения. Достаточно, если она привлекает к себе интерес и вызывает у людей желание постичь ее и овладеть ею. Она становится чистой наукой, занятием, которому предаются не ради реальной выгоды, а ради интеллектуального наслаждения. Изучение еврейского закона всегда в какой-то мере носило именно такой характер; это усугублялось еще и тем, что на протяжении всего средневековья мир предоставлял евреям так мало возможностей применения их энергии.

Наконец, закон является элементом иудаизма из-за исключительной приверженности евреев к этике и проходящего через всю еврейскую историю стремления претворять идеалы в жизнь. Если это идеалы личного поведения, их следует превратить в привычки, в обязательные правила. Если они носят общественный характер, они должны быть воплощены в институты, нравы и законы. Иначе неопровергимость их содержания испарится, и они превратятся в конце концов в пустые сосуды.

Убежденная в неоспоримости этой истины, Традиция отказывалась допустить, что ее социальные ценности останутся непримененными. Упорно и страстно она боролась за то, чтобы сделать их правилами, регулирующими социальные процессы.

Именно в этом решающая и конечная причина присутствия в иудаизме закона. Учитывая существование иудаизма — религии, движимой единственным социальным идеализмом и решимостью претворять свои идеалы в жизнь, приходится признать, что иначе и не могло быть.

2. Идеализм в действии

Характерно, что Книга Торы, где впервые были сформулированы еврейские идеалы, содержит также сведения об их первом приложении.

Разве человек не создан по образу и подобию Божьему? А из этого следует (приведем первые попавшиеся иллюстрации), что нельзя притеснять чужестранца; нельзя не оплачивать труда наемного работника; рабыня должна быть ограждена от дурного обращения с ней хозяина; ни один человек не должен нести наказания за проступки другого; кредитор не должен вторгаться в дом должника, чтобы требовать с него плату; убийство раба является таким же преступлением, как и убийство свободного человека; когда раб получает свободу по истечении срока его службы, он должен получить в качестве компенсации соответствующее денежное вознаграждение.

Разве все люди не равны перед Богом? А из этого следует, что должен существовать один закон для израильтянина и для чужестранца, стоящего у его ворот, и справедливость не должна нарушаться ни из почтения к богатому, ни из сочувствия к бедному.

Ведь люди – братья и должны относиться друг к другу с братской заботой. Значит, надо взимать десятину в пользу бедных; нуждающиеся имеют законное право на то, что растет по углам поля, оставшиеся после жатвы колосья и все, что осталось на поле после уборки урожая; все нуждающиеся могут есть на любом чужом поле, с условием ничего не уносить с собой. Поэтому нельзя давать деньги в рост и принимать в залог жерновов или одежду.

Разве богатства мира не даны Богом на хранение человечеству? Поэтому долги следует прощать каждые семь лет, чтобы никто не мог погрязнуть в долгур навсегда; раба нельзя удерживать иначе, как по его настоящему, дольше шести лет; земля не может быть

продана навечно, каждые пятьдесят лет ее надлежит возвращать потомкам первоначальных владельцев с тем, чтобы разорившиеся могли бы снова начать достойную жизнь.

Библейский прецедент смелого осуществления высоких идеалов был перенесен в послебиблейский иудаизм. Мишна и Талмуды столь же страстно и решительно, как пророки, стремятся к воплощению в жизнь справедливости и милосердия. В сущности, раввины продолжали начатое в Писании приспособление законодательства к идеалам гуманности и свободы.

Впервые в истории человечества раввины восстали против смертной казни, фактически отменив ее в своих судах.

Они охраняли личную безопасность и права раба; они практически положили конец рабству у евреев.

Они гарантировали право на забастовку.

Они постановили, что в конфликтах между рабочими и работодателями преимущество должно принадлежать рабочим.

Они ввели всеобщее обязательное обучение. Хотя они были людьми Востока, они рьяно защищали права женщин и улучшили их положение.

Они разработали первую в истории человечества систему организованной благотворительности.

Но что можно сказать о насущных проблемах современности? Какова позиция иудаизма в отношении этих проблем? Какую из борющихся идеологий, какие социальные реформы он одобряет?

На эти вопросы нет и не может быть четких ответов. Пророки и законоучители — главные архитекторы Традиции — жили во времена, отличные от нашего, когда такие идеологии, как демократическая, тоталитарная, капиталистическая, социалистическая, коммунистическая, еще не существовали даже в зародыше, так же как и социальные проблемы, по крайней мере в их нынешней форме.

Тем не менее, основа социальных взглядов, изложенных в Традиции, настолько ясна, что из нее можно с уверенностью делать определенные выводы относительно современных проблем. Правда, эти выводы, как и всякое умозаключение, содержат некоторый элемент риска. И они представляют собой скорее общие принципы, чем конкретные решения.

Однако риск не так уже велик и принципы эти не столь абстрактны, чтобы лишить Традицию социального значения. Наоборот, из нее можно извлечь с достаточной уверенностью довольно четкую систему социальных взглядов, о чем свидетельствуют недавние декларации различных раввинских объединений. Между этими ассоциациями существуют всевозможные расхождения по вопросам теологии и ритуала, однако каждая из них провозглашает совершенно конкретную социальную программу, и все эти программы совпадают в своих центральных темах. Это служит ярким свидетельством тому, что Традиция все еще способна придавать единство и конкретность еврейской социальной мысли.

Согласно свидетельствам прошлого и декларациям современных раввинов, иудаизм в наши дни стоит за —

- Полную свободу, политическую, экономическую и социальную, каждого человека и каждой группы, включающую, помимо всего остального, максимальные гражданские свободы, право на объединение в профессиональные союзы и всеобщее равенство.

- Использование богатства для нужд общества; хотя современные толкователи иудаизма спорят, должно ли это означать обобществление собственности, и если да, то до какой степени.

- Общество, основанное скорее на принципе кооперации, чем на конкуренции.

- Мир между народами, гарантируемый единым

мировым правительством; понятие абсолютного суверенитета национального государства всегда выглядит бесстыдством в глазах Традиции.

К чему все это сводится, будучи сформулировано в современных понятиях?

Совершенно очевидно – к политической демократии, к модификации капитализма в направлении экономической демократии и, наконец, к мировому государству.

Этот общий вывод, может быть, и не так уж точен, как хотелось бы, но и не настолько туманен, чтобы быть ошибочным.

3. Две точки зрения

Для традиционалистов еврейский закон обладает тем же авторитетом, престижем и достоинством, какие присущи всему остальному в иудаизме. Закон надлежит изучать во все времена, следовать ему сегодня в той мере, в какой позволяют обстоятельства, и быть готовым вернуть ему прежнюю силу и ввести целиком в действие, как только наступит Век Мессии и Израиль возродится на своей древней земле.

Модернисты делятся в своем отношении к еврейскому закону на две группы: правое крыло придерживается взглядов, близких взглядам традиционалистов, левое же, наоборот, далеко отходит от них.

Более консервативная группа стремится сохранить в действии разделы еврейского закона, отвечающие духу современности; например, правила, регулирующие семейные отношения, праздничные обряды и формы ритуала. Более того, если они сионисты, то они позволяют себе надеяться, что в национальном очаге, создаваемом ныне в Эрец-Исраэль, все юридическое наследие евреев вновь найдет себе применение.

Радикалы же утверждают, что, каковы бы ни были достоинства еврейского закона в прошлом, он не является больше составной частью иудаизма, ибо закон вообще не может быть частью религии, как ее понимают современные люди. Регулирование отношений между людьми является, с точки зрения радикалов, прерогативой государства, а не церкви или синагоги. Задача религии – внушать людям те или иные идеалы, воплощение же этих идеалов в жизнь является сферой деятельности политических институтов.

Но даже самое левое крыло модернистов, хотя и не желает применять еврейский закон на практике, согласно с наиболее ревностными традиционалистами в том, что изучение этого закона важно и необходимо.

Еврейский закон в большей степени, чем все остальные, является ключом к пониманию социальной этики иудаизма, ибо религии, как и люди, обнаруживают свой характер в том, к чему они упорнее всего стремятся. Еврейский закон придает огромное значение тезису, который слишком часто игнорируется: идеал обладает реальностью только тогда, когда он воплощен в жизнь.

IX. Институты

1. Синагога

Для отправления культа годится любое место. Дом, в котором поставлен Ковчег (ящик) для хранения свитка Торы, становится синагогой. Никаких специальных обрядов или тайнств не требуется для его освящения. Традиция требует только, чтобы в синагоге было чисто, и рекомендует стремиться, чтобы она была красивой. Но хотя многие синагоги не более чем простые, ничем не украшенные комнаты, они нисколько не теряют из-за этого в своей святости. Ибо еврейское учение о Боге гласит, что, поскольку Он присутствует везде, взвывать к Нему можно всюду.

Синагоге присущи три функции —

— Она служит **домом молитвы**, святилищем, где происходит публичное богослужение; это также и место, куда люди могут приходить для своих личных размышлений и молитв.

— Она является **домом учения**, школой иудаизма, где и ребенок, и взрослый одинаково учатся быть евреями; если же это не сама школа, то всегда ее база и опора.

— Она — **народный дом**, где евреи могут найти других евреев и в общении с единомышленниками утвердиться в своей преданности вере.

Синагога — это не только здание, это прежде всего люди, его посещающие; иначе говоря, синагога — это община.

Любая группа евреев может образовать общину. Здравый смысл подсказывает, что отдельные общины

не должны быть слишком многочисленными. Но ни одна община не может быть основана без твердой уверенности, что ей удастся собрать миньян – кворум из десяти мужчин, установленный Традицией как необходимое условие для формального богослужения. Помимо этого, иудаизм не ставит никаких ограничений для основания общины.

Каждая община совершенно автономна, свободна в выборе раввина и других должностных лиц, в определении линии своего поведения в большом и малом. Разумеется, каждая синагога руководствуется Традицией, но она вправе решать для себя, как толковать Традицию и в какой степени блюсти ее нормы. Не существует такого авторитетного института, которому отдельные синагоги должны были бы подчиняться. Общины кооперируют друг с другом посредством организаций, создаваемых для определенных и ограниченных целей, и постоянных федераций, основанных на сходстве взглядов и программ. Все это добровольные ассоциации, которые могут давать своим членам рекомендации (советы), но не властны требовать их неприменного выполнения.

Но поскольку община состоит из людей, объединяющихся по собственной воле, оставляющих за собой при этом право продлить, прервать или переменить свое членство по собственному усмотрению, то последним источником авторитета в еврейских религиозных организациях является сам человек и его совесть.

Свобода, которую иудаизм предоставляет людям и общинам, не всегда была так широка, как сегодня. До одиннадцатого века существовали те или иные носители религиозного авторитета, с мнением которых считалось еврейство всего мира. Еще 150 лет назад каждая местная еврейская община имела весьма жесткую организацию, правда, эта организация почти всегда строилась на демократической основе. Совет наблюдателей, избираемый ежегодно

голосованием, в котором участвовали главы всех семей, регулировал дела общины. Он мог запретить открытие новой синагоги, если считал ее излишней или раскольнической, мог подвергнуть наказанию человека или часть общины, угрожавших, по его мнению, общему благу или сохранению Традиции.

Однако местный совет или центральная власть, если таковая существовала, не могли применять физическое насилие, принуждая к выполнению своей воли. Сталкиваясь с сопротивлением, они прибегали только к моральному давлению: они могли выговаривать и осуждать, подвергать остракизму; в очень серьезных случаях — прибегнуть к отлучению, временно отстраняя упорствующих в непослушании от участия в жизни общины или навсегда изгоняя их. Но солидарность евреев как группы была обычно настолько сильна, что лишенная политической власти еврейская община успешно поддерживала дисциплину.

Однако несмотря на контроль, отдельные люди и группировки пользовались значительной свободой. Если не было веской причины для запрета, евреям предоставлялась полная свобода формировать общины по собственному желанию и подчиняться тем раввинам, каких они предпочитали.

Свобода, имевшая место в прошлом, в наши дни стала почти безграничной. При полном отсутствии централизованного контроля — международного, государственного или местного — каждая община, что бы ни происходило, поступает так, как считает правильным.

Свобода ведет к многообразию. Будучи независимыми единицами, общины придерживаются самых различных взглядов и практикуют самые различные формы ритуала. В этом многообразии можно установить три основных направления —

— Ортодоксальная синагога, для которой Традиция полностью и неизменно служит единственным

неоспоримым авторитетом во всех вопросах теологии, ритуала и литургии. Именно здесь еврейское прошлое находит свое современное воплощение. Общины этого толка можно узнать по некоторым несомненным признакам: их бескомпромиссной приверженности старым молитвенникам, почти исключительнольному пользованию ивритом в богослужении, отсутствию инструментальной музыки, раздельному участию мужчин и женщин в богослужении и обязательному покрытию головы молящимися мужчинами.

— Консервативная синагога, представляющая правое крыло модернизма, которое стремится сохранить верность Традиции в той мере, в какой считает это разумным; в остальном оно поддается настойчивым требованиям современного мышления и жизни. С одной стороны, Традиция здесь смягчена, ей приданы новая форма и новая интерпретация; с другой стороны, все изменения сделаны очень осторожно, и уступки давлению обстоятельств минимальны. Соответственно, богослужение в чем-то очень сходно с ортодоксальным, в чем-то отличается от него. Например, текст молитв вполне традиционен; преобладает иврит; мужчины молятся с покрытыми головами. В противовес этому, некоторая часть литургии служится на английском языке; допускается использование инструментальной музыки; мужчины и женщины сидят вместе.

— Реформистская синагога, или храм (*temple*), воплощающая левый модернизм. В ней авторитет Традиции почти не признается, влияние современного мышления и условий жизни наиболее ощутимы. Вследствие этого реформистское богослужение далее всего отстоит от исторического образца. Оно почти целиком осуществляется на английском языке. Из древних обрядов эта синагога сохраняет только те, которые она считает осмысленными и близкими по духу настроениям современности. Она совершенно игнорирует обычай покрывать голову во время

молитвы, разделение мужчин и женщин и запрет инструментальной музыки.

Расхождения между ортодоксальной, консервативной и реформистской синагогами отчасти являются результатом расхождения во вкусах, а отчасти – различной оценкой практических проблем еврейской жизни. Но корень этих противоречий лежит гораздо глубже. Они порождены противоречащими друг другу теориями и теологическими доктринаами иудаизма. Однако, как бы значительны ни были эти расхождения, не следует слишком преувеличивать их.

Евреи, стоящие слишком близко к сцене, на которой разыгрывается этот драматический конфликт синагог, склонны преувеличивать глубину расхождений, разделяющих религиозное еврейство.

В пылу спора ортодоксальный еврей может сказать, что для него реформистский храм является не более еврейским, чем квакерский дом собраний. Еврей-реформист, в свою очередь, будет утверждать, что ортодоксальное богослужение столь же непонятно и чуждо ему, как греко-католическая служба.

На самом деле ни тот ни другой так не думают. И ни один объективный наблюдатель не спутает еврейское реформистское богослужение с квакерским или еврейскую ортодоксию – с греческим православием; он непременно отметит, что две еврейские секты бесконечно ближе друг к другу, чем каждая из них к любому из нееврейских вероисповеданий.

Да и как может быть иначе – ведь все формы еврейской веры, литургии и ритуала восходят к единому образцу, и все они либо сознательно подчиняют себя Традиции, либо невольно формируются ею.

Раввины – это учителя Традиции. Как правило, они призваны нести и другие функции: пастырей, проповедников, администраторов и руководителей общины. Но прежде всего они – учители. В этом смысле существования.

Сказать, что раввины – учителя, значит отрицать, что они священники. В отличие от некоторых других религий, иудаизм не приписывает своему духовенству особой духовной власти, дарованной им рукоположением или призванием и недоступной мирянам. С точки зрения иудаизма, не существует никаких различий, кроме различия в образовании, между человеком на кафедре и теми, кто сидит на синагогальных скамьях. Нет такого обряда, отправление которого доступно только раввину. Каждый мирянин, обладающий достаточными знаниями и соответствующими духовными качествами, может вести богослужение, а если у него есть что сказать, и он соберет достаточно большое количество слушателей, то он может прочесть и проповедь.

Далее, раввины не являются "призванными" в том смысле, в каком понимают это слово некоторые евангельские вероисповедания. От них не требуется мистического опыта просветления или избрания Пророком для служения. Конечно, от них ожидают, что, вступая в раввинат, они добровольно посвятят себя служению Богу, будут хорошими людьми, истинно верующими и принципиальными, ревностно преданными Традиции в служении Богу, Израилю и человечеству. Но все эти качества иудаизм надеется найти в каждом еврее; ни одно из них не является исключительной принадлежностью раввинов. Итак, раввин отличается от своих собратьев-евреев только большей образованностью, лучшим, более профессиональным знанием Традиции, являющейся их общим достоянием. Он раввин по образо-

ванию; его посвящением в сан является получение ученой степени, которая и является его титулом.

До сравнительно недавнего времени от раввина требовалось исключительно традиционное еврейское образование, то есть знание Писания, талмудической литературы и кодексов, определяющих еврейский образ мысли и поведения. Эти предметы могли быть освоены самостоятельно или в результате обучения в *иешиве*, или академии. Чтобы получить посвящение, кандидат в раввины должен был обратиться к одному или нескольким выдающимся раввинам и выдержать экзамены, проверяющие его личные качества и знание им Традиции; ему вручалось удостоверение, дающее право называться раввином, толковать иудаизм и судить по еврейскому закону. Он получал право занимать пост раввина в любой общине, которая предлагала ему этот пост, и был свободен в своем решении принять или отклонить то или иное предложение.

При такой системе, которая до недавнего времени оставалась общепринятой и до сих пор действует в ортодоксальных кругах, многие люди, обладающие достаточной квалификацией, чтобы получить звание раввина, никогда не обращались за ним, предпочитая ученость любому диплому или титулу; многие получали это звание, но никогда не стремились к посту раввина, а те, кто возлагал на себя служение общине, часто отказывались от вознаграждения. Действительно, в древности и в средние века еврейский закон настойчиво предостерегал еврейских служителей культа и учителей от получения платы за свой труд на том основании, что не подобает использовать религиозные знания для мирских выгод. Вместо этого раввину рекомендовалось зарабатывать на жизнь, как и всем остальным, — сельским хозяйством, ремеслом, торговлей, а свои пастырские обязанности исполнять безвозмездно. Только в эпоху позднего средневековья от такого порядка пришлось

отказаться, поскольку осуществление его стало невозможным.

Основные обязанности традиционалистского раввина, как в прошлом, так и в настоящем, – это обязанности главного знатока Торы и судьи. Он редко проповедует – этим обычно занимаются специализирующиеся в этой области члены общины. Раввин, несомненно, является "учителем заблудших", пастырем потерянных и высшим авторитетом в делах общины. Однако его главные функции состоят в совершенствовании собственных знаний, в решении проблем, возникающих при изучении Торы, в исполнении обязанностей судьи в спорах и конфликтах между евреями, в решении спорных вопросов ритуала, закона, веры и этики – разумеется, все это в соответствии с Традицией.

Стоит отметить, что в течение по меньшей мере последней тысячи лет каждый раввин пользовался в достаточно высокой степени интеллектуальной и духовной независимостью. Когда-то все раввины склонялись перед властью и авторитетом верховного раввинского суда – Синедриона. Когда этот орган распался – где-то в пятом столетии, – его власть перешла к главам и советам двух великих талмудических академий в Вавилонии. В одиннадцатом столетии они также утратили свое влияние. С тех пор ни один раввин не обязан был выказывать послушание кому бы то ни было, иначе как в знак признания более высоких достоинств другого. Теоретически, по крайней мере, и, как правило, на практике каждый раввин был свободным, независимым главой общины, подчинявшимся только Традиции и собственной совести.

Однако время предъявляет новые требования и к раввинату.

Теперь для раввина не считается достаточным исключительно еврейское образование; ему необходимо еще и светское.

Подготовка к исполнению обязанностей раввина утратила прежний неформальный характер; присвоение раввинского звания отдельными раввинами почти не практикуется, сохранившись лишь у наиболее рьяных традиционалистов. В наши дни подготовка раввинов и присвоение звания осуществляются в семинариях.

Исполнение обязанностей раввина стало профессией, раввины получают плату за свой труд. Функции раввинов существенно изменились. Даже в традиционалистских кругах чтение проповедей, руководство религиозным образованием и пастырская деятельность имеют тенденцию превратиться в главные обязанности раввина, какими прежде были изучение Торы и юридические функции. В некоторых случаях к основным обязанностям раввина относятся и административные функции, управление делами общины и, поскольку евреи не заключены больше в гетто, а участвуют в гражданской жизни, также и общее руководство ею.

И все-таки в трех жизненно важных аспектах раввины должны оставаться такими, какими они были всегда —

- Они должны быть людьми независимыми, обязанными нравственным подчинением только Традиции и своей собственной душе;
- Их моральные качества должны соответствовать их призванию;
- Они должны оставаться в первую очередь учителями Традиции. Современная жизнь и ее требования часто разрушают испытанные временем критерии. Но там, где иудаизм более всего верен себе, он продолжает быть живым идеалом, и раввины, обладая знаниями, продолжают передавать их другим.

X. Грядущий мир

1. Тройная надежда

"Есть надежда, что конец твой будет поздним", —
пел пророк.

В этой фразе заключена тройная надежда.

Надежда еврейского народа на конечное избавление и оправдание.

Надежда каждой души, что ее не поглотит смерть, что она переживет тело и дождется осуществления того, чего не дано ей было дождаться во плоти.

Надежда общества, что в конечном итоге оно станет справедливее, очистится от своих пороков, усовершенствует и упрочит свои достоинства.

Взятые вместе, эти три надежды образуют одно глубокое и радостное убеждение, что и для каждого человека, и для народа Израиля, и для всего человечества наступят лучшие времена.

2. Судьба человека

Относительно конечного исхода человеческой жизни традиционалисты придерживаются трех учений: о возмездии, бессмертии и воскресении из мертвых.

Возмездие

Иудаизм учит, что люди должны служить Богу не как "рабы, которые служат своему хозяину в расчете на плату", однако тот, кто творит добро, достоин награды. Традиция поддерживает требование совести, чтобы добродетель была вознаграждена, а зло

понесло кару. Отчасти жизнь оправдывает это требование. Честность влечет за собой безопасность и уважение, у любящего больше надежды быть любимым.

К сожалению, исключений из этого правила много, а иногда они выглядят вопиющей несправедливостью. Не один негодяй провел свою жизнь в локое и богатстве, и не один святой — в бедствиях и горе.

Но Бог — Бог справедливости. Если человек не нашел в жизни совершенной справедливости, гласит Традиция, то он найдет ее за гробом. Там, в мире ином, согбенный выпрямится и каждому воздастся по заслугам.

Бессмертие

Смерть не может быть и не является концом.

Человек преодолевает смерть многими, иногда совершенно естественными способами. Он может быть бессмертен биологически, в своих детях; в мысли, оставляя по себе память; благодаря силе своего влияния, когда его личность продолжает вести за собой последователей; его бессмертие может быть идеальным, если он полностью отождествляет себя с вечными ценностями духа.

Говоря о бессмертии, иудаизм имеет в виду все эти его виды. Однако прежде всего смысл бессмертия заключается для иудаизма в следующем: человек содержит в себе нечто не зависящее от плоти и переживающее ее, сущность своей личности — душу.

Она-то и преодолевает смерть и, как полагает Традиция, получает вознаграждение в загробной жизни.

Что же касается форм этой будущей жизни: Рая, Небес или Эдема, где праведность вознаграждается, или Ада, Шеола или Гекинома, где зло подвергается каре, то евреи во все времена толковали эту сторону своей веры, как и многие другие ее аспекты, всегда по-разному. И в самом деле, едва ли еще

какое-либо из основных положений иудаизма подвергалось столь различному толкованию.

Небеса и Ад в изображении одних являются не более чем состояниями души, а в описании других – реальным, конкретным местом; некоторые даже предлагали тщательно, подробно разработанную топографию этих мест.

Концепции бессмертия разнообразны: от в высшей степени абстрактных понятий о слиянии души с Бесконечностью до самых наивных представлений о продолжении земных дел в ином мире.

Человеческое бессмертие рассматривалось и как сохранение индивидуальной личности и сознания и как безличное и бессознательное посмертное существование.

Переселение и перевоплощение душ одними признавались, другими отрицались.

Здесь, как и во многом другом, и даже более, чем в любой другой области, иудаизм и Традиция допускают широкий диапазон мнений.

Воскресение из мертвых

Но даже тогда, когда человек предназначен Небесам или Аду, судьба его еще не решена окончательно. Остается ввести в действие еще один, последний, кульминационный эпизод.

Придет день, когда тела всех усопших за все времена с сотворения мира восстанут из могил, души их будут призваны со всех мест и из всех состояний, в которых они пребывали, и они воссоединятся друг с другом, как во время своего существования на земле.

И тогда каждому человеческому существу, его телу и душе вместе, в присутствии огромного множества живших во всех поколениях, Бог вынесет приговор, определив одним блаженство, а другим – проклятье.

В отношении учения о воскресении из мертвых, как и в отношении других учений, вполне допусти-

мы различные толкования. Тела воскрешенных, считали одни, преобразятся, превратятся в почти чистую духовность; другие представляли их в прежнем физическом образе. Одни предполагали, что воскресение совершится навеки, другие — что оно будет ограничено во времени и закончится новым отделением души от тела, которое вернется к прежнему состоянию уже навсегда.

И все-таки иудаизм ставит пределы дозволенного свободе личного воображения. Традиция требует от каждого еврея в той или иной форме верить в воздаяние, бессмертие и воскресение из мертвых. Еврей не может относиться к этим понятиям как к туманным аллегориям. Они должны значить для него что-то по крайней мере родственное своему первоначальному смыслу.

Никто, гласит Традиция, не может быть традиционалистом, если не придает хотя бы такого значения указанным понятиям.

Однако евреи-модернисты не разделяют этого мнения. Они расходятся с традиционалистами даже в вопросе о происхождении этих аспектов веры.

Традиционалисты считают, что эти учения вместе со всем остальным содержанием еврейского вероисповедания были даны в Откровении на горе Синай. Они находят их прямое или косвенное подтверждение в разных местах Писания, включая и самую раннюю, самую авторитетную его часть — Книгу Торы.

Иначе подходят к этому вопросу модернисты. С их точки зрения, в самых древних разделах Библии о загробной жизни сказано только то, что души умерших отправляются в подземный мир теней, *Шеол*, где продолжают вести призрачное полусознательное существование. Модернисты считают, что даже религия великих пророков не содержала ни малейшего намека на воскресение из мертвых или бессмертие, как их стали понимать позднее.

Все эти учения возникли только в дни Второго

Храма, отчасти в ходе естественного развития посылок, заложенных в самом иудаизме, отчасти под влиянием зороастризма и его учения о воскресении из мертвых и Страшном суде, а также эллинизма с его высоко развитым представлением о бессмертии.

Некоторые модернисты утверждают в связи с этим, что учения о воскресении из мертвых и бессмертии отнюдь не являются неотъемлемой частью еврейской религии. Долгие столетия иудаизм существовал без них; он может обходиться без них и далее.

Однако большинство модернистов склонны оценивать сегодняшнее значение этих идей не по историческому критерию, а по велению разума и опыта.

Подойдя к традиционным представлениям с этими критериями, модернисты отвергли многое из них. Они отказались от учений о воскресении тела, по крайней мере, в буквальном смысле; от реальных, пространственных Рая и Ада; от вечного проклятия. Зато они сохранили веру в бессмертие человеческого духа, не только в натуралистическом понимании, но также и в смысле потусторонности. Они высказывают всевозможные предположения о характере бессмертия, но твердо придерживаются убеждения, что в какой-то форме человеческая личность переживает свою телесную оболочку.

Так же они подходят и к учению о воздаянии, веря, что творящим добро всегда так или иначе воздается добром, тогда как те, кто творят зло, независимо от его формы и цели, причиняют зло самим себе.

Все, что говорилось о толковании модернистами учения о бессмертии, в равной мере относится и к учению о воздаянии. Это положение принимается без каких-либо догадок о путях его осуществления, ибо неисповедимы пути Господней справедливости.

Совершенно очевидно, что весь этот комплекс доктрин утратил для модернистов былое значение. Однако отдельные элементы его сохранили свою силу.

Подобно традиционалистам, евреи-модернисты и сейчас верят, что после смерти человек продолжает жить и что чаши весов космической справедливости в конечном итоге всегда обретают равновесие.

3. Царство Божье

Даже самое лучшее общество недостойно человека и не отражает образа Божьего.

Существовал ли когда-нибудь на протяжении всей истории такой государственный или экономический строй, который воздавал бы должное человеку — сыну и созданию Божьему?

В каком социальном устройстве надлежали образом соблюдались принципы справедливости, милосердия и взаимопомощи?

Какое из существующих обществ достаточно свидетельствует — не словами или речами, а делами и институтами — о Боге — источнике всякого добра?

Однако искра Божья в человеке не может вечно оставаться скрытой.

Божий закон должен в конце концов возобладать, и Божественное начало должно, наконец, утвердиться в социальной области, как и во всем остальном.

Из этого следует, что существующий миропорядок должен уступить место новому, свободному от издревле присущих человеческой истории пороков, соответствующему достоинствам каждой души, подчиняющемуся закону нравственности и отражающему образ Бога, стоящего за всем порядком вещей.

Это совершенное общество совершенных людей Традиция называет **Царством Божиим**.

Царство Божье — не только дело далекого будущего. В общих чертах оно уже близко и ощутимо. Разве звезды и планеты, растения и птицы не подчиняются предписанному им Богом? Разве они уже и сейчас не верны Богу? А среди людей разве нет таких,

что и сейчас жаждут познать Бога и служить Ему? И разве большая часть человечества, если и не всегда, то хотя бы временами не испытывает потребности в Боге? И разве в самом греховном, нечистом мире нельзя найти тепла, нежности, справедливости и сострадания?

Вот почему Царство Божье – это больше, чем обещание. Как бы смутно и неясно ни проступал его образ, скорее скрытый, чем явный, оно все-таки остается вечно существующей реальностью. Все, что служит добру в мире, принадлежит Царству Божьему. Каждый, кто служит правде, осознает он это или нет, является гражданином этого Царства.

С каким бы аспектом иудаизма вы ни соприкоснулись, везде вы найдете эту идею Царства Божьего, эту мечту о совершенном мире, населенном возрожденными людьми.

Каждая из многочисленных бенедикций, предписанных раввинами древности, ясно упоминает о нем.

Каждое формальное богослужение завершается двойной молитвой; в первой части ее молящиеся воздают честь Царству Божему, во второй – просят о скором его приходе.

Молитва "Слушай, Израиль", классический символ веры иудаизма, толкуется раввинами как "признание власти Царства Божьего"

Царство Божье является также темой самого торжественного и возвышенного отрывка из литургии, посвященной Новому Году; этот праздник сам по себе – одно из самых торжественных и возвышенных событий в еврейском календаре.

То огромное значение, которое иудаизм придает идее Царства Божьего, становится понятным, если вспомнить, что эта идея воплощает самую прекрасную надежду человеческого духа. Она призвана преобразить всю этическую жизнь человека. Мечта о Царстве Божием возвышается над всеми остальными мечтами человека, над всеми прочими обязательства-

ми, возложенными на него служением Богу: человек должен сознавать значение Царства Божьего, стремиться к осуществлению его, к приближению дня, когда оно "воссияет" над миром, на глазах у всех людей.

Когда пророки впервые заговорили о Царстве Божьем, они ввели радикально новое понятие, которого не знала дотоле ни одна цивилизация Древнего Востока, идеал, который затем позаимствовала классическая культура Запада. Вне сферы иудаизма люди древности не знали никаких надежд на будущее человечества. В лучшем случае они надеялись, что былое пребудет вечно. Однако гораздо более распространенным было представление, что мир неуклонно и непоправимо катится вниз — от Золотого Века в далеком прошлом к собственной гибели.

Вот почему доброй вестью о Царстве Божьем иудаизм произвел великую революцию, обратив взоры и надежды людей к грядущему, сердца — выйсь и все помыслы к совершенно новым целям.

Революция эта тем значительнее, что с течением времени мечта о Царстве Божьем захватила уже не только евреев, но все церкви и все верования, и в конце концов стала общим достоянием и источником вдохновения всех людей доброй воли, верующих или совсем не религиозных.

Где только ее нет в западной цивилизации!

Не удивительно, что она обнаруживается во всем христианском мире, духовном детище иудаизма, например в "Граде Божьем" Августина*, или в "Философии истории" Гегеля*, или в намеке Теннисона* на "одно далекое божественное событие".

Эту мечту, хотя и радикально переработанную и глубоко измененную, можно отыскать даже у такого страстного противника религии, как Маркс, а также у множества других, менее знаменитых антирелигиозных мыслителей, которые по сей день хло-

почут о лучшем мироустройстве, но не знают, кем внушен этот идеал.

По широте своего распространения и по силе своего влияния идея Царства Божьего является самым большим и драгоценным — после самой веры в Бога и еврейской этики — даром народа Израиля остальному человечеству.

4. Мессия

Кто сделает так, чтобы скрытое Царство Божье стало явным? Кто осуществит его?

Мессия — гласит Традиция.

А кто это — Мессия?

Он — человек, отмеченный Богом, наделенный Богом силой и властью очистить мир от пороков и упрочить добро на твердых, непоколебимых основах. Он — тот самый потомок Давида, о котором пророк сказал:

И произойдет отрасль от корня Иесеева,
И ветвь произрастет от корня его;
И почнет на нем дух Господень,
Дух премудрости и разума,
Дух совета и крепости,
Дух ведения и благочестия,
и страхом Господним исполнится.

И будет судить не по взгляду очей своих,
И не по слуху ушей своих решать дела;
Он будет судить бедных по правде,
И дела страдальцев земли решать по истине;
И жезлом уст Своих поразит землю;
И духом уст Своих убьет нечестивого.
И будет препоясанием чресл Его правда,
И препоясаньем бедр Его — истина.
Тогда волк будет жить вместе с ягненком,
И барс будет лежать вместе с козленком;

И теленок, и молодой лев, и вол будут вместе,
И малое дитя будет водить их.

И корова будет пасть с медведицею,

И детеныши их будут лежать вместе,

И лев, как вол, будет есть солому,

И младенец будет играть над норою аспида,

И дитя протянет руку свою на гнездо змеи.

Не будут делать зла и вреда

на всей святой горе Моей,

Ибо земля будет наполнена ведением Господа,

Как воды наполняют море.

Таким образом, Традиция считает, что избавление мира, завершающее историю событие, будет осуществлено одним человеком.

Еврейский дух соткал бесчисленные варианты этого важного догмата своей веры. Некоторые представляли Мессию мистическим сверхчеловеком, для других же он был немногим больше, чем исключительно одаренный, добродетельный и преуспевающий государственный муж. Один из законоучителей Талмуда отважился предположить, что Мессия уже являлся однажды, по-видимому, в лице царя Хизкии, но не сумел осуществить всеобщего избавления, которого от него ожидали. А Моше бен Нахман (Нахманид)*, один из наиболее выдающихся раввинов средневековой Испании, отнес учение о Мессии к числу второстепенных положений еврейской веры.

Таким образом, Традиция допускает различное отношение к этому учению, в том числе даже неверие в него, хотя в основном традиционалисты глубоко привязаны к идее Мессии. У всех традиционалистов существует согласие по поводу некоторых, по крайней мере, основных черт Мессии.

Его всегда представляют человеком, даже те, кто наделяет его чрезвычайной силой. Евреи никогда не думали и не думают о нем как о Боге, хотя и полагают, что только он может принести вечное избавление Израилю и другим народам.

Что же тогда должны делать сами люди ради спасения человечества? – Все, что в их силах; все, что они могут сделать. Но, несмотря на все свои усилия, люди должны надеяться, молиться и ждать Мессию. Только с его помощью может быть одержана полная победа, поскольку возрождение людей и преобразование общества – слишком великие задачи для простых смертных.

Модернисты, как это ни парадоксально, верят в наступление Века Мессии, но не верят в личность Мессии, не разделяют даже самого натуралистического варианта этой веры. Они не сомневаются в способности человечества осуществить Царство Божье на земле. Опасения традиционалистов на этот счет и их настойчивое требование сверхъестественной помощи кажутся модернистам порождением представлений давно минувших дней. Действительно, человек древности и средневековья жил в мире, который он мало понимал и еще меньше мог контролировать. Поэтому ему не приходило в голову предположить, что он в состоянии переделать мир и себя совершенно самостоятельно. Он обращался за поддержкой к кому-то, обладавшему большим, чем он, могуществом, к кому-то, способному на героическое и чудесное.

Но теперь человек стал сильнее. С ростом своих знаний о природе вещей, с упрочением своего господства над ними, с постоянно возрастающим сознанием неограниченных возможностей своего ума и своей души человек больше не чувствует себя неспособным осуществить мечту о Царстве Божьем.

Поэтому, утверждают модернисты, Мессия – это не один человек. Скорее все добрые люди – мессии, коль скоро общими усилиями они добиваются пришествия Царства Божьего. И оно не наступит внезапно. Оно будет достигнуто постепенно, "заповедь за заповедью, строка за строкой, немного здесь, немногого там". В определенном смысле оно не будет достиг-

нuto никогда, ибо совершенство людей и общества есть некий идеал, к которому можно все более приближаться, но которого никогда нельзя вполне достичь.

А Бог, где же Он в этом процессе, как его представляют модернисты? Он, как всегда, в делах людей, в их надеждах и чаяниях, в искусстве и силе духа, с которыми люди стремятся к осуществлению своей мечты.

Поэтому, когда наступит, наконец, Царство Божье, когда последнее зло будет сокрушено, а всякое доступное воображению добро претворено в жизнь, величие и слава этого момента будут принадлежать всем людям прошлого и настоящего — всем, кто мечтал о нем и стремился к нему.

Но величайшая слава будет принадлежать Тому, кто во все века побуждал человечество, часто вопреки его воле, стремиться ко все большему добру, а затем — к еще большему.

В этот час все люди, как умершие, так и живущие, с полным основанием совместно воспоют слова псаломопевца:

"Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему
воздай славу".

ЭПИЛОГ

Первая и последняя

В средневековой еврейской литературе есть изысканная и глубоко поучительная притча, которая, если ее чуть-чуть перефразировать, отлично выразит все то, что мы пытались сказать в этой книге.

Однажды — повествует притча — путешественник, пробираясь по трудной и опасной местности, неожиданно вышел к берегу реки, слишком глубокой, чтобы ее можно было перейти вброд. Он не мог ни повернуть назад, ни оставаться там, где оказался. Ему во что бы то ни стало надо было переправиться на противоположный берег, но как? Он вспомнил о кошельке, висевшем у него на поясе. Золотые монеты в кошельке составляли все его богатство. В отчаянии, не видя никакого выхода, он начал бросать их одну за другой в реку, надеясь по ним перейти реку вброд.

Тщетно! Кошелек пуст, а дна все еще не видно.

У него осталась одна, последняя монета. Зажав ее в руке, путешественник размышлял, что ему предпринять. Оглянувшись вокруг, он вдруг увидел вдали паром, которого не заметил прежде. Печалясь, что зря выбросил все свое богатство, и в то же время радуясь, что сохранил эту последнюю монету, которой можно расплатиться за переправу, путешественник поспешил к парому, отдал монету паромщику и переехал на другой берег. Так он спас свою жизнь и смог продолжить путь.

Бахья ибн Пакуда, еврейский моралист, живший в

Испании XI века, видел мораль этой притчи в искуплении.

Он хотел сказать, что раскаяние должно быть первым побуждением человека, но очень часто случается так, что оно оказывается последним прибежищем человека – единственным оставшимся ему путем к спасению, когда все остальные возможности уже исчерпаны.

Отнюдь не исказив притчи, можно увидеть в ней иллюстрацию роли религии в жизни человека, иудаизма – в жизни народа Израиля.

Таково значение религии для людей и еврейской религии для евреев.

Для мудрых и благоразумных людей – это первая монета в кошельке, то есть та духовная плата, которая дает возможность справиться, совладать с самыми страшными обстоятельствами жизни, монета, которая помогает продолжать жизненный путь спасенным и счастливым.

Для глупых и неразумных, безрассудных и не умеющих видеть – это последняя монета в кошельке, единственная оставшаяся: когда все ресурсы уже исчерпаны, когда человеку предстоят только нужда и отчаяние, эта последняя монета открывает перед ним новые возможности и новые надежды.

ПРИМЕЧАНИЯ

стр. 19.

Пиетисты (от лат. *pietas* – 'благочестие') – сторонники религиозных движений, стремящихся к пробуждению и обновлению религиозного чувства и углублению веры.

Хасиды (ивр. *хасидим* – 'благочестивые') – сторонники мистического движения в иудаизме, возникшего в 30-х гг. 18 в. и приобретшего широкое распространение среди евреев Восточной Европы и их потомков в других частях мира. Основатель хасидизма Исраэль бен Элиэзер Баал-Шем-Тов (сокр. Бешт, ок. 1700– 1760). Для хасидизма характерны принципы мистического оптимизма, позволяющие не откладывать чаяния радостной и святой жизни до прихода Мессии, но осуществлять их внутри бедственной жизни сегодняшнего дня; идея освящения повседневных актов человеческого обихода; предпочтение искреннего чувства ригористической обрядности; почитание цадиков – праведников, достигших идеала беспредельной преданности Богу и могущих выступать заступниками людей перед Ним.

стр. 20.

Книга жизни (ивр. *Сефер ха-хаим*) – упоминаемая в Библии (Пс. 69:29) небесная книга, в которую записываются имена праведников. В Талмуде говорится о трех книгах, которые раскрываются на небесах в день Рош ха-Шана: имена праведников вписаны в Книгу жизни, грешников – в Книгу смерти; судьба остальных решается в Иом-Киппур. В литургию

т. н. Десяти дней покаяния (с первого дня Рош ха-Шана по Иом-Киппур) включаются краткие моления о внесении в Книгу жизни.

стр. 44.

Символ веры – краткое изложение основных доктринальных положений определенной религии. Католическая церковь признает три символа веры христианства: 1) "Апостольский" символ веры, приписываемый церковной традицией апостолам – ученикам Иисуса [Христа]; 2) Никейский, вернее, Никейско-Константинопольский символ веры, сформулированный на Никейском (325) и переработанный на Константинопольском (381) вселенских соборах; 3) "Афанасиев" символ веры, ошибочно приписывавшийся одному из "отцов церкви" Афанасию Александрийскому.

Аугсбургское исповедание – изложение основ лютеранства, составленное с одобрения М. Лютера его ближайшим соратником Ф. Меланхтоном и представленное императору Карлу V на Аугсбургском рейхстаге (1530).

Вестминстерское вероисповедание – символ веры пресвитерианской (кальвинистской) церкви в Англии, выработанный во время Английской революции 17 в. на т. н. Вестминстерской ассамблее (1643–1649).

стр. 45.

Тринадцать принципов веры Маймонида – доктрины еврейской религии, сформулированные средневековым еврейским философом и теологом Маймонидом (Моше бен Маймоном, акроним – Рамбам, 1135–1204).

Трансценденталисты – сторонники учения о том, что Божество пребывает за пределами мира (трансцендентно миру). **Имманентисты** – сторонники противоположного учения, согласно которому Божество пребывает в мире (имманентно миру).

стр. 46.

Заратустра (Зороастр) – легендарный пророк, основатель дуалистической древнеиранской религии (зороастизма), окончательно сформировавшейся к 7 в. до н. э.

стр. 48.

Брахманизм – религия древней Индии, сложившаяся в 1-й пол. 1-го тысячелетия до н. э. Утверждает иллюзорность и преходящий характер видимого мира, единство его безличной и бестелесной субстанции (Брахман), закон посмертного воздаяния человеку за его поступки при жизни (карма), спасение души путем освобождения (мокша), соединения ее с Брахманом.

Квакеры (от англ. quakers, букв. – трясущиеся; первоначально употреблялось в ироническом смысле; самоназвание Society of Friends – Общество друзей), члены религиозной христианской общины, основанной в середине 17 в. в Англии Дж. Фоксом. Квакеры отвергают институт священников и церковные таинства, проповедуют пацифизм, занимаются благотворительностью.

стр. 51.

Онтология (греч. *онтос* – "сущее" и *логос* – "учение") – философское учение о бытии.

стр. 66.

Шхина (ивр. "пребывание", "проживание") – слово, служившее в побиблейское время для обозначения имени Бога и выражавшее один из его атрибутов – отношение Его к миру, особенно к еврейскому народу.

стр. 70.

Теодицея (греч. *теос* – "Бог" и *дике* – "справедливость") – "оправдание Бога", религиозно-философ-

ские доктрины, стремящиеся согласовать идею благого и разумного Божественного управления миром с наличием мирового зла.

стр. 79.

Акива (ок. 50–135), систематизатор Галахи, один из основоположников раввинистического иудаизма. Родился в семье простолюдина; занявшись изучением Торы в зрелом возрасте, стал вскоре крупнейшим религиозным авторитетом. Приветствовал антиримское восстание Бар-Кохбы (132–135), после подавления которого принял мученическую смерть от рук римлян.

стр. 80.

Бахья Иби Пакуда – еврейский философ-моралист, живший в мусульманской Испании во 2-й половине 11 века. Автор книги "Ховот ха-левавот" ("Обязательства сердца"), оказавшей большое влияние на позднейшую еврейскую религиозную литературу.

стр. 85.

Эпикур (341–270 до н. э.) – греческий философ эпохи эллинизма. В этике обосновывал разумное наслаждение, уклонение от страданий и достижение спокойного и радостного состояния духа.

Патер, Уолтер (1839–1894) – английский писатель и критик. Отстаивал принцип эстетизма, культ чистого искусства и приносимого им наслаждения.

Павел из Тарса (апостол Павел) – религиозный деятель и писатель 1 в. н. э., с именем которого связывается отделение христианства от иудаизма.

стр. 87.

Нахман бен Шмуэль – один из амораев, создателей Гемары, законоучителей, действовавших в период после завершения Мишны (нач. 3 в.) до завершения Иерусалимского (4 в.) и Вавилонского (5 в.) Талмуда.

стр. 96.

Терапевты (греч. "служители Господа") – община евреев-аскетов, описанная философом **Филоном Александрийским** (21 или 28 до н. э. – 41 или 49 н. э.), эзилинизованным евреем, стремившимся сочетать еврейский монотеизм с идеями греческих философских школ неоплатонизма и стоицизма.

стр. 116.

Унитарии (от лат. *unitas* – единство) – последователи религиозного учения, отрицающего христианский догмат о триединстве Божества.

стр. 122.

Вельхаузен, Юлиус (1844–1918) – немецкий семитолог, крупнейший представитель школы критического анализа текста Библии.

стр. 140.

Бенедикция (лат. "благословение") – молитвенная формула, содержащая благословение Бога.

стр. 142.

Трихиниллэз – глистное заболевание человека и животных, вызываемое паразитическим червем трихинеллой (трихиной).

стр. 149.

Конфирмация (от лат. *confirmatio* – утверждение) – в протестантизме – торжественный публичный акт приобщения юношей и девушек (14–16 лет) к церковной общине; у католиков – обряд (таинство) миропомазания, приобщающий детей к церкви.

стр. 150.

Мезуза (ивр.; досл. "дверной косяк") – прямоугольный кусок пергамента, на котором написаны определенные стихи из Библии; прикрепляется в футляре к косякам дверей в еврейском доме.

стр. 184.

Августин Блаженный, Аврелий (354–430) – христианский богослов и философ-мистик, близкий к неоплатонизму. Труд Августина "О граде Божием" содержит христианскую философию истории.

Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770–1831), немецкий философ, создатель системы абсолютного идеализма, исходным положением которой является тождество бытия и мышления, проявляющееся в исторически развивающемся процессе самопознания абсолютной идеи.

Теннисон, Альфред (1809–1892) – английский поэт. Сентиментальная поэзия Теннисона отличается музыкальностью и живописностью.

стр. 186.

Нахманид (Моше бен Нахман, акроним – Рамбан, 1194 – ок. 1270) – испанский талмудист и законоучитель, библейский экзегет, философ, каббалист, поэт и врач.

עיריית חיפה
מערכת תרבות הפנאי
מרכז תרבות לעולים
בית ארדשטיין – ספריה
נס. מלאי.....

СЕРИИ "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. Юн Юрис. ЭКСОДУС
2. А.И.Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
3. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
4. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
5. Д-р Е.Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
6. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
7. 6 000 000 ОБВИНИЮТ (Процесс Эйхмана)
8. А.И.Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
9. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
10. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
11. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
12. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
13. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
14. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
15. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
16. Р. и У.Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
17. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
18. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
19. И.Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
20. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
21. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
22. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
23. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917 – 1967)
24. Ш.Й.Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы и романов
25. Элиэзер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
26. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
27. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
29. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
30. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
31. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
32. Р. Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
33. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
34. Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
35. А.Башевис-Зингер. РАБ
36. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
37. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
38. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ

40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в кибуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА СВОЮ СВОБОДУ
57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО и другие рассказы
58. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И.Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андрэ Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННЫЕ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И.Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
 И.Кауфман. Библейская эпоха;
 Л.Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь;
 Ш.Эттингер. Корни современного антисемитизма.
67. А.Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л.Коллинз и Д.Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М.Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М.Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ

75. Ф.Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф.Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А.Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х.Н.Бялик и И.Х.Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б.Динур. Исторические основы возрождения Израиля;
С.Дубнов. Письма о старом и новом еврействе.
82. ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ
83. Ханох Бартов. ВЫДУМЩИК
84. Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД - ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ
85. Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"
86. Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ
87. М.Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА
88. А.Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ
89. Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов
90. Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ
91. Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ
92. М.Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ
93. Н.Полетика. ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ
94. Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
95. Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ
96. Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
97. МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания
98. Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)
99. Луи Финкел斯坦. РАББИ АКИВА
100. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1
101. Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2
102. Муня М.Мардор. СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ
103. Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА
104. Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА
105. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1
106. Михаэль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2
107. ИВРИТ - ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей
108. Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС
109. Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ
ГОВОРИТЬ

110. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1
111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
113. В ОТКАЗЕ. Сборник
114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ВОСПОМИНАНИЯ
119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
123. Исраэль Таир. СИНАГОГА – РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
132. Ашер Баращ. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
133. Ицхак Орен. МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
134. Андре Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ
137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие Книга 2

